

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2023 – № 1 (18)

Ярославль
2023

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. – № 1 (18). – 207 с. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658_428X_2023_1_18. – EDN NVYVMZV

Редакционная коллегия

Главный редактор: **М. В. Новиков**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** **О. А. Коряковцева**, доктор политических наук, доцент, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Т. Н. Гушина**, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Тарханова**, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** **Т. С. Аكوва**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-политических теорий, декан факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **С. А. Бабуркин**, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; **Н. А. Баранов**, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; **Т. В. Бугайчук**, доктор политических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Вейди Чжоу**, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; **А. В. Волкова**, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; **Ю. А. Головин**, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **Л. Н. Данилова**, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. М. Ермаков**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ж. А. Захарова**, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; **П. Л. Карабушенко**, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; **Г. Н. Кочешков**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского; **А. Ло**, доктор исторических наук, профессор Института истории и культуры Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; **А. В. Лубков**, доктор исторических наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета, г. Москва; **А. А. Машковцев**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политических наук Вятского государственного университета, г. Киров; **С. А. Панкратов**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; **Д. Г. Сельцер**, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; **Л. Г. Титова**, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **Ирэна Упенице**, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдиныша, г. Рига, Латвия; **В. А. Фокин**, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; **А. П. Чернявская**, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Я. Ю. Шашкова**, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; **В. А. Ясвин**, доктор психологических наук, профессор, и. о. заведующего междисциплинарной кафедрой образовательных систем и педагогических технологий Московского государственного института международных отношений МИД России, г. Москва; **Ц. Чжан**, доктор исторических наук, профессор, директор Центра новой мировой истории Института истории Пекинского педагогического университета, г. Пекин, КНР; **В. Т. Юнгблуд**, доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета, г. Киров; **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу, КНР.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2023
© Авторы статей, 2023

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Social and political researches: scientific journal. – Yaroslavl: RIO YSPU, 2023. – №1 (18). – 207 p. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658_428X_2023_1_18. – EDN NVMZV

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, associate professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. N. Gushchina**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. S. Akopova**, candidate of sociological sciences, associate professor, dean of faculty of socio-political sciences, Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **T. V. Bugaichuk**, doctor of political sciences, associate professor of department of theory and methodology of professional education Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. M. Ermakov**, doctor of historical sciences, professor of the department of world history, dean of the faculty of history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **G. N. Kocheshkov**, doctor of historical sciences, professor, head of the department of national history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. Lo**, doctor of history, professor, institute of history and culture, Central Chinese pedagogical university, Wuhan, China; **A. V. Lubkov**, doctor of historical sciences, professor, academician of the Russian academy of education, rector of the Moscow state pedagogical university, Moscow; **A. A. Mashkovtsev**, doctor of historical sciences, professor, head of the department of history and political sciences of the Vyatka state university, Kirov; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of pedagogical technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Bamaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus; **V. A. Yasvin**, doctor of psychological sciences, professor of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow; **Z. Zhang**, doctor of historical sciences, professor, director of the new world history centre of the institute of history of Beijing normal university, Beijing, China; **V. T. Yungblyud**, doctor of historical sciences, professor, president of Vyatka state university, Kirov; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou, China.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences in the following scientific specialties are published: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2023
© Authors of articles, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

- Асеева Т. А.* Девальвация значимости мнения «другого» и «аутизация» поколения Z _____ 6
- Таланов С. Л.* Исторические видеоигры как инструмент политики _____ 20
- Страдина Е. А.* Направления государственного регулирования развития отрасли информационных технологий в России _____ 39
- Качусов Д. А.* Патриотические организации Сибирского федерального округа и их деятельность в условиях новой политической повестки _____ 57

Социально-политическая история России

- Се Голян П. А.* Столыпин и авторитарная политика _____ 75
- Кочешков Г. Н.* Социальные аспекты внутренних займов индустриализации второй половины 1920-х годов: по материалам Ярославской губернии _____ 90
- Карандашев Г. В.* Антиалкогольная кампания в Ярославской области в 1985 – 1991 гг. _____ 104
- Пань Сюаньэ* Боярская дума и Нэйгэ в XVI веке: сравнительный анализ _____ 120
- Теория, методика и организация социально-культурной деятельности*
- Хромых А. С., Котов Р. И., Веретенников Д. Н., Курбангалеева Е. Ш.* Изучение русского языка детьми соотечественников за рубежом: потребность, реальность, перспективы _____ 133
- Александрова Е. А., Бурмистрова М. Н., Фирсова Т. Г.* Концептуальные идеи модернизации педагогического образования в контексте развития личностного потенциала будущего педагога _____ 148
- Саик Харес* Факторы, влияющие на гендерное неравенство в сфере образования: на примере Афганистана _____ 167
- Зауторова Э. В.* Развитие социальной активности детей младшего школьного возраста средствами детского экспериментирования _____ 180
- Дубенский П. И.* Реализация модели формирования ответственного отношения к оружию у учащейся молодежи _____ 194

THE CONTENT

Political institutions, processes and technologies

<i>Aseeva T. A.</i> Devaluation in significance of the opinion of “another” and “autisation” of generation Z _____	7
<i>Talanov S. L.</i> Historical video games as a tool of politics _____	21
<i>Stradina E. A.</i> Directions of state regulation in development of the information technology industry in Russia _____	40
<i>Kachusov D. A.</i> Patriotic organizations of the Siberian federal district and their activities in context of new political agenda _____	58

Socio-political history of Russia

<i>Xie Guoliang P. A.</i> Stolypin and authoritarian politics _____	76
<i>Kocheshkov G. N.</i> Social aspects of internal loans of industrialization in the second half of the 1920s: based on the Yaroslavl province materials _____	91
<i>Karandashev G. V.</i> Anti-alcohol campaign in the Yaroslavl region in 1985 – 1991 _____	105
<i>Pan Xuanye</i> Boyar дума and Neige in the XVI century: a comparative analysis _____	121

Theory, methods and organization of socio-cultural activities

<i>Khromikh A. S., Kotov R. I., Veretennikov D. N., Kurbangaleeva E. S.</i> Studying the russian language by children of compatriots abroad: need, reality, prospects _____	134
<i>Aleksandrova E. A., Burmistrova M. N., Firsova T. G.</i> Conceptual ideas for the modernization of pedagogical education in the context of the development of the personal potential of a future teacher _____	149
<i>Saiq Hares</i> Factors affecting gender inequality in education: the case of Afghanistan _____	168
<i>Zautorova E. V.</i> Development of educational motivation of younger schoolchildren by means of children's experimentation _____	181
<i>Dubenskij P. I.</i> Implementation of a model for the formation of a responsible attitude to weapons among students _____	195

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья
УДК 323.21
DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_6
EDN: NXBFIV

Девальвация значимости мнения «другого» и «аутизация» поколения Z

Татьяна Анатольевна Асеева

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии,
Алтайский государственный университет, г. Барнаул
tatulyasolar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3337>

Аннотация. В современных условиях остро стоит вопрос эффективного воздействия на политическое сознание молодежи с целью формирования гражданской идентичности и патриотизма. В связи с чем следует выяснить, с помощью каких и агентов это возможно. В статье анализируется динамика значимости мнения «другого», оценивается его роль в процессе целенаправленной политической социализации. Определяются особенности поколения Z, влияющие на его восприятие политики: клиповость мышления, высокая конфликтогенность, низкая терпимость, депрессивность, апатичность, низкий уровень доверия политическим лидерам и СМИ.

Массовые опросы школьников 9-11 классов, проведенные в регионах Сибирского федерального округа позволили констатировать рост интереса молодежи к политике. В процессе получения информации о политике, молодежь отдает предпочтение новым агентам: Сеть Интернет и мессенджеры. Однако, уровень доверия как к традиционным, так и к новым социализаторам со стороны молодежи крайне низок и наблюдается девальвация значимого «другого». Молодежь воспринимает СМИ как источник пропаганды, блогеров как финансово ангажированных контент-мейкеров. Значимость учителя, как ориентира в оценке политических вопросов, крайне мала, так как статус педагога и формат коммуникации в школе не соответствуют ценностям молодежи. Тяжело ориентироваться в потоке противоречивой информации, молодежь чаще предпочитает уходить от обсуждения политических вопросов и тем.

Стихийная политическая социализация, характерная для молодежи поколения Z, лишает ее возможности получения системного, объективного знания и влечет риски деструктивного поведения, вызванного эмоциональными реакциями. Все это важно учитывать в ходе формирования и реализации молодежной политики и

патриотического воспитания, для выработки эффективных моделей коммуникации с молодежной средой.

Ключевые слова: молодежь; школьники; политическая социализация; поколение Z; агенты политической социализации; социальные сети; патриотизм; Интернет; Сибирский федеральный округ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00346

Для цитирования: Асеева Т. А. Девальвация значимости мнения «другого» и «аутизация» поколения Z // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 6-19. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_6. <https://elibrary.ru/NXBFIV>.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Devaluation in significance of the opinion of “another” and “autisation” of generation Z

Tat'yana A. Aseeva

Candidate of political sciences, associate professor, department of philosophy and political science, Altai state university, Barnaul
tatulyasolar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3337>

Abstract. Under modern conditions, the issue of effective influence on the political consciousness of young people in order to form a civic identity and patriotism is urgent. In this regard, we should find out with the help of which agents this is possible. The article analyzes the dynamics of the significance of the opinion of “another”, assesses its role in the process of targeted political socialization. The features of generation Z that influence his perception of politics are determined: clippability of thinking, high conflictogenicity, low tolerance, depression, apathy, low level of trust in political leaders and the media.

Mass surveys of students in 9-11 grades, conducted in the regions of the Siberian Federal District, made it possible to state the growing interest of young people in politics. In the process of obtaining information on politics, young people prefer new agents: the Internet and instant messengers. However, the level of trust in both traditional and new socializers on the part of young people is extremely low and there is devaluation of significant “another”. Young people perceive the media as a source of propaganda, bloggers as financially biased content makers. The importance of the teacher, as a guideline in assessing political issues, is extremely small, since the status of the teacher and the format of communication in the school do not correspond to the values of young people. As it is hard to navigate in the flow of conflicting information, young people often prefer to avoid discussing political issues and topics.

The spontaneous political socialization characteristic of the youth of generation Z deprives them of the opportunity to obtain systemic, objective knowledge and entails risks of

destructive behavior caused by emotional reactions. All this is important to take into account in the course of the formation and implementation of youth policy and patriotic education, to develop effective models of communication with the youth environment.

Keywords: youth; school students; political socialization; generation Z; agents of political socialization; social media; patriotism; Internet; Siberian federal district

The study was carried out with the financial support of RFBR within the framework of the scientific project 20-011-00346

For citation: Aseeva T. A. Devaluation in significance of the opinion of “another” and “autisation” of generation Z. *Social and political researches*. 2023;1(18):6-19. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_6. <https://elibrary.ru/NXBFIV>.

Введение

Начало специальной военной операции на Украине (*далее СВО*) обнажило массу проблем, связанных с ценностями, идентичностью и консолидацией общества по ключевым вопросам его развития. Особенно остро данная проблема проявилась в молодежной среде, при том, что государство и общественные структуры уже на протяжении длительного времени осуществляют ее целенаправленную политическую социализацию, особенно в части формирования патриотизма. Наиболее эффективно это влияние можно осуществить посредством социализаторов или агентов политической социализации. Потенциал же социализирующего воздействия зависит от их значимости в глазах социализируемого. В связи с этим представляется актуальным проанализировать уровень ориентированности школьников на мнение различных агентов политической социализации, а также оценить его динамику в условиях новых вызовов на фоне обострения внешнеполитических отношений РФ.

Согласно теории межпоколенческих размежеваний, которая вошла в научный дискурс благодаря работе американских авторов У. Штрауса и Н. Хоува, изучаемый нами сегмент молодежи относится к поколению Z [Howe, 1997]. Несмотря на то, что данная теория не является универсальной и неоспоримой, она взята в данной работе за основу для определения специфических характеристик поколения Z, так как в наибольшей степени позволяет объяснить позицию школьников.

Следует отметить, что в последние годы вышеуказанная теория достаточно прочно вошла в научный и практический лексикон. Особенности поколения Z в первую очередь интересуют исследователи в области педагогических наук. Они пытаются осмыслить специфику данного поколения и выработать эффективные способы взаимодействия с ними в рамках образовательного процесса [Сапа, 2014; Пошехонова, 2018; Захарова, 2019; Третьякова, 2021].

Показательно, что в условиях рыночной экономики поколение Z

привлекает внимание маркетологов. Изучаются принципы их потребительского поведения, основывающиеся на потребности в получении ярких эмоций, персональном подходе и скорости предоставления коммерческих предложений [Миროнова, 2019; Соловьева, 2020].

Также тема мировосприятия поколения Z присутствует и в политологическом дискурсе. Учеными констатируются особенности нового поколения, в виде поверхностности и клипповости мышления, повышенной эмоциональности и слабостью заинтересованности в обсуждении рутинных политических вопросов. Специфика медиапространства становится важным фактором социализации современной молодежи и определяет своеобразие ее онлайн-коммуникации [Гришаева, 2020; Селезнева, 2021; Попова, 2021; Руденкин, 2021].

В процессе осмысления коммуникативных процессов в условиях цифровизации авторы поднимают важнейшую проблему, вызванную перепроизводством разнонаправленной информации, вопрос об уровне доверия как к самой интернет-коммуникации, так и лицам, ее презентующим [Кавеева, 2019].

В условиях гибридной политической социализации, для которой характерно влияние новых агентов, в частности сети Интернет [Бурда, 2020], исследователи не перестают анализировать вклад традиционных социализаторов в становление политического сознания молодого по-

коления, таких как семья, школа, СМИ [Тарасова, 2018; Захарова, 2019; Самсонова, 2019; Зайко, 2022].

Вместе с тем можно констатировать, что сохраняется актуальность работ, отражающих трансформацию значимости различных агентов политической социализации среди представителей поколения Z, особенно в сегменте учащихся старших классов. Данная статья посвящена анализу динамики мнения «другого», оценке его роли и перспектив в процессе целенаправленной политической социализации.

Эмпирической основой статьи послужили результаты массовых опросов молодежи, проведенных учеными Алтайского государственного университета в регионах Сибирского федерального округа. Объем выборки составил в 2020 г. 2 050 человек, в 2022 г. – 1 050 человек; выборка несвязанная квотная с контролем возраста, класса, типа населенного пункта и региона проживания. Данные были собраны методом прямого анкетирования по месту учебы респондентов и обработаны в программе SPSS.

Поколение Z в российском общественно-политическом научном дискурсе

Характеризуя среду поколения Z, Р. В. Пырма отмечает, что оно формировалось в мире широко открывшихся возможностей и перепроизводства информации [Пырма, 2017]. Это поколение, которое не просто выросло в цифровую эпоху, а являет-

ся его «аборигенами». Оно предпочитает виртуальное общение и ориентировано на *phygital* – взаимодействие, то есть тесное переплетение цифрового и физического опыта. Цифровые технологии существенно определяют когнитивные способности молодого поколения, что приводит к снижению концентрации внимания, навыков слушания, изменению объемов кратковременной памяти, актуализации клипового мышления. Для этого поколения характерен новый тип мышления – сетевой [Мамина, 2020].

На основании проведенного всероссийского опроса, глубинных интервью и экспертного опроса А. Я. Селезнева, А. Ф. Яковлев, Э. С. Ибрагимов подтверждают особенности российского сегмента поколения Z, заключающиеся в поверхностности и фрагментарности восприятия информации, депрессивных и апатичных общественных настроениях, что отражается в массовом медиапотреблении молодежи и, в конечном итоге, может привести к «молниеносной, неуправляемой и неосознанной реакции молодежи в ключе общественной жизни страны» [Селезнева, 2021, с. 131].

Л. Д. Козырева, опираясь на данные Всемирной организации здравоохранения, отмечает, что депрессивность молодого поколения, присутствует не только в России. Она характерна для всех стран и является основной проблемой психического здоровья поколения Z. Автор подчеркивает психо-

эмоциональные черты поколения – эмоциональная глухота, неразвитость эмпатии, отсутствие четких ценностных ориентаций, а также как и поколения Y достаточно низкий уровень доверия политическим лидерам [Козырева, 2019].

Поколение Z не видит разницы между виртуальным и реальным миром. Привыкая, что в виртуальном мире их желания всегда исполняются, молодежь достаточно болезненно воспринимает проблему несоответствия цифрового и реального мира. Более того, гиперактивность нового поколения приведет к гиперактивному социуму, в котором люди будут отличаться большей потребностью в новизне, поиске ощущений, меньшей терпеливостью и терпимостью, склонностью к повышенной конфликтности» [Сапа, 2014, с. 26]. Кроме того, отмечает А. В. Сапа, для изучаемого поколения характерна «аутизация, как способ взаимодействия с миром людей, с детства погруженных в себя и неспособных общаться с окружающими, выступает как защита от проблем современного образа жизни, как способ отгораживания от мира» [Сапа, 2014, с. 26].

Приоритетность использования молодежью сети Интернет для получения политической информации, связана с кризисом их доверия к традиционным СМИ. Интернет рассматривается молодежью, как более свободная площадка с возможностью обсуждения и поиска альтернативной информации [Ру-

денкин, 2021]. Т. Н. Самсонова и Е. С. Наумова отмечают, что предпочтением молодежью Интернет-контента обусловлено простотой и скоростью доступа к информации [Самсонова, 2020]. Особенности привычной цифровой среды определяют предпочтительные формы политического участия молодежи поколения Z. Скорость и безопасность отличают цифровые формы политического участия от традиционных: очень удобно выражать свою гражданскую позицию из любой точки мира, параллельно занимаясь другими делами, а также понимая, что никаких последствий не последует [Гришаева, 2020].

Но если говорить о реальной политической онлайн-активности, то даже до ужесточения ответственности за содержание высказываний о политических событиях и процессах, активное обсуждение политической тематики в онлайн-пространстве являлось актуальным лишь для 22 % молодежи, проживающей в российских мегаполисах [Попова, 2021].

Безусловно, не следует утверждать, что российская молодежь, которую условно можно отнести к поколению Z, представляет собой монолитное социальное образование. На ее сегментацию влияют различные факторы, в первую очередь, уровень инклюзии в информационно-цифровую среду, которая в немалой степени зависит и от ресурсной обеспеченности этих возможностей.

Источники политической информации и степень значимости мнения «другого» для школьников

В ходе проведения двух массовых опросов школьников 9-11 классов на территории Сибирского федерального округа (*далее СФО*) в 2020 г. и 2022 г. обнаружилось, что за последнее время интерес изучаемого сегмента молодежи к политике несколько увеличился. Если в 2020 г. была зафиксирована следующая ситуация: 20% школьников старшего возраста ежедневно становятся получателями политической информации, 38 % – несколько раз в неделю, 14,7 % – один раз в неделю, 17 % – несколько раз в месяц, 4 % – несколько раз в год, 6,3% молодежи отметило, что не получают политической информации вообще. То результаты опроса 2022 г. показали, что ежедневно получают политическую информацию 27,6 % школьников старшего возраста, несколько раз в неделю 38,7 %, один раз в неделю 13,6 %, несколько раз в месяц 13,7 %, несколько раз в год 1,6%. И лишь 4,7 % молодежи отметило, что не получают политической информации вообще или затруднились ответить на поставленный вопрос (0,1 %). В связи с этим встает вопрос об источниках, которыми пользуются школьники при получении информации о политических событиях и процессах.

Развитие цифрового общества, информационно-коммуникативных

технологий сопровождается появлением нового источника информации, играющего роль социализатора – Сети Интернет. В ходе массовых опросов подтвердилась доминирующая роль социальных сетей, мессенджеров, информационных Интернет-ресурсов, новостных

лент и видео как источника информации о политике. Этим акторам в разной степени уступают традиционные агенты: друзья, знакомые, родственники, телевидение. Роль же печатных источников информации практически не заметна среди молодежи (см. табл. 1).

Таблица 1.
Распределение ответов на вопрос «Из каких источников Вы получаете информацию о политических событиях», % по столбцу*

Источник информации	2020 год	2022 год
Центральное телевидение	45,8	44,8
Региональное / местное телевидение	27,4	23,5
Центральные газеты	3,7	2,5
Региональные и местные газеты	3,5	2,2
Радио	11,5	8,2
Партийная литература, агитационные материалы	2,9	3
Научная литература	8	9
Друзья, знакомые	65,9	67,2
Родственники	59,1	66
Социальные сети, мессенджеры	85,8	85
Информационные Интернет-ресурсы, новостные ленты, видео	75	78
Другое	0,5	0
Не пользуюсь ни одним источником	2,1	2

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Несмотря на то, что исследователи отмечают, что поколение Z предпочитает сеть Интернет, социальные сети и мессенджеры в качестве источника информации, все же избегать телевизионного информационного потока им достаточно сложно, так как члены их семьи чаще всего принадлежат к партии «Телевизора» [Ушкин, 2021]. В целом, тенденция актуальных каналов информации определяется специ-

фикой юного возраста респондентов, где наряду с новыми агентами (социальными сетями и мессенджерами, информационными Интернет-ресурсами) в качестве основных источников информации выступают традиционные агенты (родственники, друзья и знакомые, а также центральное телевидение). Обращает на себя внимание тот факт, что после начала СВО увеличился процент респондентов, ука-

зывающих родственников как источник информации. Вероятнее всего, это связано с тем, что острая новостная повестка усилила интенсивность ее обсуждения в кругу семьи.

Школьникам достаточно сложно критически оценивать события, и для них в большей степени имеет значение вопрос доверия к источнику информации. В связи с этим актуализируется проблема значимого «другого» в среде изучаемого сегмента молодежи.

Проводя массовый опрос школьников в 2020 г., инструментарием было предусмотрена возможность определения нескольких референтных позиций при ответе на вопрос «Чье мнение для Вас наиболее значимо при обсуждении общественных проблем?», поэтому количество % больше 100. В результате рейтинг доверия выстроился следующим образом: «родители и родственники» – 47,3 %, «только собственное» – 33,6 %; «друзья» – 27 %, «известные политики и общественные деятели» – 14,5 %, «блогеры» – 14,1 %, «СМИ» – 10,3 %, «известные люди (бизнесмены, спортсмены, деятели искусства и т. д.)» – 9,2 %, «учителя» – 8,8 %, «лидеры различных политических партий и движений» – 7,6 %, «депутаты и государственные деятели» – 5,8 %, «лидеры молодежных организаций» – 5,5 %.

В сентябре 2022 г. исследователями было принято решение ограничить выбор респондентов в определении значимого «другого»

для уточнения рейтинга референтных лиц, влияющих на формирование мнения об общественно-значимых проблемах. Для всей совокупности выборки характерна интересная тенденция падения авторитета лиц, способных повлиять на мнение школьников. Вместе с тем, неизменное первое место занимает категория «родители, родственники» – 27,9 %. По-прежнему «только собственное мнение» остается значимым для 25 % школьников. Остальные же категории даже в общей совокупности не смогли конкурировать с близким кругом контактов молодежи. Так, к мнению «друзей» прислушиваются 7,6 % старших школьников, к позиции «известных политиков и общественных деятелей» – 6,4 %, «депутатов и государственных деятелей» – 2,4 %, «СМИ» – 2,2 %, «лидеров различных политических партий и движений» – 1,7 %, «лидеров молодежных организаций» – 0,7 %.

Примечательно, что на этом фоне просели позиции ЛОМов в виде блогеров (1,5%), известных людей (бизнесмены, спортсмены, деятели искусства и т. д.) – 1 % и учителей – 0,4 %, которые и замыкают рейтинг. Но еще более примечательным оказалось, что 23,2 % затруднились ответить на поставленный вопрос (для сравнения в 2020 г. затруднившихся ответить было лишь 0,1%). Это свидетельствует либо о растерянности молодежи в сложившихся условиях, либо о попытке скрыть свои истинные

предпочтения, в следствии «аутизации» молодежи, ее ухода от обсуждения неприятных ей вопросов, что совпадает с описанной исследователями особенностью поведения поколения Z.

По мере взросления школьников автономизация в их ориентации на мнение «другого» возрастает. Однако этот факт практически не затрагивает вес мнения родителей и родственников (см. табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос «Чье мнение для Вас наиболее значимо при обсуждении общественных проблем», % по столбцу

	9 класс	10 класс	11 класс
Родителей, родственников	27,8	28,4	27,7
Друзей	8,6	7,6	6,7
Известных политиков и общественных деятелей	4,7	6,5	8
Лидеров молодежных организаций	0,3	1,6	0
Депутатов и государственных деятелей	2,4	3	1,6
Учителей	0	0,5	0,6
Лидеров различных политических партий и движений	2,4	1,9	0,7
Блогеров	2,4	1,4	0,6
СМИ	2,1	3	1,3
Известных людей (бизнесмены, спортсмены, деятели искусства и т. д.)	1,2	1,1	0,6
Только собственное	22,5	25,4	27,3
Затрудняюсь ответить	25,6	19,6	24,9

В одной из наших публикаций уже предпринималась попытка осмыслить роль родителей как ориентиров в ценностно-смысловом пространстве молодежи [Асеева, 2022]. Молодежь часто указывает на особый психологический климат и доверительную обстановку в семье при обсуждении волнующих их общественно-политических вопросов. Даже если возникают разногласия, это не снижает уровень доверия к близким. Молодежь воспринимает семью как некий остро-

вок безопасности в огромных потоках противоречивой информации.

На этом фоне наблюдается падение значимости СМИ как источника информации, которому доверяет молодежь. Данный факт объясняется ее негативными установками в отношении СМИ как инструменту пропаганды.

Низкий уровень авторитета политических лидеров и доверия им со стороны молодежи также отражает установки поколения Z и может быть реакцией на переизбыток противоречивого информационного

потока, в том числе генерируемого вышеуказанными социализаторами.

Несмотря на приоритетность цифровой среды для получения информации, блогеры как значимые «другие» так и не получили доверия со стороны молодежи. Этот факт объясняется, с одной стороны, видимой монетизацией блогерской деятельности, что снижает доверие к объективности транслируемой информации. С другой стороны, закрытие каналов информации, таких как Инстаграм, вынудило блогеров переориентироваться на другие, менее удобные для молодежи форматы коммуникации.

И самый ценный для структурированной политической социализации ресурс – учителя, – не выдерживают никакой конкуренции в сложившихся условиях. Это объясняется тем, что ни сама педагогическая деятельность, ни образ учителя не соответствует ценностям молодого поколения (свобода, финансовый достаток, успешность и т. д.). Кроме того, формат обсуждения общественно-значимых вопросов с учителем практически никогда не проходит в формате горизонтальной коммуникации, которую предпочитают школьники.

Заключение

Таким образом, массовые опросы школьников 9-11 классов СФО 2020 г. и 2022 г. показали рост интереса молодежи к политическим событиям и сохранение тенденции доминирования новых акторов политической социализации в каче-

стве источников политической информации. Но уровень значимости новых и традиционных акторов в молодежной среде не значителен. Усложнение внешнеполитической обстановки лишь усугубило данную ситуацию. Характерное для поколения Z недоверие лидерам дополняется негативным восприятием СМИ как источника пропаганды и блогеров как финансово ангажированных контент-мейкеров. Учителя же, как единственный подконтрольный государству субъект политической социализации в основной массе, лишены авторитета среди молодежи, так как не вписываются в представление молодежи об «успешности», а сам формат школьного взаимодействия не позволяет реализовать предпочтительный для молодых людей формат коммуникации «на равных». Находясь под давлением огромных потоков информации, молодежь изучаемого сегмента выбирает отгораживание от сложных вопросов и тем. Наблюдается девальвация доверия как традиционным, так и новым агентам политической социализации. Лишь семья пока остается тем социализатором, который вызывает хоть какое-то доверие у молодежи.

Сложившаяся ситуация заключает в себе риски прохождения молодежью стихийной гибридной политической социализации, лишаясь возможности получения системного объективного знания. Это необходимо учитывать заинтересован-

ным акторам в ходе формирования и реализации молодежной политики и патриотического воспитания, для выработки эффективных моделей коммуникации с молодежной средой.

Библиографический список

1. Асеева Т. А. Новые vs традиционные агенты политической социализации в условиях digital-коммуникации молодёжи регионов РФ / Т. А. Асеева, О. С. Киреева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 57-64. DOI: 10.54398/1818510X_2022_2_57.
2. Бурда М. А. Современные особенности становления новых агентов политической социализации молодежи / М. А. Бурда, А. Р. Горчакова, Н. С. Стригина // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Том 15, №2. С. 99-109.
3. Гришаева С. А. Перспективы развития цифровых форм политического участия поколения Z в современной России / С. А. Гришаева, А. А. Лебедева // Цифровая социология. 2020. Т. 3, №4. С. 12-19. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-3-4-12-18.
4. Зайко Я. В. Школа как агент политической социализации в современной России: проблемы и перспективы развития / Я. В. Зайко, В. А. Зорин, Е. В. Лукина // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 53-63. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-53-63.
5. Захарова В. А. Студенты поколения Z: реальность и будущее // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 4. С. 47-55.
6. Захарова И. В. Доверие к педагогу как фактор его воспитательного влияния // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, Вып. 2 (30). С. 176-182. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-176-182>.
7. Кавеева А. Д. Ускользающее доверие в цифровых коммуникациях: что связывает пользователей в виртуальных сообществах? / А. Д. Кавеева, Л. А. Сабурова, Ю. Ю. Эстрина // Антиномии. 2019. Т. 19, Вып. 4. С. 45-65. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00008.
8. Козырева Л. Д. Поколение Z в политике: политологический прогноз // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3 (23). С. 159-165. DOI: 10.25513/23121300.2019.3.159-165.
9. Мамина Р. И. Phygital поколение в условиях свободной глобальной коммуникации / Р. И. Мамина, И. И. Толстикова // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т.8, №1. С. 34-41.
10. Миронова О. А. Трансформация маркетинговых инструментов в условиях цифровизации экономики и формирования потребительских предпочтений поколения Z // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2019. № 2 (66). С. 60-71.
11. Попова О. В. Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских мегаполисов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 3(2), 28-54. DOI: 10.46539/gmd.v3i2.157.
12. Пошехонова В. А. Образовательная гуманитарная технология цифрового поколения // Педагогическое образование в России. 2018. № 5. С. 13-20.

13. Пырма Р. В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т.7, № 2(26). С. 43-50.
14. Руденкин Д. В. Формирование интереса российской молодежи к политизированному контенту в Интернете: на пути к целостной аналитической модели / Д. В. Руденкин, Д. В. Трынов // Социодинамика. 2021. № 10. С. 51-61. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.10.35223.
15. Самсонова Т. Н. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи / Т. Н. Самсонова, Е. С. Наумова // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 1. С. 166-187. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-166-187.
16. Самсонова Т. Н. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи / Т. Н. Самсонова, Е. С. Наумова // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25, № 4. С. 247-264. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-247-264.
17. Сапа А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24-30.
18. Селезнева А. Я. Гражданское самосознание российской молодежи и медиапространство: «нескладывающийся пазл» / А. Я. Селезнева, А. Ф. Яковлев, Э. С. Ибрагимов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. №4. С. 110-138.
19. Соловьева Д. В. Эмоциональным маркетинг как концепция управления потребительским опытом поколения Z / В. С. Третьякова, Н. Г. Церковникова // Практический маркетинг. 2020. № 7 (281). С. 27-35.
20. Тарасова Е. Г. Семья как агент политической социализации // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 20-27.
21. Третьякова В. С. Цифровое поколение: потери и приобретения / В. С. Третьякова, Н. Г. Церковникова // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 2. С. 53-65.
22. Ушкин С. Г. Партия «телевизора» против партии «Интернета»: как медиапотребление влияет на одобрение деятельности властей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 4. С. 885-867. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-855-867.
23. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. New York : Broadway Books, 1997. 400 p.

Reference list

1. Aseeva T. A. Novye vs tradicionnyye agenty politicheskoy socializacii v usloviyah digital-kommunikacii molodjozhi regionov RF = New vs traditional agents of political socialization in the context of digital communication of youth in the regions of the Russian Federation / T. A. Aseeva, O. S. Kireeva // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2022. № 2 (71). S. 57-64. DOI: 10.54398/1818510H_2022_2_57.
2. Burda M. A. Sovremennye osobennosti stanovlenija novyh agentov politicheskoy socializacii molodezhi = Modern features in formation of new agents of youth political socialization / M. A. Burda, A. R. Gorchakova, N. S. Strigina // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. 2020. Tom 15, №2. S. 99-109.

3. Grishaeva S. A. Perspektivy razvitiya cifrovyyh form politicheskogo uchastija pokoleniya Z v sovremennoj Rossii = Prospects for the development of digital forms of political participation of generation Z in modern Russia / S. A. Grishaeva, A. A. Lebedeva // Cifrovaja sociologija. 2020. T. 3, №4. S. 12-19. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-3-4-12-18.

4. Zajko Ja. V. Shkola kak agent politicheskoy socializacii v sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy razvitiya = School as an agent of political socialization in modern Russia: problems and development prospects / Ja. V. Zajko, V. A. Zorin, E. V. Lukanina // Socium i vlast'. 2022. № 2 (92). С. 53-63. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-53-63.

5. Zaharova V. A. Studenty pokoleniya Z: real'nost' i budushhee = Generation Z students: Reality and the future // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2019. № 4. S. 47-55.

6. Zaharova I. V. Doverie k pedagogu kak faktor ego vospitatel'nogo vlijaniya = Trust in the teacher as a factor in his educational influence // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitiya. 2019. T. 8, Vyp. 2 (30). S. 176-182. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-176-182>.

7. Kaveeva A. D. Uskol'zajushhee doverie v cifrovyyh kommunikacijah: chto svyazyvaet pol'zovatelej v virtual'nyh soobshhestvah? = Slipping trust in digital communications: what connects users in virtual communities? / A. D. Kaveeva, L. A. Saburova, Ju. Ju. Jestrina // Antinomii. 2019. T. 19, Vyp. 4. S. 45-65. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00008.

8. Kozyreva L. D. Pokolenie Z v politike: politologicheskij prognoz = Generation Z in politics: political science forecast // Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki». 2019. № 3 (23). S. 159-165. DOI: 10.25513/23121300.2019.3.159-165.

9. Mamina R. I. Phygital pokolenie v uslovijah svobodnoj global'noj kommunikacii = Phygital generation in free global communication / R. I. Mamina, I. I. Tolstikova // International Journal of Open Information Technologies. 2020. T.8, №1. S. 34-41.

10. Mironova O. A. Transformacija marketingovyh instrumentov v uslovijah cifrovizacii jekonomiki i formirovanija potrebitel'skih predpochtenij pokoleniya Z = Transformation of marketing tools in the context of digitalization of the economy and the formation of consumer preferences of generation Z // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH). 2019. № 2 (66). S. 60-71.

11. Popova O. V. Politicheskaja onlajn-kommunikacija molodezhi rossijskih megapolisov = Political online communication of youth in Russian megacities // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 3(2), 28-54. DOI: 10.46539/gmd.v3i2.157.

12. Poshehonova V. A. Obrazovatel'naja gumanitarnaja tehnologija cifrovogo pokoleniya = Digital generation educational humanitarian technology // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2018. № 5. S. 13-20.

13. Pyrma R. V. Vosstanie pokoleniya Z: novye politicheskie radikaly = Generation Z uprising: New political radicals // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2017. T.7, № 2(26). S. 43-50.

14. Rudenkin D. V. Formirovanie interesa rossijskoj molodezhi k politizirovannomu kontentu v Internetе: na puti k celostnoj analiticheskoj modeli = Shaping the interest

of Russian youth in politicized content on the Internet: towards a holistic analytical model / D. V. Rudenkin, D. V. Trynov // Sociodinamika. 2021. № 10. S. 51-61. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.10.35223.

15. Samsonova T. N. Rol' SMI v politicheskoj socializacii sovremennoj rossijskoj molodezhi = The role of the media in the political socialization of modern Russian youth / T. N. Samsonova, E. S. Naumova // Vestnik moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2020. T. 26, № 1. S. 166-187. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-166-187.

16. Samsonova T. N. Rol' SMI v politicheskoj socializacii sovremennoj rossijskoj molodezhi = The role of the media in the political socialization of modern Russian youth / T. N. Samsonova, E. S. Naumova // Vestnik moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2019. T. 25, № 4. S. 247-264. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-247-264.

17. Sapa A. V. Pokolenie Z – pokolenie jepohi FGOS = Generation Z - Generation of the FSES era // Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii. 2014. № 2. S. 24-30.

18. Selezneva A. Ja. Grazhdanskoe samosoznanie rossijskoj molodezhi i mediaprostranstvo: «neskladyvajushhij pajz» = Civic self-awareness of Russian youth and media space: “non-assembling puzzle” / A. Ja. Selezneva, A. F. Jakovlev, Je. S. Ibragimov // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. №4. S. 110-138.

19. Solov'eva D. V. Jemocional'nym marketing kak koncepcija upravlenija potrebitel'skim opytom pokolenija Z = Emotional marketing as a generation Z consumer experience management concept / V. S. Tret'jakova, N. G. Cerkovnikova // Prakticheskij marketing. 2020. № 7 (281). S. 27-35.

20. Tarasova E. G. Sem'ja kak agent politicheskoj socializacii = Family as an agent of political socialization // Social'no-politicheskie nauki. 2018. № 5. S. 20-27.

21. Tret'jakova V. S. Cifrovoe pokolenie: poteri i priobretenija = Digital generation: loss and acquisition / V. S. Tret'jakova, N. G. Cerkovnikova // Professional'noe obrazovanie i rynek truda. 2021. № 2. S. 53-65.

22. Ushkin S. G. Partija «televizora» protiv partii «Interneta»: kak mediapotreblenie vlijaet na odobrenie dejatel'nosti vlastej = The party of “TV” against the party of “Internet”: how media consumption affects to approve authorities activities // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija. 2021. T.21, № 4. S. 885-867. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-855-867.

23. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. New York : Broadway Books, 1997. 400 p.

Статья поступила в редакцию 03.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 03.01.2023; approved after reviewing 05.02.2022; accepted for publication on 16.02.2023

Научная статья
УДК 323.23
DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_20
EDN: NXLJYD

Исторические видеоигры как инструмент политики

Сергей Львович Таланов

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения, Центр исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва
talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Аннотация. В рамках представленного в статье социологического исследования автором проанализирована роль исторических видеоигр в формировании ценностных установок среди подрастающего поколения. Предпринята попытка установить не наносят ли вред исторические видеоигры подрастающему поколению. В 2022 г. осуществлен опрос студентов среди ведущих вузов г. Ярославля. Проведена серия глубинных интервью с обучающимися, которые играют систематически и целенаправленно в исторические видеоигры, n=40. Проведено тестирование среди студентов на знание отечественной и всеобщей истории. Цель тестирования определить не только грамотность, но и оценить насколько способны исторические видеоигры помочь обучающимся понять связи между прошлым, настоящим и будущим, для этого в тесте были предусмотрены специальные задания. Проведен анализ исторических видеоигр, вышедших с 2010 по 2022 гг., на изучение их сюжетной линии и их аутентичности с историческими событиями. В результате было установлено, что большинство молодых людей играют в исторические видеоигры, так как их жизнь скучна или наполнена стрессом в силу разных причин (большая нагрузка в школе, конфликты со сверстниками или родителями и т. д.). Видеоигры являются своего рода эскапизмом, либо служат для эскапистских развлечений. Для значительной части студентов и школьников, которые играют в исторические видеоигры, игры являются более важным источником информации, чем художественные, документальные фильмы о прошлом России, учебники по истории и занятия по истории в школах и вузах. Большинство исторических видеоигр вышедших на рынок с 2010 по 2022 гг., направлены на создание выборочной аутентичности, не стремятся уделять внимание деталям, исторической объективности.

Ключевые слова: политическая коммуникация; эскапизм; история в видеоиграх; симуляция истории; эскапистские развлечения

Для цитирования: Таланов С. Л. Исторические видеоигры как инструмент политики // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 20-38. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_20. <https://elibrary.ru/NXLJYD>.

Original article

Historical video games as a tool of politics

Sergei L. Talanov

Candidate of sociological sciences, senior researcher, sociology of deviant behavior, Center for the study of adaptation processes in a changing society, Federal research sociological center of the Russian academy of sciences, Moscow
talanov_sersei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Abstract. Within the framework of the sociological study presented in the article, the author analyzed the role of historical video games in the formation of value attitudes among the younger generation. The attempt has been made to determine whether historical video games are harming the younger generation. In 2022, a survey of students was carried out among the leading universities in Yaroslavl. A series of in-depth interviews were conducted with instructors who play systematically and purposefully in historical video games, n = 40. Testing was carried out among students for knowledge of national and global history. The purpose of testing is to determine not only literacy, but also to assess how capable historical video games are to help students understand the connections between the past, present and future, for this, special tasks have been provided in the test. The analysis of historical video games released from 2010 to 2022 have been carried out to study their storylines and their authenticity with historical events. As a result, it has been found out that most young people play historical video games because their lives are boring or filled with stress for various reasons (high workload at school, conflicts with peers or parents, etc.). That is, video games are a kind of escapism, or serve for escapist entertainment. For a large part of students and school students who play historical video games, games are a more important source of information than feature films, documentaries about the past of Russia, history textbooks and history classes in schools and universities. Most historical video games that entered the market from 2010 to 2022 are aimed at creating selective authenticity, do not seek to pay attention to detail, historical objectivity.

Keywords: political communication; escapism; history in video games; history simulation; escapist entertainment

For citation: Talanov S. L. Historical video games as a tool of politics. *Social and political researches*. 2023;1(18):20-38. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_20. <https://elibrary.ru/NXLJYD>.

Актуальность исследования

История – это одна из важнейших дисциплин, формирующих мировоззрение. Знания по истории своего Отечества можно приобре-

тать не только в школе (колледже, вузе), но и в семье, в рамках классного часа, самостоятельно при прочтении соответствующих книг и просмотре исторических телепере-

дач и т. д. В настоящее время являются дискуссионными следующие вопросы:

– Можно ли исторические видеоигры использовать на уроках истории?

– А если да, то можно ли получить точные и объективные данные об истории Родины в рамках исторических видеоигр?

– Способствуют ли видеоигры, хотя бы косвенно, приобретению знаний по истории или исторические видеоигры – это исключительно развлечение?

– Не наносят ли вред исторические видеоигры подрастающему поколению?

Опасения историков, педагогов, социологов и политологов понять можно, так как индустрия видеоигр – это не только огромные финансы, но и возможность влиять на формирование мировоззрения подрастающего поколения. Видеоигры очень привлекательны для молодежи и не только для нее. Многие люди играют в видеоигры, чтобы снять стресс, расслабиться. В процессе игры, как правило, игроки не задаются вопросом, почему события произошли именно так, а не по другому, сюжет игры основан на реальных событиях или нет? У политологов и социологов вызывает озабоченность тот факт, что определенная часть школьников и студентов воспринимают то, что видят в исторической видеоигре, как факты и доказательства событий прошлого. Данная часть обучающихся

полагает, что разработчики при создании видеоигр опираются на исторические факты, что они стремятся максимально достоверно воссоздать события прошлого, уделяют пристальное внимание нюансам и точным деталям.

Учитывая вышеизложенное, мы предприняли попытку изучить влияние исторических видеоигр на академическую успеваемость по отечественной и всеобщей истории, выявить осознают ли школьники и студенты, что большинство исторических видеоигр не отражает объективно и точно исторические факты.

Постановка проблемы

Политологи, историки, социологи, педагоги из разных стран систематически изучают, являются ли исторические видеоигры важным инструментом для приобщения подрастающего поколения к изучению истории. Исследователи по-разному оценивают роль исторических видеоигр в процессе воспитания и социализации молодежи, находя много аргументов за и против.

Зарубежные и отечественные исследователи целенаправленно изучают мотивы игроков. В частности, они пришли к выводу, что исторические видеоигры дают игроку возможность уйти из серой повседневности (реальности) в красивый захватывающий мир [Charman, 2020]. Кроме того, игры позволяют, например, компенсировать некоторым игрокам свою «слабость». В видеоигре игрок может представ-

лять себя капитаном корабля, генералом и т. д. [Таланов, 2020].

Ряд зарубежных ученых негативно оценивают роль исторических видеоигр в изучении истории, даже в качестве вспомогательных инструментов, полагая, что игроки ошибочно воспринимают то, что видят как реальные факты из прошлого. Проблема возникает с переобучением тех, кто является игроманом или просто поклонником исторических видеоигр, так как в рамках игр, как правило, у игроков формируется искаженное представление об истории страны и мира [Chapman, 2020; Koski, 2017; Wright, 2018].

Кроме того, зарубежные ученые пытаются выявить наиболее распространенные инструменты политизации истории в видеоиграх [Poptes, 2019; Pieter, 2020; Thon, 2019].

В последнее время популярной для ученых всего мира является тема, связанная с изучением рекламного контекста исторических видеоигр. [Bettina Bódi, 2021; Wright, 2018; Keogh, 2018].

Некоторые ученые периодически уделяют в своих исследованиях внимание роли исторических видеоигр в формировании критического исторического мышления студента [Ammert, 2017; Clark, 2019; West, 2017; Zamaróczy, 2017].

Ряд ученых считают, что через исторические видеоигры можно преподавать историю, если разработчики будут уделять серьезное внимание деталям и фактам. В

частности, ими было установлено, что очень многие любители истории, а также исторические реконструкторы часто высказывают недовольство историческими видеоиграми. Основные претензии, как правило, даже не к сюжетной линии, а к деталям: не такой китель, не такие погоны, оружие и т. д. Игроки, которые не очень хорошо знают историю, чаще всего не обращают внимание на детали, им важнее сюжетная линия [Белов, 2021; Новикова, 2018; Ерёмина, 2019].

Из-за появления, стремительного и широкого распространения COVID-19, многие политологи и социологи обратились к изучению досуга граждан в условиях самоизоляции. В частности, отечественные ученые установили, что многие студенты российских вузов обратились к историческим видеоиграм, где в качестве сюжетной линии выступают эпидемии, потрясения, катастрофы и т. д. Многие молодые люди пытались сопоставить происходящее с ними с тем, что уже происходило в прошлом и понять насколько все катастрофично [Кушнарев, 2020].

Исследователи целенаправленно изучают, стремятся ли разработчики исторических видеоигр сознательно исказить историческое прошлое той или иной страны. Если да, то с какой целью? [Федорченко, 2019; Демин, 2016; Коряковцева, 2022].

Ученые Ярославля пришли к выводу, что ряд исторических видеоигр направлен на сознательное искажение прошлого РФ, что является экстремизмом и нужен контроль за выпуском видеоигр [Давыдов, 2021; Атласкиров, 2021].

Выводы, полученные учеными, учитывались нами при разработке программы социологического исследования.

Эмпирическая база исследования

В 2022 г. осуществлен опрос студентов Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославского государственного технического университета, осуществлен опрос учащихся среднеобразовательных школ (10-11 классы): № 9, 11, 12, 22, 25, 33, 36, 42, 43, 44, 51, 55, 60, 70, 76, 80 г. Ярославля.

Выборка квотная. Выборочная совокупность $n=2400$.

Переменные квотирования: возраст, пол, вуз (школа), образование родителей.

Проведено тестирование среди студентов на знание отечественной и всеобщей истории. Цель – определить не только грамотность, но и оценить, насколько способны исторические видеоигры помочь обу-

чающимся понять связи между прошлым, настоящим и будущим, для этого в тесте были предусмотрены специальные задания.

Проведен анализ исторических видеоигр, вышедших с 2010 по 2022 г., на изучение их сюжетной линии и их аутентичности с историческими событиями.

Авторская гипотеза

Исторические видеоигры в условиях динамики социальных изменений выступают важным механизмом, через который формируются установки, ценности молодежи. Для значительной части студентов и школьников, которые играют в исторические видеоигры, они являются более важным источником информации, чем художественные, документальные фильмы о прошлом России, учебники по истории и занятия по истории в школах и вузах, что негативно отражается на формировании мировоззрения подрастающего поколения.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, пробудили ли исторические видеоигры у респондентов любопытство к изучению прошлого страны или своей малой Родины, а также к тому, чтобы изучать историю систематически и целенаправленно (см. табл. 1).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «Пробудили ли исторические видеоигры у Вас интерес к прошлому страны или малой Родины?»
(в %, от числа ответивших)

	Студенты, n=1200				Школьники, n=1200			
	Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры		Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры	
	Историки, n=300	Не историки n=300	Историки, n=300	Не историки, n=300	Планируют поступить на историю	Не планируют поступать на историю	Планируют поступить на историю	Не планируют поступать на историю
Нет	67	16	—	—	66	9	—	—
Да, побудили меня изучать историю, чтобы потом поступить в вуз, и после окончания работать историком	20	—	—	—	18	—	—	—
Да, стал изучать историю систематически для повышения своего образовательного уровня	8	28	—	—	10	39	—	—
Да, теперь я еще больше стал играть в исторические игры и через видеоигры узнавать исторические факты о прошлом страны и истории других стран мира	5	56	—	—	6	52	—	—

Как видно из ответов опрошенных, исторические видеоигры в большей степени привили интерес к истории не той части студентов и школьников, которые учатся на историка или планируют поступить на направление «История», а той, которая не учится на историческом факультете и не собирается поступать на направление «История». Респонденты могли дать развернутые ответы, для этого в анкете были предусмотрены открытые вопросы.

В исследовании приняли участие 600 студентов-историков. Было установлено, что только у 20 % студентов-историков, которые играют в исторические видеоигры, интерес к будущей профессии историка возник, в частности, под воздействием исторических видеоигр.

Далее мы изучали, какие исторические книги читают наши респонденты, чтобы повысить свой уровень знаний по истории (см. табл. 2).

Таблица 2.
Распределение ответов на вопрос: «Какие исторические книги Вы читаете для повышения своего образовательного уровня?»*
 (в %, от числа ответивших)

	Студенты, n=1200				Школьники, n=1200			
	Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры		Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры	
	Историки, n=300	Не историки n=300	Историки, n=300	Не историки, n=300	Планируют поступать на историко	Не планируют поступать на историко	Планируют поступать на историко	Не планируют поступать на историко
Понасенков Е. Первая научная история войны 1812 года	89	78	—	80	34	86	—	70
Акунин Б. История государства Российского	79	85	—	86	42	82	—	71
Книги В. Мединского	77	90	—	90	34	80	—	85
Книги В. Суворова (Резун)	62	77	—	45	27	62	—	23
Книги Н. Сванидзе	59	84	—	87	29	65	—	26
Все книги Гумилева	56	23	—	26	26	35	—	25
Книги под авторством Н. Старикова	52	86	—	78	49	41	—	87
Книги Н. Нарочницкой	44	78	—	82	52	50	—	80
Соловьев С. История России с древнейших времён	21	31	76	23	32	12	100	13
Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII в.)	15	—	92	17	30	15	94	14
Книги из серии «ЖЗЛ»	14	12	87	10	18	—	89	10
Всемирная история. В 6 т.	13	—	92	—	10	—	84	—
История стран Европы и Америки в Новое время. В 2 частях.	12	—	90	—	—	—	85	—
История Востока. В 6 т.	10	—	89	—	7	—	92	—
Книги под авторством Н. С. Борисова	9	5	100	—	19	7	90	21
Книги Б. Г. Кипнис	7	17	100	—	6	5	88	14
Другие	5	6	5	5	5	6	6	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов респондентов, та часть студентов, которые в большинстве своем играют систематически в исторические видеоигры, предпочитают читать в основном книги по истории, которые у профессиональных историков вызывают много вопросов. Такие книги предпочитают читать и те, кто не планируют поступать на направление обучения «история». Видимо, эти книги являются для данной категории граждан популярными из-за воздействия рекла-

мы в Интернете, а также рекламы в ведущих книжных магазинах. В рамках опроса мы анализировали успеваемость респондентов. Было выявлено, что та часть студентов, которая систематически играет в исторические видеоигры, имеет низкую академическую успеваемость.

Далее мы изучали, какие исторические каналы (передачи, фильмы) смотрят наши респонденты, чтобы повысить свой уровень знаний по истории (см. табл. 3).

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Какие каналы Вы смотрите для повышения своего образовательного уровня по истории?»*

(в %, от числа ответивших)

	Студенты, n=1200				Школьники, n=1200			
	Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры		Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры	
	Историки, n=300	Не историки n=300	Историки, n=300	Не историки, n=300	Планируют поступать на историю	Не планируют поступать на историю	Планируют поступать на историю	Не планируют поступать на историю
Всеобщая история Simple history	34	42	100	75	43	40	100	81
Интернет-шоу «Лимб» (RedRoom Studio)	17	27	51	—	18	12	60	—
It's History	16	—	49	6	16	5	54	8
Timeline – World history documentaries	15	—	62	5	18	—	69	—
История России Artyom Sayfutdinov	13	10	54	13	31	9	58	11
Россия на крови	11	—	57	—	21	—	56	—
«Час истины»	10	9	75	—	18	15	72	—
Исторический канал 365 дней	9	8	80	7	14	19	86	7
Igor Aleynikov	8	—	39	—	10	—	44	—
Другие	5	6	5	5	5	5	6	6

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов, студенты-историки и школьники, которые планируют поступать на направление обучения «история», смотрят в первую очередь канал «Simple

history», а также передачи на историческом канале 365 дней.

Далее мы изучали, можно ли изучать историю по историческим видеоиграм (см. табл. 4).

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Можно ли изучать историю по видеоиграм?»

(в %, от числа ответивших)

	Студенты, n=1200				Школьники, n=1200			
	Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры		Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры	
	Историки, n=300	Не историки n=300	Историки, n=300	Не историки, n=300	Планируют поступать на историю	Не планируют поступать на историю	Планируют поступать на историю	Не планируют поступать на историю
Нет	67	56	84	34	66	52	81	32
Да, так как их создают профессионалы	20	36	—	—	18	42	—	51
Да, но только как вспомогательный материал	8	8	—	—	16	6	—	17
Да, хорошо разбирать на уроках ляпы (ошибки)	5	—	16	10	—	—	19	—

Большинство принявших участие в опросе отметили, что изучать историю по историческим видеоиграм не нужно. Особенно такого мнения придерживаются те, кто учится на историка или планирует поступать на направление «Исто-

рия» и не играет систематически в исторические видеоигры.

Далее мы изучали, насколько важны ли для респондентов при игре достоверность событий, внимание к деталям (см. табл. 5).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «Когда Вы играете в исторические видеоигры, для Вас очень важна достоверность событий, внимание к деталям, сосредотачиваете ли Вы внимание на материальной культуре?»*

(в %, от числа ответивших)

	Студенты, n=1200				Школьники, n=1200			
	Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры		Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры	
	Историки, n=300	Не историки n=300	Историки, n=300	Не историки, n=300	Планируют поступать на историко	Не планируют поступать на историко	Планируют поступать на историко	Не планируют поступать на историко
Да, всегда обращаю внимание на детали, если много вымысла, то это может помешать «погружению»	100	17	—	—	100	13	—	—
Важна красочность, спецэффекты, сюжетная линия	63	100	—	—	79	90	—	—
Не важна достоверность	33	44	—	—	34	48	—	—
В игре важна последовательность задач с возрастающей степенью сложности, а не достоверность	14	72	—	—	19	64	—	—

*Количество процентов по вертикали больше, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов, абсолютно всем респондентам, которые учатся на историческом факультете и школьникам, которые планируют поступать на направление «История», важна достоверность событий, внимание к деталям. Той части опрошенных, которые учатся на других направлениях обучения и

школьникам, которые не планируют поступать на историка, важны прежде всего красочность и спецэффекты.

Далее мы изучали, в игры каких жанров предпочитают больше всего играть наши респонденты (см. табл. 6).

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «В игры каких жанров Вы предпочитаете больше всего играть?»*

(в %, от числа ответивших)

	Студенты, n=1200				Школьники, n=1200			
	Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры		Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры	
	Историки, n=300	Не историки n=300	Историки, n=300	Не историки, n=300	Планируют поступать на историю	Не планируют поступать на историю	Планируют поступать на историю	Не планируют поступать на историю
Action (шутеры)	85	88	—	—	72	81	—	—
«Бродилки-стрелялки»	82	90	—	—	60	72	—	—
Приключения	81	92	—	—	50	54	—	—
Файтинги	75	80	—	—	63	74	—	—
Стратегии	73	62	—	—	52	58	—	—
Варгеймы	70	82	—	—	50	63	—	—
Симуляторы	66	74	—	—	47	52	—	—
Тактические RPG	60	57	—	—	48	50	—	—
Степс-экшен	59	61	—	—	31	52	—	—
Ролевые игры	52	87	—	—	32	40	—	—
Логические	44	52	—	—	24	34	—	—
Развивающе-обучающие	39	54	—	—	21	36	—	—
Аркады	32	40	—	—	24	31	—	—
Другие	5	6	—	—	5	5	—	—

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов респондентов, большинству студентов и школьников нравятся игры всех основных групп: ролевые, стрелялки, стратегии. И все же «стрелялки» более популярны. Респонденты могли пояснить свои ответы. Так, большинство школьников указали, что им нравятся шутеры от первого лица. Студенты-историки отметили, что им нравятся в большей степени

«Кровавые» шутеры» (уничтожение большого числа врагов). При этом было выявлено, что юноши в большей степени, чем девушки предпочитают играть в исторические видеоигры.

Далее мы изучали, в какие исторические игры респонденты предпочитают играть больше всего (см. табл. 7).

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «В какие исторические игры Вы предпочитаете играть больше всего?»*

(в %, от числа ответивших)

	Студенты, n=1200				Школьники, n=1200			
	Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры		Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры	
	Историки, n=300	Не историки n=300	Историки, n=300	Не историки, n=300	Планируют поступать на историю	Не планируют поступать на историю	Планируют поступать на историю	Не планируют поступать на историю
Commandos	100	100	—	—	80	92	—	—
World of tanks	90	100	—	—	75	70	—	—
Medal of honor	82	74	—	—	14	80	—	—
ИЛ-2 штурмовик	81	73	—	—	24	37	—	—
Серия Call of duty: Modern warfare	71	82	—	—	10	61	—	—
Серия Battlefield: bad company	60	54	—	—	31	42	—	—
Assassin's Creed chronicles	37	24	—	—	12	16	—	—
Rising storm	28	34	—	—	9	92	—	—
Verdun	21	27	—	—	14	19	—	—
XIII Век: Русич	19	24	—	—	11	20	—	—
Tannenberg	14	30	—	—	17	12	—	—
Серия «Смерть шпионам»	12	18	—	—	7	9	—	—
Казачьи европейские войны	9	11	—	—	5	6	—	—
Другие	5	6	—	—	5	5	—	—

*Количество процентов по вертикали больше 100 %, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов, большинство предпочитают играть в такие игры как: «Commandos», «World of tanks», «Medal of honor». Причем мы видим, что разные предпочтения у той части респондентов, которые учатся на историка и той,

которая только еще планирует поступать на направление «история».

Нам, как исследователям было важно узнать основные причины, почему респонденты увлекаются историческими видеоиграми (см. табл. 8).

Таблица 8.

Распределение ответов на вопрос: «Укажите основные причины, почему Вы увлекаетесь историческими видеоиграми?»*

(в %, от числа ответивших)

	Студенты, n=1200				Школьники, n=1200			
	Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры		Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры	
	Историки, n=300	Не историки n=300	Историки, n=300	Не историки, n=300	Планируют поступать на историко	Не планируют поступать на историко	Планируют поступать на историко	Не планируют поступать на историко
Мне часто нечем заняться себя	94	90	—	—	88	92	—	—
В игре я часто «Герой», «Победитель», а в реальности – нет	90	100	—	—	100	100	—	—
Хочу развить в себе такие качества, как быстрота реакции, наблюдательность, внимательность	82	64	—	—	90	100	—	—
Мне нравится виртуальный мир, так как там всё красивей, интересней, чем в жизни	63	100	—	—	79	90	—	—
Играю даже на уроках, это намного интереснее, чем получать знания	24	33	—	—	—	—	—	—
Хочу получить навыки, которые могут пригодиться в учёбе, практической деятельности	17	9	—	—	21	31	—	—
Хочу развить в себе такие качества, как логическое мышление, умение просчитывать свои действия	14	20	—	—	16	28	—	—
Я не общительный, поэтому мне легче играть в компьютер, чем играть в активные игры с товарищами	13	17	—	—	18	21	—	—
У меня вообще нет друзей. Мой друг – компьютер	7	9	—	—	10	13	—	—
Другое	5	5	—	—	5	5	—	—

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов респондентов, большинство молодых людей играют в исторические видеоигры так как их жизнь скучна или наполнена стрессом в силу разных причин. Видеоигры являются своего

рода эскапизмом, либо служат для эскапистских развлечений.

Далее мы изучали, сколько времени респонденты тратят на исторические видеоигры в сутки (см. табл. 9).

Таблица 9.

Распределение ответов на вопрос: «Сколько времени Вы тратите на видеоигры (компьютерные игры) в сутки?»
(в %, от числа ответивших)

	Студенты, n=1200				Школьники, n=1200			
	Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры		Играют в видеоигры		Не играют в видеоигры	
	Историки, n=300	Не историки n=300	Историки, n=300	Не историки, n=300	Планируют поступать на историко	Не планируют поступать на историко	Планируют поступать на историко	Не планируют поступать на историко
Менее 1 часа	9	11	—	—	6	9	—	—
1-2 часа	7	9	—	—	18	11	—	—
2-3 часа	12	15	—	—	43	53	—	—
3-4 часа	14	13	—	—	8	9	—	—
4-5 часов	42	40	—	—	15	8	—	—
более 5 часов	16	12	—	—	10	10	—	—

Как видно из ответов, большинство студентов-игроманов, обучающихся на историческом факультете, в целом тратят на игры около 4-5 часов. Среди игроманов-школьников тенденция иная, большинство из них тратят на игры 2-3 часа.

Далее мы анализировали, из каких источников респонденты получают информацию о прошлом России. В результате было установлено, что для студентов-игроманов, обучающихся по направлению «История», и школьников-игроманов, не планирующих поступать на ис-

торический факультет, исторические видеоигры выступают важным инструментом получения информации об историческом прошлом своей страны и прошлом других стран мира. Для студентов-историков и школьников, планирующих поступать на исторический факультет, которые не играют систематически в видеоигры, основными источниками исторической информации выступают книги, документальные фильмы, родители, родственники, референтные личности и т. д.

В рамках исследования проведено тестирование среди студентов и

школьников, принявших участие в анкетировании. Установлено, что у студентов, обучающихся по направлению «История», лучше развиты знания, навыки и умения по истории, чем у студентов, обучающихся на других направлениях, систематически играющих в исторические видеоигры.

При этом выявлено, что студенты-историки, которые не играют систематически в исторические видеоигры, лучше знают историю, чем студенты-историки, которые систематически играют в исторические видеоигры. Студенты, играющие в исторические видеоигры, лучше знают некоторые нюансы, тонкости, но хуже знают основные исторические закономерности, причины событий.

Какой вклад исторических видеоигр в повышении ценности истории, в развитии критического понимания как прошлого, так и настоящего? Для ответа на данный вопрос нами в рамках исследования был проведен внешний и внутренний анализ исторических видеоигр, вышедших с 2010 по 2022 гг., на определение их сюжетных линий, насколько разработчики серьезно уделяют внимание деталям, историческим фактам и пытаются ли передать подлинное представление той или иной эпохи в игре. Внешний анализ – почему та или иная игра вышла именно с таким сюжетом и в данный период времени, как реакция на что-то происходящее в мире или как способ популя-

ризовать тот или иной этап истории (или событие) и т. д. Внутренний анализ – о чем историческая игра, насколько точно в игре передана атмосфера (быт) той или иной эпохи.

Проведенный нами анализ показал, что вышедшие с 2010 года исторические видеоигры имеют разные сюжетные линии, в них представлены разные исторические эпохи, но они имеют некоторое сходство. Во-первых, создатели игр применяют два подхода при описании исторической эпохи: реалистичный и фантастичный (нереальный). Во-вторых, в играх представлены как вымышленные герои, так и реальные прототипы из прошлого. В-третьих, игры основываются либо на былинах и эпосах, либо на реальных источниках, то есть на общепринятых и устоявшихся среди историков позициях. Однако большая часть исторических видеоигр создана на основе мифологических или политизированных, искаженных изначально данных об исторических событиях и фактах. Авторы, разработчики не могли не знать того, что те факты, которые они берут из прошлого авторитетными историками ставятся под сомнение. В-четвертых, игры, которые связаны с историческим прошлым России представляют события в искаженном виде, и в основном это искажение направлено на негативное восприятие прошлого. В-пятых, игры условно делятся на две группы: про далекое и не очень

далекое историческое прошлое РФ и других стран. В последнее время наблюдается рост количества видеоигр про современное историческое развитие РФ.

Заключение

Проведенное нами исследование демонстрирует, что большинство исторических видеоигр искажают не столько представление о прошлом (о быте, элементах социального статуса и т. д.), сколько о механизмах функционирования того или иного общества и власти в России разных периодов развития страны или других стран. Искажения, сознательные или из-за не профессионализма разработчиков, как правило, ухудшают (извращают) представление о функционировании институтов в прошлом и настоящем нашей страны или улучшают представление об историческом прошлом других стран, в частности, стран Западной Европы.

Проблема соответственно усложняется тем фактом, что исторические видеоигры являются не просто способом развлечения и ухода от серой (скучной) повседневности, но представляют собой

достаточно эффективный инструмент искажения представления о прошлом той или иной страны, то есть игры меняют ценности, установки.

От того, насколько добросовестно создаются исторические видеоигры зависит насколько правильно молодежь будет интерпретировать и оценивать события мировой истории и истории России, в частности.

Необходимо контролировать рынок видеоигр, отслеживать появление новых видеоигр, изучать их на предмет угроз для формирования мировоззрения у подрастающего поколения. Существует же практика, по контролю за фильмами определенной направленности (фильмы для взрослых, фильмы экстремистской направленности и т. д.). Для этого необходима соответствующая законодательная база, в рамках которой должны быть определены все необходимые полномочия, должностные лица, методы и средства и т. д. В противном случае вырастет поколение людей, которые будут иметь искаженное представление о прошлом своей страны.

Библиографический список

1. Атласкиров А. Р. Виртуальный игровой мир: демократия, авторитаризм и революции // Власть. 2021. Т. 29, № 2. С. 70-78.
2. Белов С. И. Перспективы использования видеоигр с историческим сюжетом в качестве инструмента политики памяти Российской Федерации // Вопросы политологии. 2021. № 11 (4). С.1089-1096.
3. Давыдов А. В. Профилактика экстремизма в студенческой среде / А. В. Давыдов, Н. А. Храмов // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2021. № 3. С. 32-41.

4. Демин К. А. Компьютерные игры военного жанра как элемент пропаганды в информационной войне России и США / К. А. Демин, И. Н. Пушкарева, Ю. Р. Тагильцева // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 110-116.
5. Ерёмина К. М. Виртуальный мир, как симулякр: виды виртуальных миров с технологической и психологической точки зрения // E-Scio. 2019. № 11 (38).
6. Коряковцева О. А. Цифровое поколение: вызов к гражданской идентичности / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // Политическое в условиях цифровых трансформаций : материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва : Аспект Пресс, 2022. С. 165-175.
7. Кушнарв Ф. Ю. Влияние COVID-19 на систему высшего образования / Ф. Ю. Кушнарв, Д. Т. Березин, Е. С. Румянцева // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2020. № 10. С. 12-22.
8. Новикова О. Н. Игровая деятельность человека в пространстве виртуальной реальности // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 16-25.
9. Таланов С. Л. Трансформация ценностей студенческой молодежи в условиях динамики социальных изменений // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2020. № 2. С. 32-41.
10. Федорченко С. Н. Сетевые компьютерные игры в эпоху цифровизации: новые угрозы или потенциалы для реализации политики памяти? / С. Н. Федорченко, Д. О. Тедиков, К. В. Теслюк, Р. А. Маркарян // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 3. С. 67-86.
11. Ammert N., Edling S., Löfström J., Sharp H. Bridging historical consciousness and moral consciousness: Promises and challenges // Historical encounters. 2017. № 4(1). P. 1-13.
12. Bettina Bódi. Can playfulness be designed? Understanding playful design through agency in astroneer // Journal for computer game culture. 2021. Vol. 12 (1). P. 39-61.
13. Chapman A. Playing against the past?: Representing the play element of historical cultures in video games // In Historia ludens: The playing historian. 2020. P. 133-154.
14. Clark A. Scholarly historical practice and disciplinary method in T. Allender, A. Clark & R. Parkes (Eds.) // Historical thinking for history teachers. 2019. P. 47-59.
15. Keogh B. From aggressively formalised to intensely in/formalized: accounting for a wider range of videogame development practices // Creative industries journal. 2018. Vol. 12 (1). P. 14-33.
16. Koski J. Reflections of history: Representations of the Second World War in Valkyria Chronicles // Rethinking history. 2017. № 21(3). P. 396-414.
17. Pieter J. B. J., Van Den Heede. Experience the Second World War like never before! Game paratextuality between transnational branding and informal learning // Journal for the study of education and development, infancia y aprendizaje. 2020. Vol. 43. № 3.
18. Pontes A., Henn M., and Griffiths M.D. 'Youth political (dis)engagement and the need for citizenship education: Encouraging young people's civic and political participation through the curriculum' // Education, citizenship and social justice. 2019. № 14(1). P. 3-21.
19. Thon J.-N. Playing with fear: The aesthetics of horror in recent indie games. Eludamos // Journal for computer game culture. 2019. Vol. 10 (1). P. 197-231.

20. West G. L., Konishi K., Diarra M., Benady-Chorney J., Drisdelle B. L., Dahmani L., Sodums D. J., Lepore F., Jolicoeur P., Bohbot V. D. Impact of video games on plasticity of the hippocampus // *Molecular psychiatry*. 2017. Vol. 2. № 1. P. 1-9.
21. Wright E. On the promotional context of historical video games // *Rethinking history*. 2018. № 22(4). P. 598-608.
22. Wright E. On the promotional context of historical video games // *Rethinking history*. 2018. Vol. 22 (4). P. 598-608.
23. Zamaróczy N. de. Are we what we play? Global politics in historical strategy computer games // *International studies perspectives*. 2017. Vol. 18. Iss. 2. P. 155–174.

Reference list

1. Atlaskirov A. R. Virtual'nyj igrovoy mir: demokratija, avtoritorizm i revoljucii = Virtual game world: democracy, authoritarianism and revolution // *Vlast'*. 2021. T. 29, № 2. S. 70-78.
2. Belov S. I. Perspektivy ispol'zovanija videoigr s istoricheskim sjuzhetom v kachestve instrumenta politiki pamjati Rossijskoj Federacii = Prospects for the use of video games with a historical plot as a tool in the memory of the Russian Federation policy // *Voprosy politologii*. 2021. № 11 (4). S.1089-1096.
3. Davydov A. V. Profilaktika jekstremizma v studencheskoj srede = Prevention of extremism in the student environment / A. V. Davydov, N. A. Hramkov // *Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly*. 2021. № 3. S. 32-41.
4. Demin K. A. Komp'juternye igry voennogo zhanra kak jelement propagandy v informacionnoj vojne Rossii i SShA = Computer games of the military genre as an element of propaganda in the information war of Russia and the United States / K. A. Demin, I. N. Pushkareva, Ju. R. Tagil'ceva // *Politicheskaja lingvistika*. 2016. № 5 (59). S. 110-116.
5. Erjomina K. M. Virtual'nyj mir, kak simuljakk: vidy virtual'nyh mirov s tehnologicheskoj i psihologicheskoj točki zrenija = Virtual world, like a simulacrum: types of virtual worlds from a technological and psychological point of view // *E-Scio*. 2019. № 11 (38).
6. Korjakovceva O. A. Cifrovoe pokolenie: vyzov k grazhdanskoj identichnosti = Digital generation: challenge to civic identity / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk // *Politicheskoe v uslovijah cifrovyh transformacij : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem)*. Moskva : Aspekt Press, 2022. S. 165-175.
7. Kushnarev F. Ju. Vlijanie COVID-19 na sistemu vysshego obrazovanija = Impact of COVID-19 on the higher education system / F. Ju. Kushnarev, D. T. Berezin, E. S. Rumjanceva // *Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly*. 2020. № 10. S. 12-22.
8. Novikova O. N. Igrovaja dejatel'nost' cheloveka v prostranstve virtual'noj real'nosti = Human gaming activity in the virtual reality space // *Socium i vlast'*. 2018. № 6 (74). C. 16-25.
9. Talanov S. L. Transformacija cennostej studencheskoj molodezhi v uslovijah dinamiki social'nyh izmenenij = Transformation of the values of student youth in the context of social change dynamics // *Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly*. 2020. № 2. S. 32-41.
10. Fedorchenko S. N. Setevye komp'juternye igry v jepohu cifrovizacii: novye ugrozy ili potencialy dlja realizacii politiki pamjati? = Networked computer games in

the age of digitalization: new threats or potentials for implementing memory policy? / S. N. Fedorchenko, D. O. Tedikov, K. V. Tesljuk, R. A. Markarjan // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal)*. 2019. № 3. S. 67-86.

11. Ammert N., Edling S., Löfström J., Sharp H. Bridging historical consciousness and moral consciousness: Promises and challenges // *Historical encounters*. 2017. № 4(1). P. 1-13.

12. Bettina Bódi. Can playfulness be designed? Understanding playful design through agency in astroneer // *Journal for computer game culture*. 2021. Vol. 12 (1). P. 39-61.

13. Chapman A. Playing against the past?: Representing the play element of historical cultures in video games // *In Historia ludens: The playing historian*. 2020. P. 133-154.

14. Clark A. Scholarly historical practice and disciplinary method in T. Allender, A. Clark & R. Parkes (Eds.) // *Historical thinking for history teachers*. 2019. P. 47-59.

15. Keogh B. From aggressively formalised to intensely in/formalized: accounting for a wider range of videogame development practices // *Creative industries journal*. 2018. Vol. 12 (1). P. 14-33.

16. Koski J. Reflections of history: Representations of the Second World War in *Valkyria Chronicles* // *Rethinking history*. 2017. № 21(3). P. 396-414.

17. Pieter J. B. J., Van Den Heede. Experience the Second World War like never before! Game paratextuality between transnational branding and informal learning // *Journal for the study of education and development, infancia y aprendizaje*. 2020. Vol. 43. № 3.

18. Pontes A., Henn M., and Griffiths M.D. ‘Youth political (dis)engagement and the need for citizenship education: Encouraging young people’s civic and political participation through the curriculum’ // *Education, citizenship and social justice*. 2019. № 14(1). P. 3-21.

19. Thon J.-N. Playing with fear: The aesthetics of horror in recent indie games. *Eludamos* // *Journal for computer game culture*. 2019. Vol. 10 (1). P. 197-231.

20. West G. L., Konishi K., Diarra M., Benady-Chorney J., Drisdelle B. L., Dahmani L., Sodums D. J., Lepore F., Jolicoeur P., Bohbot V. D. Impact of video games on plasticity of the hippocampus // *Molecular psychiatry*. 2017. Vol. 2. № 1. P. 1-9.

21. Wright E. On the promotional context of historical video games // *Rethinking history*. 2018. № 22(4). P. 598-608.

22. Wright E. On the promotional context of historical video games // *Rethinking history*. 2018. Vol. 22 (4). P. 598-608.

23. Zamaróczy N. de. Are we what we play? Global politics in historical strategy computer games // *International studies perspectives*. 2017. Vol. 18. Iss. 2. P. 155–174.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 10.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023

Научная статья
УДК 354: 338.242
DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_39
EDN: VPVRPX

Направления государственного регулирования развития отрасли информационных технологий в России

Елена Александровна Страдина

Кандидат политических наук, доцент кафедры экономики и управления,
Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль
stradinaea@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9907-9748>

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения направлений развития ИТ-отрасли России в контексте реализуемого государством механизма государственного регулирования рассматриваемой сферы экономической деятельности. На протяжении последних лет Российское государство в качестве основной стратегии в данной области использовало инструменты импортозамещения, пытаясь через него решить проблемы как создания полноценной ИТ-отрасли, так и обеспечить собственную информационную безопасность. Однако ни принимаемые нормативные и программные документы, ни реализуемые мероприятия не приводили к желаемым результатам. Основная причина сложившейся ситуации заключается в отсутствии видения желаемого состояния ИТ-отрасли и теоретико-концептуального обоснования выбранного подхода к государственному регулированию в отношении отрасли информационных технологий, сохранении компенсаторного и догоняющего характера государственного регулирования. В настоящее время на уровне государственного регулирования отрасли информационных технологий нет четкого понимания, какую именно деятельность следует относить к рассматриваемой сфере, что затрудняет определение предмета государственной политики и регулирования. Соответственно предпринимаемые меры носят «точечный» характер, поскольку направлены на решение явных проблем, к которым в условиях санкций относятся необходимость замены иностранного программного обеспечения на отечественное и сокращение резко возросшего кадрового дефицита. Однако достижение желаемого уровня развития отрасли информационных технологий в краткосрочном периоде через такие меры не вполне возможно в силу специфики самой отрасли. Импортозамещение и реакция на проблемы – это проявления компенсационного и догоняющего подходов к государственному регулированию, которые ставят ИТ-отрасль в зависимость от государственного участия.

Ключевые слова: экономическая политика; государственное регулирование; отрасль; информационные технологии; законодательство; экономическое развитие; санкции

© Страдина Е. А., 2023

Для цитирования: Страдина Е. А. Направления государственного регулирования развития отрасли информационных технологий в России // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 39-56. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_39. <https://elibrary.ru/VPVRPX>.

Original article

Directions of state regulation in development of the information technology industry in Russia

Elena A. Stradina

Candidate of political sciences, associate professor, department of economics and management, Yaroslavl state technical university, Yaroslavl
stradinaea@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9907-9748>

Abstract. The article is devoted to the problem of determining the directions in development of the IT industry in Russia in the context of the mechanism of state regulation in the considered sphere of economic activity implemented by the state. Over the past years, the Russian state has used import substitution tools as the main strategy in this area, trying through it to solve the problems of both creating a full-fledged IT industry and ensuring its own information security. However, neither the adopted regulatory and program documents nor the measures implemented led to the desired results. The main reason for this situation is the lack of vision of the desired state of the IT industry and the theoretical and conceptual justification of the chosen approach to state regulation in relation to the information technology industry, maintaining the compensatory and catch-up nature of state regulation. Currently, at the level of state regulation of the information technology industry, there is no clear understanding of what kind of activity should be attributed to the area under consideration, which makes it difficult to determine the subject of state policy and regulation. Accordingly, the measures taken are of a “point” nature, since they are aimed at solving obvious problems, which under the sanctions include the need to replace foreign software with national software and reduce the sharply increased personnel deficit. However, achieving the desired level of development of the information technology industry in the short term through such measures is not entirely possible due to the specifics of the industry itself. Import substitution and reaction to problems are manifestations of compensatory and catch-up approaches to state regulation, which make the IT industry dependent on government participation.

Keywords: economic policy; state regulation; industry; information technology; legislation; economic development; sanctions

For citation: Stradina E. A. Directions of state regulation in development of the information technology industry in Russia. *Social and political researches*. 2023;1(18):39-56. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_39. <https://elibrary.ru/VPVRPX>.

Введение

Отрасль информационных технологий (далее ИТ-отрасль) – один

из наиболее динамично развивающихся сегментов мирового рынка. Для нее характерны постоянные из-

менения, в том числе кардинальные. Данное обстоятельство обеспечивает возможность любому государству, вне зависимости от текущего его положения, на глобальном рынке стать лидером по производству и продаже информационных технологий. Одновременно с этим следует учитывать и тот факт, что положение ИТ-отрасли в конкретной стране стало критическим фактором ее экономического развития и информационной безопасности. В совокупности это определяет необходимость формирования концепции и системы государственного развития ИТ-отрасли, учитывающих и внутренние интересы страны, и потенциалы ее присутствия на внешних рынках.

Уровень развития ИТ-отрасли в России не высок. По данным 2019-2020 годов доля ИТ-отрасли в ВВП России составляет менее 1,3 %, что почти в два раза ниже по сравнению с Западной Европой (3 %). Преобладающим сегментом в российской ИТ-отрасли является аппаратное обеспечение, доля которого составляет 61%, тогда как на услуги и непосредственно само программное обеспечение, что собственно и относится непосредственно к рассматриваемой индустрии, приходится соответственно 23 и 16 %. Такая структура характера для развивающихся стран и считается признаком незрелости [Яковлев, 2021]. В экспертных оценках отмечается, что переломить ситуацию и обеспечить перспективный рост ИТ-

отрасли возможно только при наличии пакета мер поддержки со стороны государства [Цифровая экономика ...].

2022 год для России должен стать поворотным в переосмыслении роли ИТ-отрасли и ее развития с точки зрения интересов развития государства и цифровой экономики в нашей стране в силу усиления санкционного давления, непосредственно сказавшегося на доступе к программному обеспечению, что имеет негативные последствия в целом для экономики. Усиление роли государства в определении направлений развития ИТ-отрасли происходит на протяжении последних лет, текущая ситуация лишь усилила и ускорила разработку и реализацию системы государственного регулирования в этом направлении.

Однако здесь возникает ряд противоречивых обстоятельств.

Во-первых, выбранная Российским государством стратегия ориентирована, преимущественно, на импортозамещение. С одной стороны, это закономерно, поскольку решаются насущные проблемы обеспечения функционирования самой ИТ-отрасли и ее участия в деятельности хозяйствующих субъектов других отраслей. Но, с другой стороны, данный вариант не всегда способствует росту конкурентоспособности отечественных информационных технологий, поскольку сохраняет «догоняющий» тип их развития.

Во-вторых, несмотря на ряд государственных решений последних лет, разработку нормативных и программных мер поддержки и стимулирования ИТ-отрасли, текущая ситуация показывает, что они, по крайней мере пока, не привели к желаемому результату самодостаточности отечественной ИТ-индустрии.

Во-третьих, происходит все большее сращивание экономики и политики. Это опять же объяснимо необходимостью решать вопросы национальной информационной и экономической безопасности. Но чрезмерная роль государства и наличие зависимости ИТ-компаний от государственных политико-управленческих решений может привести не к росту, а наоборот, затормозить развитие отечественных информационных технологий. Помимо этого, выполнение исключительно государственного заказа может негативно влиять на частную инициативу и ориентацию на более широкий рыночный спрос.

В-четвертых, изоляция отечественной ИТ-отрасли от мирового рынка невозможна. «Современная мировая цифровая экономика – это глобальная сложно организованная система институтов, складывающихся в их рамках экономических, социальных, технологических и других отношений и квазиотношений различных акторов» [Осипов, 2019, с. 45]. Таким образом, в современных условиях однозначный протекционизм невозможен в силу

того, что эта отрасль изначально формировалась на основе глобализации рынка, единства стандартов, интернета. Однако важным является защита национальных интересов, в том числе политических и экономических, защита национальных производителей, обеспечение технологической независимости одних государств от других.

В-пятых, государственное регулирование развития ИТ-отрасли не может иметь относительно автономный характер, то есть это не самоцель, а средство развития других отраслей, что требует комплексного, системного подхода, а не «точечных» решений, хотя именно последнее в большей мере характерно для Российского государства.

Эти обстоятельства указывают на необходимость при разработке направлений государственного регулирования развития ИТ-отрасли баланса между решением внутри- и внешне-политических и экономических интересов и общим контекстом складывающейся глобальной цифровой экономики, выбором между решением тактических задач импортозамещения и обеспечения роста отечественных информационных технологий на мировой рынке. Именно это и стало основой предпринимаемой нами попытки анализа выбора направлений и реализации государственной политики Российской Федерации в отношении ИТ-отрасли с точки зрения ее

реального развития с учетом национальных и глобальных вызовов.

Методы исследования

Основой исследования стал междисциплинарный подход в рамках заявленной проблематики в рамках политической, экономической, правовой наук и т. д. Были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения, анализ нормативно-правовых актов.

Государственное регулирование развития ИТ-отрасли рассматривается нами как отраслевая составляющая экономической политики Российской Федерации. В основу рассмотрения положена предложенная А. А. Кирилловской [Кирилловская, 2014] модель, которая включает в себя:

- теоретическое обоснование подхода государства к регулированию, вытекающие из него цели. Концептуально видение государством своей роли может быть представлено в различных вариантах между двумя противоположными позициями: либеральной модель, предполагающая «рамочное» воздействие государства на объект регулирования и активном участии государства через формирование целей, средств и действий для развития объекта регулятивного воздействия;

- приоритеты государственного регулирования, которые условно могут быть разделены на *постоянные*, имманентно присущие данной стране, и *переменные*, связанные с конкретными особенностями эконо-

мической и политической ситуацией, государственного регулирования, экономической конъюнктурой на определенном этапе развития страны. Для России характерно наличие постоянного приоритета, выражаемого в высокой степени государственного регулирования и реализуемого в его рамках переменного приоритета – регулирование отдельных отраслей и импортозамещение;

- мероприятия государственного регулирования.

Поскольку предметом исследования является активизация государственного регулирования в ИТ-отрасли в условиях санкционного давления, ретроспективный анализ государственной политики включает в себя период, начиная с 2014 года, когда стала все более четко осознаваться необходимость обеспечения развития отечественной ИТ-индустрии как относительно самостоятельной, не находящейся в «тотальной» зависимости от мировых информационных технологий, производящей собственный, оригинальный программно-информационный продукт.

Результаты исследования

Анализ показывает, что одной из ключевых проблем государственного регулирования развития ИТ-отрасли является отсутствие его концептуально-теоретического обоснования и видения развития отрасли.

Прежде всего, следует определить, что представляет собой ИТ-отрасль как объект государ-

ственного регулирования, а также, в чем заключается сущность данного направления отраслевого регулирования. Отрасль как общая экономическая категория определяется как совокупность организаций, производящих и реализующих продукцию, работы и услуги единого экономического назначения, использующих для этого однородное сырье, имеющие общность технологической базы и технологических процессов и однородность профессионального состава кадров [Ширапов, 2015]. Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под информационной технологией понимаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов (ст.2) (далее *Федеральный закон № 149-ФЗ*). Такое определение имеет очень расплывчатый характер и может осуществляться в любых режимах, не обязательно посредством использования электронных, цифровых технологий.

Попытка систематизировать ИТ-отрасль как особый вид экономической и производственной деятельности была предпринята в «Стратегии развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014-2020 года и на перспективу до 2025 года» [Распоряжение...№ 2036-р..., 2013] (далее *Стратегия*). В соответствии с ней ИТ-отрасль –

это совокупность российских компаний, которые осуществляют такие виды деятельности как:

- разработку тиражного программного обеспечения. Такое ПО предназначено для широкого, не персонализированного круга потребителей и предполагает массовое распространение. Сюда можно отнести операционные системы, офисные программы, мобильные приложения, компьютерные игры, и т. д.;

- предоставление услуг в сфере информационных технологий, в частности, заказная разработка программного обеспечения, проектирования, внедрения и тестирования информационных систем, консультирование по вопросам информатизации. Здесь предполагается оказание услуг под конкретного заказчика с учетом его запросов, в том числе цифровая трансформация организаций других отраслей экономики;

- разработка аппаратно-программных комплексов с высокой добавленной стоимостью программной части. Сюда относится, например, такая сквозная технология как интернет вещей;

- удаленная обработка и предоставление информации, в том числе на сайтах в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Конкретизация данных видов экономической деятельности была осуществлена через Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 30 декабря 2014 года № 502 «Об утверждении собира-

тельных классификационных группировок отрасли информационных технологий» [Приказ Министерства ... , 2014], куда были отнесены классы 62 и частично класс 63 Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (далее *Классификатор*). Согласно ему ИТ-отрасль оказывает достаточно широкий спектр услуг, связанный как с разработкой программного обеспечения, так и его сопровождения, а также достаточно широкий спектр сопутствующих услуг (обучение пользователей, экспертиза и т. п.). Тем не менее дать четкого представления о том, что же именно входит в сферу государственного регулирования развития ИТ-отрасли ни один из указанных документов не позволяет, поскольку очень широко трактует саму деятельность ИТ-компаний, более того значительно расширяет и специфицирует экономическую деятельность ИТ-компаний по сравнению с определением информационных технологий, представленным в Федеральном законе № 149-ФЗ. Вероятно, это оправданно с точки зрения динамичности изменений в самой отрасли, но с другой позволяет в качестве ИТ-деятельности заявить очень широкий спектр услуг. Например, деятельность по обучению пользователей согласно и Стратегии, и Классификатору уже является ИТ-отраслью. Дополнительно к этому следует добавить, что к ИТ-отрасли прибавляется и аппаратное обеспечение, то есть

«железо», которое по Классификатору относится к другому классу экономической деятельности. При этом, как указывалось выше, именно на него приходится подавляющая доля результата в области информационных технологий.

Соответственно, затруднительно сформулировать и категорию государственного регулирования в ИТ-отрасли. В Федеральном законе № 149-ФЗ есть статья 12 «Государственное регулирование в сфере применения информационных технологий», в которой предусматривается четыре режима государственного управленческого воздействия на информационные технологии:

- регулирование любых отношений, связанных с использованием информационных технологий для работы с информацией,
- развитие информационных систем для различных целей применения;
- создание условий эффективного использования информационно-коммуникационных сетей;
- обеспечение информационной безопасности детей.

Но подобные формулировки расходятся с тем пониманием ИТ-отрасли, которое представлено в Стратегии и просто не позволяют четко определить предмет государственно-управленческого воздействия. В частности, Стратегия предлагает ряд целей развития отрасли информационных технологий, связанных со становлением ее в качестве полноценной отрасли (не опре-

деления, что под этим следует понимать), обеспечения экономики страны качественными информационными технологиями, причем с точки зрения роста производительности труда, обеспечение информационной безопасности. Достижение целей заявляется через ряд задач, связанных с инфраструктурными, институциональными, ресурсными, кадровыми и стимулирующими условиями для ИТ-отрасли. Данные цели сложно уложить в предложенную Федеральным законом № 149-ФЗ трактовку государственного регулирования информационных технологий.

Не менее интересным является понимание сущности реализуемого подхода к государственному регулированию.

Выделяются три базовых модели государственной политики [Симачев, 2018]:

1. Компенсационная политика, которая направлена на нивелирование и / или предупреждение негативных ситуаций, возникающих в определенной сфере.

2. Политика догоняющего развития, призванная сократить отставание, прежде всего, технологической, отдельных национальных отраслей и производств. Преимущественно при этом используется опыт более успешных государств.

3. Политика опережающего развития, приоритетом для которой является обеспечение для отдельных национальных компаний или отраслей технологического превосходства, как минимум, над большин-

ством конкурентов и тем самым создать для них реальную возможность выйти на лидирующие позиции на рынке. Подобная политика не имеет отраслевой привязки, а предполагает создание драйверов, которые вслед за собой обеспечат системное развитие экономики.

Для российской государственной политики в ИТ-отрасли характерны компенсационный и догоняющий варианты, через регулирование и прямую поддержку. До недавнего времени она сосредотачивалась в области информатизации сферы государственного управления, причем в большей мере это решалось в интересах национальной безопасности, чем развития самой ИТ-отрасли, поскольку разрабатываемое программное обеспечение и информационные системы создавались только под вполне конкретную задачу, без возможности их дальнейшей коммерциализации.

Таким образом, анализ показывает, что общая цель государственного регулирования развития ИТ-отрасли четко так и не сформулирована, присутствуют лишь обобщенные формулировки, того, чем должна стать ИТ-отрасль и отдельные необходимые по мнению государства для этого механизмы. Таким образом, наблюдается определенное противоречие: с одной стороны, государство пытается быть активным участником управленческого воздействия на ИТ-отрасль, а с другой – предлагает как раз «точечные» меры, харак-

терные для либеральной модели. Конечно, однозначный выбор только одной модели малопродуктивен и, возможно, следует сочетать модели, но и в этом случае принимаемые государством решения должны быть системными, последовательными, а, главное, доведенными до планируемого результата. Как показала ситуация первой четверти 2022 года, даже заявленные в Стратегии цели так и не были достигнуты. В текущем же моменте, государственная политика направлена в большей мере на решение конкретных проблем, возникших в связи с санкциями, уходом с российского рынка иностранных ИТ-компаний, запретом на использование иностранного программного обеспечения, а также дефицитом ИТ-специалистов.

Формируемый на данном этапе приоритет компенсационного и дотягивающего развития представлен в форме импортозамещения. Импортозамещение является протекционистской политикой, связанной с реализацией ряда финансовых и административных мер по ограничению импорта зарубежного программного обеспечения [Калужный, 2016]. Основной проблемой импортозамещения в ИТ-отрасли рядом автором признается то обстоятельство, что озаботилось им государство только после активного введения санкций [Валиева, 2021].

Курс на импортозамещение на фоне введения антироссийских санкций был взят еще в 2014 году,

когда по итогам XIII Сочинского инвестиционного форума Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев дал поручение профильным ведомствам проработать решения по следующим направлениям [Поручения по итогам ... , 2014]:

- предоставление преференций программному обеспечению отечественного производства при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд;
- формирование комплекса мер по импортозамещению программного обеспечения, используемого госорганами, с учетом необходимости создания специализированного ПО с предпочтительным использованием свободно распространяемого ПО.

Впоследствии декларирование необходимости реализации данного приоритета неоднократно повторялось. Но достижение поставленных целей, за исключением обеспечения информационными технологиями сферы государственного обеспечения, не происходило. В частности, при попытке реализации данных мероприятий регулирования в ходе пандемии результативность оказалась не высока. В ряде исследований отмечается, что непосредственно сами представители ИТ-отрасли посчитали ее неэффективной из-за отсутствия комплексного подхода, а также ограничений доступа к современному оборудованию и элементной базе. Результатом этого стало неудовлетворенность конечного потребителя, поскольку он терял доступ к передовым про-

граммными решениями и продуктам. Одновременно с этим отрасль в целом настроенно отнеслась к предлагаемой государством финансовой поддержке, поскольку она оказалась обременительной из-за значительной бюрократической и надзорной нагрузки. Некоторые ИТ-компании предпочли отказаться от обращения к государственной поддержке из-за возможного ограничения для них возможности активности на внешнем рынке [Яковлев, 2021]. Исследования 2021 года подтвердили, что достаточно большое количество ИТ-компаний не видит никакой поддержки и не имеет доступа к льготам [Экспорт российской ... , 2021]. Конечно, в условиях настоящего времени, когда тот самый конечный пользователь утратил доступ к желаемым программным продуктам, данные ограничения будут преодолеваются, однако, это вовсе не гарантирует, что выбранная стратегия импортозамещения в ближайшей перспективе закроет возникшие пробелы. Одновременно, представители ИТ-компаний указывали на необходимость нефинансовых мер, среди которых называли продвижение отечественных платформ, отмену авторского сбора, снижение давления со стороны Федеральной налоговой службы, обеспечение эффективных форм взаимодействия между самими компаниями. В конце концов, можно просто не мешать развитию ИТ-отрасли [Яковлев, 2021].

Реализуемые в соответствии с выбранными приоритетами импортозамещения мероприятия нашли отражение в программе «Цифровая экономика РФ» (Распоряжение правительства РФ от 28 июля 2017 года № 1632-р) [Распоряжение...1632-р..., 2017], куда включены 6 федеральных проектов: цифровые технологии, цифровое государственное управление, нормативное регулирование цифровой среды, информационная инфраструктура, кадры цифровой экономики, информационная безопасность.

Суть реализации программы заключается в том, чтобы к 2024 году оцифровать экономику и социальную сферу России. Для достижения этого был разработан ряд пакетов мер. Первый из них – «налоговый маневр» был запущен в 2020 году. Согласно ему налог на прибыль для ИТ-компаний был снижен с 20 % до 3 % и уменьшены тарифы страховых взносов с 14 % до 7,6 %. Также российских разработчиков софта освободили от уплаты ЕДС [Федеральный закон...№265-ФЗ ... , 2020]. Именно «налоговый маневр» рассматривался ИТ-компаниями наиболее позитивно [Экспорт..., 2021]. Был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», в соответствии с которым введены «регуляторные песочницы», позволяющие компаниям тестировать инновационные пред-

ложения на рынке с реальными потребителями.

Второй пакет мер был представлен в «Плане мероприятий («дорожная карта») «Создание дополнительных условий для развития отрасли информационных технологий» (утв. Правительство РФ 9.09.2021) [План мероприятий..., 2021]. «Дорожная карта» включает в себя 62 мероприятия, 20 из которых носят системный характер и связаны с созданием условий для ведения бизнеса, стимулирования внедрения решений в деятельность отечественных предприятий и поддержки экспорта. Остальные меры направлены на активизацию отечественных разработок в разных областях и сквозных цифровых технологий.

Третий пакет мер был запланирован на 2022 год и связан, прежде всего, с разработками в сфере искусственного интеллекта, программным документом чего должен был стать федеральный проект «Искусственный интеллект».

Одновременно со стимулированием отечественных разработок государство ввело ограничения для иностранных платформ. Федеральным законом от 1 июля 2021 года № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» обязывает иностранных лиц открыть филиал/представительство/юридическое лицо на территории России и обеспечить его функционирование.

Уход с рынка иностранного программного ПО во многом решил данную задачу, но следует понимать, что ни это, ни попытка полного импортозамещения вовсе не гарантирует рост конкурентоспособности российских ИТ-компаний и решение ими всех вопросов предоставления программного обеспечения надлежащего качества потребителям. Позиция же государства в качестве единственного драйвера, стимулирующего развитие ИТ-отрасли, – тоже не залог успеха.

Усиление санкций в феврале-мае 2022 года повлекло активизацию деятельности Российского государства по обеспечению поддержки ИТ-отрасли, вновь в направлении импортозамещения. Одновременно с этим остро встал вопрос с кадровым обеспечением в силу того, что из России уехало значительное количество ИТ-специалистов.

2 марта Президент РФ В. В. Путин подписал Указ № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» [Указ Президента ... , 2022]. В его исполнение Минцифры разработало пакет мер непосредственной реализации Указа, некоторые из которых в настоящее время реализованы, хотя эта практика, предоставляемые возможности и скрытые ограничения еще предстоит рассматривать. Следует отметить, что все меры распространяются только на аккредитованные организации.

Финансовая поддержка ИТ-отрасли будет осуществляться через два основных механизма – предоставление грантов и льготных кредитов. Минцифры предложено выделять гранты как разработчикам, так и заказчикам, при этом должна быть обеспечена возможность получения гранта на каждом этапе жизненного цикла программного продукта. Также необходимо упростить процедуру получения гранта и оформления документации по нему. В настоящее время принято Распоряжение Правительства РФ от 01.04.2022 № 714-р «О выделении в 2022 году из резервного фонда Правительства Российской Федерации бюджетных ассигнований» [Распоряжение...№714-р ... , 2022], а также ряд Постановлений Правительства РФ, касающихся предоставления субсидий на поддержку проектов по разработке и внедрению российских решений в сфере информационных технологий. Предоставление льготных кредитов должно происходить по ставке, не превышающей 3 % для обеспечения текущей деятельности ИТ-компаний и реализации новых проектов. Минцифры предложило установить 3 % для кредитов на разработку новых продуктов и исполнение заказов, и 11 % на обеспечение текущей деятельности. Постановлением Правительства РФ от 26.04.2022 № 754 утверждены Правила получения таких кредитов. Получателями их могут быть либо системообразующие ИТ-органи-

зации, либо входящие в них юридические лица. Не смогут получить субъекты малого и среднего предпринимательства, организации, имеющие просроченную задолженность по предыдущим кредитам. Также Правила определяются условия получения и использования такого кредита.

Целая серия мер поддержки В Указе Президента РФ связана с кадровым обеспечением ИТ-отрасли. Во-первых, предложено обеспечить возможность работникам аккредитованных организаций получать льготную ипотеку. Постановлением Правительства России от 30.04.2022 № 805 утверждена программа льготного кредитования по ставке не более 5 % годовых при максимальном размере кредита в зависимости от региона 9 или 18 млн рублей. При этом сам заемщик должен оплатить не менее 15 % стоимости приобретаемого жилья. Во-вторых, решено упростить процедуру трудоустройства иностранных ИТ-специалистов и получения ими вида на жительство. Ответственными ведомствами здесь стали МВД и Минтруд, которые разработали поправки в закон «О правовом положении иностранных граждан в России». В-третьих, получение работниками аккредитованных ИТ-компаний отсрочки от армии до 27 лет. Постановлением Правительства РФ от 28.03.2022 № 490 были утверждены правила получения такой отсрочки.

Стимулирующей мерой развития ИТ-отрасли должно стать снижение

налоговой ставки до 0 %. Во исполнение данного положения был принят Федеральный закон от 26.03.2022 № 67-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [Федеральный закон... № 67-ФЗ ... , 2022].

Еще одной предложенной в Указе мерой стало установление преференций для компаний, которые получают доход от распространения (размещения) рекламы или оказания дополнительных услуг с использованием приложений и онлайн-сервисов, а также от реализации, установки, тестирования, сопровождения отечественных ИТ-решений.

Важным оказалось снижение контрольно-надзорного давления на ИТ-отрасль, что выразилось в освобождении ИТ-организаций от проверок на срок до трех лет. Для этого было принято Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 № 448 [Постановление... № 448 ... , 2022].

В очередной раз было обращено внимание на оптимизацию и упрощение государственной закупочной деятельности через консолидирование и стимулирование государственных закупок критически важных отечественных работок в ИТ-области.

Большинство из предложенных мер сами по себе не новы, и уже предлагались в разработанных ра-

нее программных документах. Речь идет, скорее об их совершенствовании. Принципиально новым стала ориентация на решение кадровых вопросов через предоставление определенных благ сотрудникам ИТ-компаний с целью их удержания.

Однако надо понимать, что государственная поддержка не приводит к немедленному эффекту: необходимо 2-3 года для освоения компаниями новых механизмов поддержки, 5-7 лет для трансформации изменений в управлении ресурсами в достижение конечных результатов, в частности, в производительности труда, роста экспорта. Отмечается, что повышение интенсивности инноваций не всегда приводит к росту конечных показателей деятельности фирм, например, производительности [Симачев, 2020]. Государства обычно ограничены политической конъюнктурой и ориентированы на достижение быстрого результата. В результате активное использование инструментов государственной поддержки может привести к банальной имитации позитивных изменений, стремлению освоения предоставляемых финансовых средств. В итоге ухудшается справедливая конкуренция, расширяется рентная ориентация компаний, государственные средства вытесняют частные.

Заключение

Государственное регулирование развитие ИТ-отрасли в России не совсем последовательно. Действу-

ющие нормативные и программные документы разнятся в определении того, что следует относить к информационным технологиям как к объекту государственного регулирования, в чем суть государственного регулирования в данной области. Отсутствует формулировка видения и целей развития ИТ-отрасли. В качестве основного приоритета государственного регулирования используется механизм импортозамещения. Это, в свою очередь, обуславливает компенсаторный и догоняющий характер государственного регулирования, что в незначительной степени способствует росту конкурентоспособности отечественных разработок и росту доли ИТ-отрасли в ВВП. Ряд авторов определяет такой подход как «костыльный» или «выборочный», в соответствие с которым при-

знанные в качестве значимым государством отрасли на основе предоставляемых преференций могут показать значительный рост [Механизмы стимулирования ... , 2018, с. 96]. Но в силу их искусственного характера обеспечить собственный рост и конкурентоспособность отрасли они не смогут. Конечно, нужно учитывать и тот факт, что принимаемые сегодня действия – это реакция на санкции. Непосредственно сами меры разрабатывались на протяжении уже почти десятилетия, но не показали какой-либо значительной результативности. Возможно, это связано с тем, что государство пытается применять традиционные меры к нетрадиционной отрасли, а также не учитывает ее специфику и особенности деятельности.

Библиографический список

1. Валиева А. Р. Влияние антироссийских санкций на импорт российских технологий // Электронный научный журнал «ГосРег». 2021 № 4. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47979399_72756326.pdf. (Дата обращения: 02.05.2022).
2. Каложный К. А. Состояние и перспективы импортозамещения в российской ИТ-отрасли// Управление наукой и наукометрия. 2016. Т. 11, Вып. 2. С. 85-103.
3. Кирилловская А. А. Теория и практика экономической политики: современные проблемы и оценка конкурентной позиции // Региональная экономика. Теория и практика. 2014. Т.12, Вып. 32. С. 19-26.
4. Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика / под ред. проф. Я. М. Миркина. Москва : Магистр, 2018. 480 с.
5. Осипов Ю. М. Информационно-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизм реализации / Ю. М. Осипов, Т. Н. Юдина, И. З. Гелисханов // Вестник Московского университета. Сер.6.Экономика. 2019. № 3. С. 41-60.
6. План мероприятий («дорожная карта») «Создание дополнительных условий для развития отрасли информационных технологий» (утв. Правительством РФ 09.09.2021). URL:

<http://static.government.ru/media/files/gwQRcF4e3G6lA8vTMTNfNacTWGeQxrt2.pdf> (Дата обращения: 07.06.2022).

7. Поручения по итогам XIII Сочинского инвестиционного форума. 29 сентября 2014 г. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/14972/>. (Дата обращения: 06.05.2022).

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2022 № 448 «Об особенностях осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в отношении аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203250036>. (Дата обращения: 06.05.2022).

9. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 30 декабря 2014 года № 502 «Об утверждении собирательных классификационных группировок отрасли информационных технологий». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201502250025>. (Дата обращения: 07.05.2022).

10. Распоряжение Правительства РФ от 01.04.2022 № 714-р «О выделении в 2022 году из резервного фонда Правительства Российской Федерации бюджетных ассигнований». URL: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?pn=0001202204040010>. (Дата обращения: 07.05.2022).

11. Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 – 2020 годы и на перспективу до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/8024/>. (Дата обращения: 07.05.2022).

12. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://government.ru/docs/all/112831/>. (Дата обращения: 07.05.2022).

13. Симачев Ю. В. Промышленная политика федерального уровня: базовые модели и российская практика / Ю. В. Симачев, М. Г. Кузык, Е. В. Погребняк // Журнал НЭА. 2018. № 3 (39). С. 146-154.

14. Симачев Ю. В. Государственная поддержка предприятий: бенефициары и эффекты / Ю. В. Симачев, М. Г. Кузык // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 63-83.

15. Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203020001>. (Дата обращения: 07.05.2022).

16. Федеральный закон от 26.03.2022 № 67-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203260011?rangeSize=Все>. (Дата обращения: 10.05.2022).

17. Федеральный закон от 31.07.2020 № 265-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310029>. (Дата обращения: 07.05.2022).

18. Цифровая экономика: динамика и перспективы развития ИТ-отрасли. Экспресс-информация / Г. И. Абрахманова, К. О. Вишневецкий [и др.]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/371960649.pdf>. (Дата обращения: 17.05.2022).

19. Ширапов Ц. Д. Понятие, сущность и содержание отрасли и отраслевой структуры экономики региона // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 2 (2). С. 59-67.

20. Экспорт российской индустрии разработки программного обеспечения. 18-е ежегодное исследование. 2021 / Компания ЭГО Транслейтинг – официальный переводчик отраслевого исследования РУССОФТ-2021. URL: <https://russoft.org/wp-content/uploads/2021/11/survey2021.pdf>. (Дата обращения: 10.05.2022).

21. Яковлев А. А. Влияние пандемии и государственной антикризисной политики на российский ИТ-сектор / А. А. Яковлев, М. Г. Кузык, И. А. Седых // ЭКО. 2021. № 5. С. 8-28.

Reference list

1. Valieva A. R. Vlijanie antirossijskih sankcij na import rossijskih tehnologij = Impact of anti-russian sanctions on russian technology imports // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «GosReg». 2021 № 4. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47979399_72756326.pdf. (Data obrashhenija: 02.05.2022).

2. Kaljuzhnyj K. A. Sostojanie i perspektivy importozameshhenija v rossijskoj IT-otrasli = State and prospects of import substitution in the russian IT industry // Upravlenie naukoj i naukometrija. 2016. T. 11, Vyp. 2. S. 85-103.

3. Kirillovskaja A. A. Teorija i praktika jekonomicheskoj politiki: sovremennye problemy i ocenka konkurentnoj pozicii = Theory and practice of economic policy: modern problems and assessment of competitive position // Regional'naja jekonomika. Teorija i praktika. 2014. T.12, Vyp. 32. S. 19-26.

4. Mehanizmy stimulirovanija sverhbystrogo rosta: mirovaja praktika = Mechanisms to stimulate ultra-rapid growth: world practice / pod red. prof. Ja. M. Mirkina. Moskva : Magistr, 2018. 480 s.

5. Osipov Ju. M. Informacionno-cifrovaja jekonomika: koncept, osnovnye parametry i mehanizm realizacii = Information and digital economy: concept, main parameters and implementation mechanism / Ju. M. Osipov, T. N. Judina, I. Z. Gelishanov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.6.Jekonomika. 2019. № 3. S. 41-60.

6. Plan meroprijatij («dorozhnaja karta») «Sozdanie dopolnitel'nyh uslovij dlja razvitija otrasli informacionnyh tehnologij» (utv. Pravitel'stvom RF 09.09.2021) = Action plan (“roadmap”) “Creating additional conditions for the development of the information technology industry” (approved by The Government of the Russian Federation 09.09.2021). URL:

<http://static.government.ru/media/files/gwQRcF4e3G6lA8vTMTNfNAcTWGeQxrt2.pdf> (Data obrashhenija: 07.06.2022).

7. Poruchenija po itogam XIII Sochinskogo investicionnogo foruma. 29 sentjabrja 2014 g. = Instructions following the results of the XIII Sochi Investment Forum. September 29, 2014. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/14972/>. (Data obrashhenija: 06.05.2022).

8. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24.03.2022 № 448 «Ob osobennostjah osushhestvlenija gosudarstvennogo kontrolja (nadzora), municipal'nogo kontrolja v otnoshenii akkreditovannyh organizacij, osushhestvljajushhijh dejatel'nost' v oblasti informacionnyh tehnologij, i o vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii» = Decree of the Government of the Russian Federation dated 24.03.2022 No. 448 “On the specifics of the implementation of state control (supervision), municipal control in relation to accredited organizations operating in the field of information technology, and on amending some acts of the Government of the Russian Federation”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203250036>. (Data obrashhenija: 06.05.2022).

9. Prikaz Ministerstva svjazi i massovyh kommunikacij RF ot 30 dekabrja 2014 goda № 502 «Ob utverzhdenii sobiratel'nyh klassifikacionnyh gruppировок otrasli informacionnyh tehnologij» = Order of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation dated December 30, 2014 No. 502 “On Approval of Collective Classification Groups of the Information Technology Industry”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201502250025>. (Data obrashhenija: 07.05.2022).

10. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 01.04.2022 № 714-r «O vydelenii v 2022 godu iz rezervnogo fonda Pravitel'stva Rossijskoj Federacii bjudzhetnyh assignovanij» = Order of the Government of the Russian Federation dated 01.04.2022 No. 714-r “On the allocation of budget allocations from the reserve fund of the Government of the Russian Federation in 2022”. URL: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?pn=0001202204040010>. (Data obrashhenija: 07.05.2022).

11. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 01.11.2013 № 2036-r (red. ot 18.10.2018) «Ob utverzhdenii Strategii razvitija otrasli informacionnyh tehnologij v Rossijskoj Federacii na 2014 - 2020 gody i na perspektivu do 2025 goda» = Decree of the Government of the Russian Federation dated 01.11.2013 No. 2036-r (ed. 18.10.2018) “On the approval of the Strategy for the development of the information technology industry in the Russian Federation for 2014-2020 and for the future until 2025”. URL: <http://government.ru/docs/8024/>. (Data obrashhenija: 07.05.2022).

12. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 № 1632-r «Ob utverzhdenii programmy «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii» = Order of the Government of the Russian Federation of 28.07.2017 No. 1632-r “On the approval of the program” Digital Economy of the Russian Federation”. URL: <http://government.ru/docs/all/112831/>. (Data obrashhenija: 07.05.2022).

13. Simachev Ju. V. Promyshlennaja politika federal'nogo urovnja: bazovye modeli i rossijskaja praktika = Federal industrial policy: basic models and Russian practice /

Ju. V. Simachev, M. G. Kuzyk, E. V. Pogrebnjak // Zhurnal NJeA. 2018. № 3 (39). S. 146-154.

14. Simachev Ju. V. Gosudarstvennaja podderzhka predpriyatij: beneficiary i jeffekty = Government support for enterprises: beneficiaries and effects / Ju.V. Simachev, M. G. Kuzyk // Voprosy jekonomiki. 2020. № 3. S. 63-83.

15. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.03.2022 № 83 «O merah po obespečeniju uskorenno go razvitija otrasli informacionnyh tehnologij v Rossijskoj Federacii» = Decree of the President of the Russian Federation of 02.03.2022 No. 83 “On measures to ensure the accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203020001>. (Data obrashhenija: 07.05.2022).

16. Federal'nyj zakon ot 26.03.2022 № 67-FZ «O vnesenii izmenenij v chast' pervuju i vtoruju Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'ju 2 Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v chast' vtoruju Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» = Federal Law dated 26.03.2022 No. 67-FZ “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Article 2 of the Federal Law “On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203260011?rangeSize=Vse>. (Data obrashhenija: 10.05.2022).

17. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 265-FZ «O vnesenii izmenenij v chast' vtoruju Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» = Federal Law of 31.07.2020 No. 265-FZ “On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310029>. (data obrashhenija: 07.05.2022).

18. Cifrovaja jekonomika: dinamika i perspektivy razvitija IT-otrasli. Jekspres-informacija = Digital economy: dynamics and prospects for the development of the IT industry. Express information / G. I. Abrahmanova, K. O. Vishnevskij [i dr.]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/371960649.pdf>. (Data obrashhenija: 17.05.2022).

19. Shirapov C. D. Ponjatie, sushhnost' i sodержanie otrasli i otraslevoj struktury jekonomiki regiona = The concept, essence and content of the industry and sectoral structure of the region's economy // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. Vyp. 2 (2). S. 59-67.

20. Jeksport rossijskoj industrii razrabotki programmno go obespečenija. 18-e ezhegodnoe issledovanie. 2021 / Kompanija JeGO Translejting – oficial'nyj perevodchik otraslevogo issledovanija RUSSOFT-2021 = Export of the Russian software development industry. 18th annual study. 2021/EGO Translating is the official translator of the RUSSOFT-2021 industry research. URL: <https://russoft.org/wp-content/uploads/2021/11/survey2021.pdf>. (Data obrashhenija: 10.05.2022).

21. Jakovlev A. A. Vlijanie pandemii i gosudarstvennoj antikrizisnoj politiki na rossijskij IT-sektor = The impact of the pandemic and state anti-crisis policy on the Russian IT sector / A. A. Jakovlev, M. G. Kuzyk, I. A. Sedyh // JeKO. 2021. № 5. S. 8-28.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 19.01.2023; approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023

Научная статья
УДК 323.21
DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_57
EDN: VUZRNA

Патриотические организации Сибирского федерального округа и их деятельность в условиях новой политической повестки

Дмитрий Анатольевич Качусов

Старший преподаватель кафедры философии и политологии,
Алтайский государственный университет, г. Барнаул
dmitrij.kachusov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8143-6214>

Аннотация. Предметом исследования выступает структурно-функциональное содержание патриотической сферы в Сибирском федеральном округе (СФО).

Необходимо отметить, что патриотическое движение в РФ имеет давнюю историю развития и широкий охват участников, а также пользуется значительной поддержкой со стороны государства. Изучение его структуры в федеральном округе осуществляется через выявление субъектов региональной политики патриотической направленности, которые представлены тремя основными типами, различающимися по уровню организации и направленности работы. Первый тип – это крупные интеграционные движения под патронажем государства, второй – региональные и локальные сообщества с преимущественно военно-спортивной тематикой и третий – объединения, ориентированные на решение широкого спектра задач гражданско-патриотической направленности. В статье дается анализ современного состояния инфраструктуры патриотического участия в субъектах СФО, выявляются её основные характеристики и тенденции развития.

Основным вектором деятельности патриотических объединений остаются военно-спортивная и военно-патриотическая работа, преимущественно в молодежной среде. Большая часть локальных и региональных проектов соответствует данному направлению и реализуется в рамках общероссийских государственных программ патриотического воспитания. Также в исследовании прослеживаются трансформация форм и степени активности патриотических объединений в связи с изменением внешних и внутренних социально-политических условий. Первая крупная трансформация – это освоение виртуальной сферы и вынужденный перевод части активности «в онлайн» в период пандемийных ограничений. Вторая трансформация – значительная активизация военной компоненты на фоне роста международной напряженности в 2022 г. и появление новых форм участия в патриотической работе.

Ключевые слова: молодежь; школьники; патриот; патриотизм; патриотические организации; патриотическое воспитание; Сибирский федеральный округ

© Качусов Д. А., 2023

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества»

Для цитирования: Качусов Д. А. Патриотические организации Сибирского федерального округа и их деятельность в условиях новой политической повестки // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 57-74. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_57. <https://elibrary.ru/VUZRNA>.

Original article

Patriotic organizations of the Siberian federal district and their activities in context of new political agenda

Dmitrij A. Kachusov

Senior lecturer, department of philosophy and political science,
Altai state university, Barnaul
dmitrij.kachusov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8143-6214>

Abstract. The subject of the study is the structural and functional content of the patriotic sphere in the Siberian federal district (SFD).

It should be noted that the patriotic movement in the Russian Federation has a long history of development and a wide range of participants, and also has significant state support. The study of its structure in the federal district is carried out through the identification of subjects of regional patriotic policy, which are represented by three main types that differ in the level of organization and focus of work. The first type is large integration movements under the patronage of the state, the second is regional and local communities with mainly military-sports topics and the third is associations focused on solving a wide range of civil-patriotic problems. The article gives the analysis of the current state of the infrastructure of patriotic participation in the subjects of the Siberian Federal District, reveals its main characteristics and development trends.

The main vector of the activities of patriotic associations remains military-sports and military-patriotic work, mainly in the youth environment. Most of the local and regional projects correspond to this sphere and are implemented within the framework of all-Russian state programs of patriotic education. The study also traces the transformation of the forms and degree of patriotic associations activity in connection with a change in external and internal socio-political conditions. The first major transformation is the development of the virtual sphere and the forced transfer of part of the "online" activity during the period of pandemic restrictions. The second transformation is significant activation of the military component against the background of rising international tension in 2022 and the emergence of new forms of participation in patriotic work.

Keywords: youth; school students; patriot; patriotism; patriotic organizations; patriotic education; Siberian federal district

The study was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 20-011-00346 "The factor of patriotic education in the

construction of the civil identity of senior school students of the Siberian Federal District regions in conditions of the information society”

For citation: Kachusov D. A. Patriotic organizations of the Siberian Federal District and their activities in context of new political agenda. *Social and political researches*. 2023;1(18):57-74. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_57. <https://elibrary.ru/VUZRNA>.

Введение

Ситуация с патриотическим движением в России после распада СССР претерпела серьезные трансформации. В 1990-е и начале 2000-х гг. граждане самостоятельно, с минимальной поддержкой государства, прикладывали усилия по популяризации отечественной и местной истории, сохранению воинского наследия, изучению малой Родины. Это позволило функционировать большому количеству низовых, локальных сообществ данной направленности (краеведческие кружки, местные или школьные музеи, военно-спортивные клубы и т. д.), многие из которых являлись остатками еще советской системы патриотического воспитания.

Несколько позже, в 2000-е гг., на фоне осложнения международной обстановки и актуализации внешнеполитической проблематики, государство вновь обратилось к патриотической тематике [Шатилов, 2017]. Патриотизм стал рассматриваться в качестве универсальной ценности, способной консолидировать российское общество. Были сформулированы основные положения о политике в данной области, нашедшие в 2001 г. отражение в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ» и

«Концепции патриотического воспитания граждан РФ».

Эта тенденция сохраняется и в настоящее время, сфера патриотики подвергается системному влиянию и регулированию со стороны государства. Особенно патриотическому воздействию со стороны власти подвержена молодежь, которая рассматривается как потенциально оппозиционная среда [Шашкова, 2022], что находит отражение в наличии большого числа программ и мероприятий, направленных на ее вовлечение в патриотические практики.

Учитывая определяющую роль органов государственной власти в процессе формирования патриотизма и нацеленность патриотических программ на максимальное вовлечение молодежи в лоялистские практики, сферу патриотики СФО можно охарактеризовать через своеобразный синтез двух подходов к изучению данного феномена.

Во-первых, это понимание патриотизма как привязанности и всемерной поддержки своей страны, ее политических институтов. Нельзя не согласиться с позицией ряда исследователей (Schatz R., Staub E., Lavine H. [Schatz, 1997]; Ореховская Н. А., Ореховский А. В. [Ореховская, 2016]), рассматривающих

идеологическое содержание патриотизма и выделяющих «слепой» («государственный») и «конструктивный» («гражданский») его разновидности. Первый вид предполагает отношение граждан к государству как к величайшей ценности, беспрекословную его положительную оценку, а также нетерпимость к критике, особенно «извне».

Данный тип патриотизма преобладает в современной политической повестке России, что в значительной мере объясняется особенностями ее социально-исторического развития: «Патриотизм как проявление любви к Родине является универсальной ценностью... Ментальные особенности российской нации своими корнями уходят в историю становления и развития самого государства, возникновение которого обеспечило суверенитет и независимость страны» [Тихонова, 2017, с. 6-7].

В связи с этим основным субъектом патриотического движения становится государство, в то же время как самостоятельная гражданская активность населения, особенно в региональных социумах, сохраняется на довольно низком уровне [Волков, 2018]. Также эта тенденция связана и с долгосрочными последствиями кризиса социальных взаимодействий, вызванного конфликтом между новыми и исторически присущими россиянам моделями, нормами и образцами социальных отношений [Зубок, 2017]. Люди готовы участвовать в предложенных и обеспеченных ре-

сурсами практиках, но не создавать и внедрять их самостоятельно.

Важными характерными чертами отечественного патриотизма в этом подходе можно назвать его героизацию и публичность. Первая является следствием опоры российской патриотической идеологии на актуализацию исторической памяти через героические, прежде всего военные, события прошлого. Вторая заключается в необходимости декларирования социально одобряемого образа мыслей и поддержки государственной политики [Лубский, 2019]. Эти черты создают опасность «скачивания» патриотического поведения к осуществлению имитационных действий, причем как со стороны общества, так и со стороны государства и его институтов.

Во-вторых, актуальна для российской модели взаимоотношения государства и общества и деятельностьная модель патриотизма, которая рассматривает его как осознанную, целенаправленную активность индивидов, направленную на совместное решение социально значимых вопросов [Асеева, 2022]. Авторы монографии «Гражданская идентичность россиян...» указывают: «организация работы по патриотическому воспитанию должна строиться и на эмоциональном уровне, и на деятельностном» [Гражданская идентичность ... , 2022, с. 129].

Деятельностная модель может соотноситься с гражданским или конструктивным типом патриотизма. Он предполагает критическое

отношение к окружающей социальной реальности, осознание гражданином органической принадлежности к своей родине, готовность к активным и ответственным действиям на благо общества и страны. Исследователи указывают на рациональную мотивацию поддержки государства со стороны патриотов: «Патриотизм можно определить как особую ценностную установку политического сознания, формирующую специфические формы общественных отношений и деятельности, связанные с поддержкой и защитой гражданином политических институтов, отражающих его интересы» [Мартынов, 2020, с. 115].

Но деятельностная модель не входит в противоречие и с государственным патриотизмом, который также требует от гражданина лояльности и поддержки существующих институтов государства. С позиций патриотов-государственников, основой для выстраивания моделей общественного поведения патриотически настроенных индивидов должно служить «прагматичное осознание необходимости государства, без которого, собственно, не может быть и Родины» [Арзамаскин, 2021, с. 132].

Отечественные исследователи отмечают рост готовности россиян, в том числе и молодежи, вносить личный вклад в патриотическое движение в стране. В частности, И. В. Радиков отмечает, что ВЦИОМ фиксирует рост числа респондентов, характеризующих пат-

риотизм как осознанное и активное участие в жизни страны [Радиков, 2019]. В то же время, государственный патриотизм рассматривается людьми и как инструмент социальной мобильности, обеспечивающий лояльным его последователям инкорпорацию в систему государственного менеджмента и шанс получения дополнительных ресурсов из рук власти. В. И. Филоненко и Л. И. Щербакова отмечают такой тренд в развитии патриотизма у молодежи, как переход «от адаптивных к солидаристским практикам отношения к социальной действительности» [Филоненко, 2019, с. 114]. Для государства это возможность актуализации патриотической повестки, ее внедрения в повседневную жизнь и расширения социальной базы патриотизма.

Цель данного исследования – охарактеризовать современное состояние и тенденции развития организаций патриотической направленности в СФО. Исходя из этого, задачами выступают классификация существующих патриотических организаций по тематике и масштабам их активности, выделение основных направлений их деятельности и используемых форм активности, определение степени и характера трансформаций их функционирования в современных условиях.

Патриотические организации в Сибирском федеральном округе

В настоящее время произошел переход ведущей роли в работе с патриотической повесткой к государственным институтам, которые

определяют цели и задачи, вектор развития данной сферы, состав и структуру её участников. Патриотическая работа с населением осуществляется через реализацию региональных проектов патриотического воспитания, которые являются производными федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан РФ» в рамках нацпроекта «Образование». В них достигается достижение определенных показателей, главный из которых – формирование массового участия в патриотической работе. В частности, до конца 2024 г. предполагается обеспечить вовлечение не менее 24% граждан РФ в систему патриотического воспитания. К этому же сроку предполагается довести численность Российского движения школьников до 3 млн участников, а движения «Юнармия» – до 600 тыс. [Федеральный проект ... , 2021].

Декларируется задача охвата всех возрастных и социальных групп патриотическими движениями, однако, на практике большинство проектов и патриотических объединений рассчитано на работу с учащейся молодежью. Особо усилия сосредотачиваются на детях школьного возраста, это объясняется наличием возможностей для государства по их организации и контролю через систему среднего образования.

Деятельность субъектов в сфере патриотической политики осуществляется посредством инфраструктуры патриотического воспитания, которую можно разделить на *три крупных блока*. *Первый* из них

включает в себя разветвленные, но централизованные и иерархические всероссийские общественно-политические организации, функционирование которых инициировано и поддерживается государством. *Второй блок* представлен общественными и коммерческими организациями военно-патриотического характера, такими как военно-спортивные и военно-патриотические клубы, центры допризывной подготовки и т. п. *Третий блок* составляют патриотические организации – это объединения, ведущие деятельность в гражданско-патриотической сфере, наряду с решением задач патриотического воспитания осуществляющие реализацию культурных, просветительских, природоохранных и иных социально значимых проектов.

Первый тип представлен организациями «Юнармия», «Волонтеры Победы», «Российской движение школьников», ДОСААФ России, а также «Движение первых». Они ориентированы на военно-патриотическое воспитание молодежи, прежде всего школьников, допризывную подготовку учащихся, а также на сохранение исторической памяти в сфере воинских традиций России. Их отличает всеохватность (в рамках заявленных возрастных групп), большая по меркам регионов численность, а многие уже имеющиеся сообщества, прямо или косвенно, интегрируются в них.

ДОСААФ России является базовой структурой для многих госу-

дарственных проектов патриотической направленности. Однако необходимо отметить, что она в меньшей степени ориентируется на работу исключительно с молодежью, а нацелена на охват всех возрастных групп. Кроме военно-патриотических клубов и центров допризывной подготовки, в регионах также функционируют многочисленные технические и автомобильные школы, центры профессионального, технического и спортивного образования, дающие их участникам определенные прикладные навыки.

Общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников» была создана при Федеральном агентстве по делам молодежи. В отличие от «Юнармии» или ДОСААФ, РДШ не специализируются исключительно на военно-патриотической тематике, а включает такие направления, как гражданская активность, личностное развитие и т. д. Это объединение с наибольшим количеством структурных подразделений и численностью участников: к концу 2022 г. оно объединяло более 30 000 российских школ и около 4 млн участников, в том числе 102 тыс. родителей и 275 тыс. учителей [РДШ станет ...].

Структура РДШ состоит из первичных отделений, формируемых на уровне школ. Кроме того, предусмотрены и местные отделения на уровне муниципальных образований, однако, они сформированы

только в части регионов (Новосибирская, Иркутская, Омская области, Республики Тыва, Алтай, Алтайский край), остальных субъектах СФО первичные отделения подчиняются напрямую региональному руководству. Необходимо отметить, что 18 декабря 2022 г. на VI съезде Российского движения школьников было принято решение о его реорганизации и присоединении к образованному 20 июля 2022 г. Российскому движению детей и молодежи «Движение первых» [К новым горизонтам ...].

Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия» обладает развитой организационной структурой и большой численностью, в целом по стране к концу 2022 г. число ее участников превысило 1,2 млн [Шойгу: «Юнармия» ...]. «Юнармия» имеет региональные отделения во всех субъектах СФО и местные отделения во всех городах и подавляющем большинстве сельских районов. В ряде городов (Красноярск, Кемерово, Омск, Норильск и др.) также имеются «Дома Юнармии», служащие площадками дополнительного образования в рамках движения.

Нельзя не упомянуть всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», задачей которого является гражданско-патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти. Данное движение имеет в ряде регионов СФО отделения, которые зарегистрированы как юридические лица (Ал-

тайский край, Омская, Томская, Иркутская области, республики Алтай и Тыва), остальные региональные отделения являются подразделениями центральной структуры и не имеют правового статуса. Внутренняя структура организации в субъектах состоит из муниципальных штабов, общественных центров в вузах и ссузах, а также школьных отрядов.

Как часть патриотической инфраструктуры можно рассматривать и поисковые отряды, которые функционируют в РФ в рамках общественного движения «Поисковое движение России». Во всех субъектах СФО существуют его региональные отделения. Сами поисковые отряды могут учреждаться непосредственно региональными отделениями движения или формироваться при учреждениях образования и патриотических организациях.

Также к первому блоку можно отнести и функционирующие в большинстве субъектов СФО (Новосибирская, Иркутская, Томская, Омская обл., Алтайский край, республики Алтай, Тыва, Хакасия) региональные структуры по координации усилий институтов государства, общественных организаций и общественных активистов в сфере патриотики. Они выполняют роль своеобразных «фильтров» общественной активности, обозначая одобряемый вектор деятельности и участвуя в распределении поддержки среди местных патриотических сообществ.

К числу подобных объединений можно отнести «Центр патриотиче-

ского воспитания НСО», «Сибирский центр патриотического воспитания», «Центр патриотического воспитания Томской области», «Центр Содействия Воспитанию Детей и Молодёжи «Алтайпатриот-центр», «Ассоциацию военно-патриотических общественных объединений в Республике Тыва «СОКОЛ», «Главный патриотический центр» (Омская обл.). Некоторые организации, такие как Иркутский военно-патриотический парк «Патриот» или региональный центр военно-патриотического воспитания Республики Хакасия «Авангард», нацелены на предоставление ресурсов и площадок менее крупным патриотическим объединениям для реализации их проектов.

Второй блок патриотических объединений образован региональными и местными патриотическими организациями. Они могут функционировать в самых разных организационных формах – в виде клубов, центров подготовки и дополнительного образования, общественных организаций. В основном ими реализуются проекты спортивного, военно-игрового и туристического характера, которые репрезентируются как патриотические, хотя зачастую таковыми не являются. В этом блоке патриотизм понимается прежде всего как готовность защищать страну, служить в армии, в меньшей степени – как базовое знание истории страны, военной истории, основ православной или традиционной культуры. Обращение к патриотической тематике яв-

ляется дополнительной возможностью продвигать деятельность своих объединений и получать государственную поддержку через гранты, федеральные и региональные программы по поддержке спорта, развитию образования, работе с молодежью и т. д.

Часть из этих объединений функционируют в тесном сотрудничестве с ДОСААФ или «Юнармией», пользуясь их инфраструктурой и встраиваясь в систему работы с их участниками. Это такие организации, как центр военной спецподготовки молодежи «Витязь», общественная организация «Полигон», организация военно-патриотического воспитания «Сварог» (Кемеровская обл.), военно-патриотические клубы имени И. И. Стрельникова «Пограничник» и т. п. Другие объединения не интегрируются напрямую в вышеуказанные структуры, хотя и активно участвуют в организуемых ими и другими организациями мероприятиях.

Значительная часть организаций подобного рода создается на муниципальном уровне (в малых городах и районных центрах на базе общеобразовательных школ и ссузов) либо функционируют как подразделения местных учреждений культуры и спорта и не зарегистрированы как самостоятельные организации. Ряд патриотических проектов функционирует под патронажем региональных объединений ветеранов военной службы или проводят начальную военную подготовку для службы в определен-

ных родах войск. В данном случае они выполняют функции центров профориентации, поиска и подготовки кадров для силовых структур.

Нельзя не упомянуть об участии возрожденного казачества в местных патриотических процессах, ряд патриотических клубов и организаций в регионах СФО учреждены при активном содействии их сообществ. Многие патриотические военные и казачьи объединения пользуются поддержкой Русской православной церкви, кроме того, существуют и патриотические объединения, учрежденные по ее непосредственной инициативе.

Все вышеописанные объединения составляют наиболее приближенный к населению уровень патриотической инфраструктуры. Необходимо отметить, что если патриотические объединения первого типа занимаются, прежде всего, организацией массовых мероприятий, то организации второго типа выступают в качестве «поставщиков» участников для них, формируя команды для участия в военно-спортивных играх, профильных сменах и иных конкурсов федерального или регионального уровня, а также получают ресурсы для своей работы.

Третий блок организаций в меньшей степени сосредоточен на военно-патриотической тематике, их патриотическая деятельность имеет различную направленность и нередко совмещается с экологической, волонтерской, благотворительной или иной общественно по-

лезной. Зачастую ставящиеся перед ними задачи носят локальный характер, и тесно пересекаются с заботой об облагораживании мест проживания, волонтерской помощью, сохранении истории «малой родины» и биографий выдающихся земляков. Патриотический дискурс здесь также служит дополнительным фактором привлечения государственного или регионального финансирования.

Самыми распространенными являются организации исторической, краеведческой и военно-исторической направленности, прежде всего, здесь следует назвать общероссийскую общественно-государственную организацию «Российское военно-историческое общество», имеющую свои региональные отделения во всех субъектах федерального округа. В регионах действуют и менее крупные образования, занимающиеся организацией выставок, массовых костюмированных действий, исторических реконструкций, а в республиках функционируют сообщества, направленные на сохранение и популяризацию локальной самобытной культуры.

Гражданско-патриотический сектор представлен организациями, определяющими себя как сообщества по нравственному и духовному воспитанию, реализации просветительских, культурных и иных социально значимых проектов. В частности, это некоммерческое партнерство по содействию нравственно-патриотическому воспитанию «ЧЕЛОВЕК», спортивно-патриоти-

ческая правозащитная общественная организация «БРАТИНА», (Новосибирская обл.), общественная организация по поддержке духовного, нравственного и патриотического развития «Беспокойные сердца» (Кемеровская обл.), региональная общественная организация «Бюро развития будущего» и др.

Волонтерское направление также является значимой составной частью патриотической инфраструктуры, так как поле деятельности многих добровольческих объединений включает задачи поддержки ветеранов боевых действия, участия в массовых акциях («Бессмертный полк», «Георгиевская лента») и иные мероприятия патриотической направленности. Особенно следует выделить «Волонтерские роты» организации ветеранов «Боевое братство», которые существуют в 7 регионах из 10 (кроме Новосибирской, Иркутской и Кемеровской обл.).

Патриотические проекты в Сибирском федеральном округе

Деятельность большинства рассмотренных патриотических организаций концентрируются на военно-патриотической тематике. В первую очередь они реализуют федеральные общероссийские проекты, предполагающие организацию массовых мероприятий военно-спортивного характера. Главные мероприятия – это региональные, муниципальные и местные (школьные) этапы ежегодных всероссийских военно-спортивных игр, таких как «Победа», «Зарница», «Орле-

нок», региональные или муниципальные военно-спортивные и военно-туристические игры, а также соревнования по дисциплинам начальной военной подготовки.

Еще одной распространенной формой работы патриотических организаций является организация выездных профильных смен на базе крупных военно-патриотических клубов, которые носят регулярный характер и могут проводиться в течение длительного периода, например, «Рубеж» (Респ. Алтай, 2013-2022 гг.); «Орлята России» (Омская обл., 2014-2022 гг.); «Ты нужен России» (Хакасия, 2008-2021 гг.). Некоторые смены посвящены отдельным родам войск («Юный десантник», Новосибирская обл.; «Юный Пограничник», Кемеровская обл.; «Юный спецназовец, Алтайский край) и организуются с помощью местных силовых структур и объединений ветеранов вооруженных сил. К подобным профильным сменам можно отнести и регулярно проводимые в регионах на базе ДОСААФ «слеты допризывников» для старших школьников. На муниципальном уровне практикуется организация и проведение юнармейских лагерей и сборов дневного пребывания для школьников на базе «Домов Юнармии» и общеобразовательных учреждений.

В спортивно-патриотической сфере наиболее массовой формой активности, реализуемой патриотическими объединениями, выступают мероприятия Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне». Кроме

него, на всех уровнях проводятся различные спортивно-массовые соревнования и турниры, посвященные памяти погибших участников боевых действий, героев Великой Отечественной войны, выдающихся земляков или памятным датам и государственным праздникам.

Историко-патриотический вектор работы патриотических организаций включает тематические выставки и экскурсии, как правило, приуроченные к каким-либо историческим событиям. Активнейшее участие они принимают и в массовых акциях, посвященных празднованию годовщины победы в Великой Отечественной войне – акциях «Георгиевская лента» и «Бессмертный полк», а также в проектах «Пост № 1», «Вахта памяти», «Свеча памяти», «Лица Победы» и др.

Постоянная, не привязанная к определенным событиям, деятельность патриотических объединений заключается в привлечении общественного внимания к вопросам сохранения памяти об участниках конфликтов, популяризации истории Отечества и малой Родины, благоустройстве памятников и воинских захоронений. Сюда же можно отнести встречи с ветеранами боевых действий, военной и правоохранительной службы, представителями вооруженных сил в рамках проектов «Встреча с ветераном», «Уроки Мужества», «Дорогами войны».

К мероприятиям культурно-патриотической направленности относятся олимпиады и конкурсы патриотической песни, чтецов, ли-

тературных и изобразительных работ: «Диктант Победы», «Военно-патриотический диктант», «Салют, Победа!», «Герои Великой Победы», «Мы о войне стихами говорим» и др. Существуют и проекты, направленные на формирование локального патриотизма, например, краеведческий портал «Земля Томская», просветительская акция «Краеведческий эрудит: Новосибирь-85», фотоконкурс «Кузбассом привык я гордиться», проект «Краеведческо-экологический десант» (Алтайский край).

Необходимо отметить, что в основном деятельность организаций патриотической направленности осуществляется через непосредственное взаимодействие их участников в очной форме. Однако пандемия коронавируса 2020-2021 гг. и связанные с ней антиковидные ограничения отразились на характере применяемых патриотическими движениями форм активности. В значительной мере им пришлось отказаться от проведения массовых публичных мероприятий в пользу дистанционной и онлайн-ово́й деятельности.

В виртуальном формате в коронавирусный период проводились многочисленные фото и видеовыставки, конкурсы «Диктант Победы» и «Салют, Победа!», акции «Свеча памяти», «Лица Победы», «Сад Памяти». Получили распространение виртуальные экскурсии по местам важных исторических событий, истории города или местных воинских подразделений, по-

знавательные игры-квесты по истории ВОВ «Засекречено», «Победа! 76 лет» и «Код доступа. Сталинград». Проходили в дистанционном формате и региональные профильные смены движения Юнармия и даже некоторые спортивные мероприятия, например, ежегодный конкурс по подъему гири «Рекорд победы» [Красноярск отметил ...].

Однако еще до пандемии региональные патриотические структуры начали увеличивать свое присутствие в медиaprостранстве. Наиболее простой и распространенный способ – через создание собственных сайтов, групп или страниц в социальных сетях для освещения своей деятельности и привлечения новых участников. Некоторые сообщества перешли к освоению площадок в видеохостингах, например, региональные отделения «Юнармии» имеют свои Ютуб-каналы, существует и общесибирский канал Юнармия-Сибирь (1,5 тыс. подписчиков) [ЮнармияТВ ...].

Очный формат работы был возобновлен после снятия ограничений. Кроме того, в 2022 г. значительная часть патриотических объединений активизировала свою работу в связи с актуализацией военно-патриотической повестки на фоне роста международной напряженности и проведения специальной военной операции (*далее СВО*).

Некоторые крупные объединения перешли к новым формам деятельности и значительно нарастили количество мероприятий. Прежде

всего, во всех регионах округа при содействии и под патронажем «Юнармии» и РДШ, реализуются всероссийские акции «Письмо солдату», «Фронтальная открытка», и «Новый год вместе!», «Добрые письма» (РДШ), а также конкурс «Юнармия – Деду Морозу», в ходе которых школьники и юнармейцы отправляют письма и открытки (в том числе и в видеоформате) участникам СВО. Для примера, в официальном сообществе в ВКонтакте Красноярского отделения «Юнармии» содержатся 20 упоминаний о подобных акциях, Томского отделения – 22, отделения в Алтайском крае – 9 и отделения в Республике Хакасия – 17 упоминаний.

Важным элементом патриотической деятельности стали акции в поддержку вооруженных сил РФ и солидарности с населением Донбасса: митинги, флеш-мобы и иные массовые публичные акции в офлайн и онлайн-форматах. Региональные страницы «Юнармии» в Красноярском крае упоминают о 6 таких событиях, в Томской области – о 17, в Алтайском крае – о 3 и в Республике Хакасия – о 7. Также при поддержке патриотических объединений проводились и другие мероприятия «ивентового» формата: уроки мужества с приглашением участников СВО, торжественные проводы и награждения военнослужащих, чествование памяти погибших бойцов. Кроме реализации общедифференциальных проектов, некоторые региональные отделения проводят собственные, «уникальные» ак-

ции – например, красноярские юнармейцы организовали автопробег «Юнармия – За мир без фашизма» [Стартовал автопробег ...].

Важной составляющей работы стала организация помощи военнослужащим, в этот процесс активно включились и волонтерско-патриотические объединения, такие как «Волонтерские роты» ветеранского объединения «Боевое братство». В сообществах «Юнармии» и РДШ неоднократно упоминаются акции по сбору продуктов, предметов первой необходимости и иной помощи для нужд армии: «Посылка солдату» «Весточка из дома – с Заботой о солдате». Так, на странице сообщества Красноярского отделения «Юнармии» упомянуты 4 такие акции, Томского отделения – 9, отделения в Алтайском крае – 5 и в Республике Хакасия – 6 [ЮНАРМИЯ Красноярский ... ; Унаrmу70; ЮНАРМИЯ22; ЮНАРМИЯ Республика Хакасия].

В то же время деятельность патриотических организаций, более ориентированных на «плановую» работу (такие как ДОСААФ, поисковые отряды и военно-исторические сообщества), не претерпела значительных изменений в своей деятельности. Они принимают эпизодическое участие в акциях в поддержку СВО (например, участвуют в митингах и флеш-мобах, собирают гуманитарную помощь и т. д.), однако основным вектором их активности остаются заявленные в программных документах: начальная военная и техническая подго-

товка, поиск захоронений бойцов советской армии, популяризация отечественной истории.

Выводы

В ходе изучения патриотической сферы Сибирского федерального округа можно прийти к нескольким выводам. Прежде всего, необходимо отметить, что после оформления единой государственной системы патриотического воспитания ведущая роль в этой сфере переходит к общефедеральным структурам, таким как «Юнармия», РДШ, ДОСААФ и др. за счет поглощения или интеграции иных патриотических объединений. На сегодняшний день в регионах сформировалась развитая организационная инфраструктура, реализующая патриотические проекты различного масштаба и направленности. Патриотические объединения ориентируются на выполнение государственных программ и находятся в зависимости от распределяемых государством ресурсов.

Главным вектором деятельности патриотических организаций остается сочетание военно-спортивной и допризывной подготовки, дополняющейся изучением военной истории страны и региона. Основными формами патриотического воспитания остаются очные массовые мероприятия, такие как военно-спортивные игры в рамках общефедеральных («Зарница», «Победа») и региональных проектов, профильные смены военно-спортивных клубов. На местах сформировалась развитая сеть

военизированных организаций, называющих себя патриотическими: военно-спортивные, военно-исторические, спортивно-патриотические клубы, центры допризывной подготовки и т. п. Они охватывают все уровни территориальной структуры субъектов и нередко служат каналами рекрутирования новых кадров для силовых структур.

Пандемия коронавируса значительно ограничила реализацию этих форм активности в 2020-2021 гг. и вынудила отменить или реформировать часть проектов, однако, после снятия ограничений патриотические организации вновь вернулись к ним. Интернет в настоящее время тоже активно используется патриотическими объединениями для своей деятельности, но играет вспомогательную роль.

В 2022 г. на фоне осложнения внешнеполитической обстановки востребованность патриотической повестки значительно возросла. Такие объединения, как «Юнармия» и РДШ, активно отреагировали на новые изменения государственной патриотической повестки, что привело к появлению в их арсенале новых форм активности, связанных с различными видами поддержки участников СВО. Другие объединения, менее нацеленные на непосредственное привлечение молодежи в военную сферу, оказались более «инертны» – они принимают эпизодическое участие в подобных акциях, реализуя прежние форматы деятельности.

Библиографический список

1. Арзамаскин Ю. Н. Государственно-патриотическая идея как идеологическая основа военно-политической работы / Ю. Н. Арзамаскин, О. В. Кепель // Военная мысль. 2021. № 11. С. 128-138.
2. Асеева Т. А. Влияние участия в патриотических проектах на процесс формирования патриотизма в молодежной среде / Т. А. Асеева, Д. А. Качусов // Социально-политические исследования. 2022. № 1(14). С. 55-69.
3. Гражданская идентичность россиян: современный политический концепт : коллективная монография / ред. О. А. Коряковцева. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 179 с.
4. Зубок Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 1. С. 41-57. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.3.
5. К новым горизонтам: РДШ станет системообразующей частью Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи // Российское движение школьников. URL: <https://рдш.рф/news/11245>. (Дата обращения: 25.12.2022).
6. Красноярск отметили целой серией спортивных мероприятий, посвященных Дню Победы // Вести-Красноярск. URL: <http://www.vesti-krasnoyarsk.ru/news/sport/post-29955/>. (Дата обращения: 29.11.2022).
7. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8(36), № 2. С. 47-66. DOI 10.23683/2227-8656.2019.2.
8. Мартынов М. Ю. Патриотизм как политический дискурс в современной России / М. Ю. Мартынов, Л. А. Фадеева, А. И. Габеркорн // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08.
9. Ореховская Н. А. Патриотизм как созидаящая идеология российского общества / Н. А. Ореховская, А. В. Ореховский // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3(116). С. 205–210.
10. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России / ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. 412 с.
11. Первичные отделения. Российское движение школьников. URL: <https://рдш.рф/activity/primary-division>. (Дата обращения: 12.12.2022).
12. Радиков И. В. Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1(834). С. 54-75.
13. Стартовал автопробег «Юнармия – За мир без фашизма. Красноярск – Грозный-2022» // сайт ВВПОД «Юнармия» URL: <https://yunarmy.ru/press-center/news/startoval-avtoprobeg-yunarmiya-za-mir-bez-fashizma-krasnoyarsk-groznyu-2022/>. (Дата обращения: 27.11.2022).
14. Страница Новосибирского регионального отделения ДОСААФ. URL: <https://vk.com/dosaafnso>. (Дата обращения: 19.12.2022).

15. Тихонова В. А. Патриотизм как ценностная основа политической культуры российского общества / В. А. Тихонова, Б. М. Хугаев // Культура и образование. 2017. № 4. С. 5-9.

16. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2021-2024 гг. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>. (Дата обращения: 27.11.2022).

17. Филоненко В. И. Деятельный патриотизм как фактор творческого развития Российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности: противоречия формирования / В. И. Филоненко, Л. И. Щербакова // Власть. 2019. №1. С. 112-119.

18. Шашкова Я. Ю. Молодежные патриотические организации «Двух Алтаев»: современное состояние и траектории развития / Я. Ю. Шашкова, С. Ю. Асеев // Социально-политические исследования. 2022. № 1(14). С. 39-55. DOI: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-39-54.

19. Шатилов А. Б. Формирование концепта государственного патриотизма в России в период 2000-2017 гг.: основные этапы и базовые идеологемы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №3. С. 18-23.

20. Шойгу: «Юнармия» охватила все регионы России и объединила более 1,2 млн детей // ИА ТАСС. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/16653409>. (Дата обращения: 23.11.2022).

21. ЮНАРМИЯ Красноярский край. Сообщество отделения ВВПОД «Юнармия» в Красноярском крае. URL: <https://vk.com/yunarmikrsk>. (Дата обращения: 14.12.2022).

22. ЮНАРМИЯ22. Сообщество отделения ВВПОД «Юнармия» в Алтайском крае. URL: https://vk.com/yunarmiya_altaikrai. (Дата обращения: 14.12.2022).

23. ЮНАРМИЯ Республика Хакасия. Сообщество отделения ВВПОД «Юнармия» в Республике Хакасия. URL: <https://vk.com/unarmia19>. (Дата обращения: 20.12.2022).

24. ЮнармияТВ: Сибирь. Youtube-канал. URL: <https://www.youtube.com/@user-vm8xx9jc1u>. (Дата обращения: 16.12.2022).

25. Schatz R. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism / R. Schatz, E. Staub, H. Lavine // Political Psychology. 1999. Vol. 20. No. 1. P. 151-174.

26. Unarmy70. Сообщество отделения ВВПОД «Юнармия» в Томской области. URL: <https://vk.com/unarmy70>. (Дата обращения: 16.12.2022).

Reference list

1. Arzamaskin Ju. N. Gosudarstvenno-patrioticheskaja ideja kak ideologicheskaja osnova voenno-politicheskoj raboty = State-patriotic idea as the ideological basis of military-political work / Ju. N. Arzamaskin, O. V. Kepel' // Voennaja mysl'. 2021. № 11. S. 128-138.

2. Aseeva T. A. Vlijanie uchastija v patrioticheskikh proektah na process formirovanija patriotizma v molodezhnoj srede = The influence of participation in patriotic projects on the process of formation of patriotism in the youth environment / T. A. Aseeva, D. A. Kachusov // Social'no-politicheskie issledovanija. 2022. № 1(14). S. 55-69.

3. Grazhdanskaja identichnost' rossijan: sovremennyy politicheskij koncept = Civil identity of Russians: a modern political concept : kollektivnaja monografija / red. O. A. Korjakovceva. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 179 s.

4. Zubok Ju. A. Izmenjajushhajasja social'naja real'nost' v krizisnom rossijskom obshhestve = Changing social reality in Russia's crisis society / Ju. A. Zubok, V. I. Chuprov // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2017. T 10, № 1. S. 41-57. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.3.

5. K novym gorizontam: RDSH stanet sistemoobrazujushhej chast'ju Obshherossijskogo obshhestvenno-gosudarstvennogo dvizhenija detej i molodezhi = To new horizons: the Russian Students Movement will become a backbone part of the All-Russian public and state movement of children and youth // Rossijskoe dvizhenie shkol'nikov. URL: <https://rdsh.rf/news/11245>. (Data obrashhenija: 25.12.2022).

6. Krasnojarsk otmetilsja celoj seriej sportivnyh meroprijatij, posvjashhennyh Dnju Pobedy = Krasnojarsk was marked by a series of sports events dedicated to Victory Day // Vesti-Krasnojarsk. URL: <http://www.vesti-krasnojarsk.ru/news/sport/post-29955/>. (Data obrashhenija: 29.11.2022).

7. Lubskij A. V. Patriotizm i grazhdanstvennost' v rossijskom obshhestve, ili kak preodolet' deficit grazhdanstvennosti v rossijskom patriotizme = // Gumanitarij Juga Rossii. 2019. T. 8(36), № 2. S. 47-66. DOI 10.23683/2227-8656.2019.2.

Martynov M. Ju. Patriotizm kak politicheskij diskurs v sovremennoj Rossii = Patriotism as a political discourse in modern Russia / M. Ju. Martynov, L. A. Fadeeva, A. I. Gaberkorn // Polis. Politicheskie issledovanija. 2020. № 2. S. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08.

8. Orehovskaja N. A. Patriotizm kak sozidajushhaja ideologija rossijskogo obshhestva = Patriotism as a creative ideology of Russian society / N. A. Orehovskaja, A. V. Orehovskij // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2016. № 3(116). S. 205–210.

9. Patriotizm, grazhdanstvennost' i solidarnost' v regional'nyh soobshhestvah na Juge Rossii = Patriotism, citizenship and solidarity in regional communities in the South of Russia / red. Ju. G. Volkov. Rostov-na-Donu : Fond nauki i obrazovanija, 2018. 412 s.

10. Pervichnye otdelenija. Rossijskoe dvizhenie shkol'nikov = Primary departments. Russian students movement. URL: <https://rdsh.rf/activity/primary-division>. (Data obrashhenija: 12.12.2022).

11. Radikov I. V. Poisk ideologicheskikh orientirov v postsovetsoj Rossii = Search for ideological landmarks in post-soviet Russia // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2019. № 1(834). S. 54-75.

12. Startoval avtoprobeg «Junarmija – Za mir bez fashizma. Krasnojarsk – Groznyj-2022» = The rally “Yunarmiya-Z for world without fascism has started. Krasnojarsk - Grozny-2022” // sajt VVPOD «Junarmija». URL: <https://yunarmiya.ru/press-center/news/startoval-avtoprobeg-yunarmiya-za-mir-bez-fashizma-krasnojarsk-groznyj-2022/>. (Data obrashhenija: 27.11.2022).

13. Stranica Novosibirskogo regional'nogo otdelenija DOSAAF = Age of the Novosibirsk regional branch of DOSAAF. URL: <https://vk.com/dosaafnso>. (Data obrashhenija: 19.12.2022).

14. Tihonova V. A. Patriotizm kak cennostnaja osnova politicheskij kul'tury rossijskogo obshhestva = Patriotism as the value base of the political culture of Russian society / V. A. Tihonova, B. M. Hugaev // Kul'tura i obrazovanie. 2017. № 4. S. 5-9.

15. Federal'nyj proekt «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii» na 2021-2024 gg. = Federal project “Patriotic education of citizens of the Russian Federation” for 2021-2024 URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>. (Data obrashhenija: 27.11.2022).

16. Filonenko V. I. Dejatel'nyj patriotizm kak faktor tvorcheskogo razvitija Rossijskoj molodezhi v uslovijah izmenjajushhejsja social'noj real'nosti: protivorechija formirovanija = Active patriotism as a factor in the creative development of Russian youth in the context of a changing social reality: contradictions of formation / V. I. Filonenko, L. I. Shherbakova // *Vlast'*. 2019. №1. S. 112-119.

17. Shashkova Ja. Ju. Molodezhnye patrioticheskie organizacii «Dvuh Altaev»: sovremennoe sostojanie i traektorii razvitija = Youth patriotic organizations of “Two Altais”: the current state and development trajectories / Ja. Ju. Shashkova, S. Ju. Aseev // *Social'no-politicheskie issledovanija*. 2022. № 1(14). S. 39-55. DOI: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-39-54.

18. Shatilov A. B. Formirovanie koncepta gosudarstvennogo patriotizma v Rossii v period 2000-2017 gg.: osnovnye jetapy i bazovye ideologemii = Formation of the concept of state patriotism in Russia in the period 2000-2017: the main stages and basic ideologies // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2017. №3. S. 18-23.

19. Shoigu: «Junarmija» ohvatila vse regiony Rossii i ob#edinila bolee 1,2 mln detej = Shoigu: Yunarmiya covered all regions of Russia and united more than 1.2 million children // *IA TASS*. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/16653409>. (Data obrashhenija: 23.11.2022).

20. JuNARMIJa Krasnojarskij kraj. Soobshhestvo otdelenija VVPOD «Junarmija» v Krasnojarskom krae = YUNARMIYA Krasnoyarsk Territory. Community of the branch of VVPOD “Yunarmiya” in the Krasnoyarsk Territory. URL: <https://vk.com/yunarmikrsk>. (Data obrashhenija: 14.12.2022).

21. JuNARMIJa22. Soobshhestvo otdelenija VVPOD «Junarmija» v Altajskom krae = YUNARMIYA22. Community of the branch of VVPOD “Yunarmiya” in the Altai Territory. URL: https://vk.com/yunarmiya_altaikrai. (Data obrashhenija: 14.12.2022).

22. JuNARMIJa Respublika Hakasija. Soobshhestvo otdelenija VVPOD «Junarmija» v Respublike Hakasija = YUNARMIYA Republic of Khakassia. Community of the branch of VVPOD “Yunarmiya” in the Republic of Khakassia. URL: <https://vk.com/unarmia19>. (Data obrashhenija: 20.12.2022).

23. JunarmijaTV: Sibir'. Youtube-kanal = YunarmiyaTV: Siberia. Youtube channel. URL: <https://www.youtube.com/@user-vm8xx9jc1u>. (Data obrashhenija: 16.12.2022).

24. Schatz R. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism / R. Schatz, E. Staub, H. Lavine // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20. No. 1. P. 151-174.

26. Unarmy70. Soobshhestvo otdelenija VVPOD «Junarmija» v Tomskoj oblasti. URL: <https://vk.com/unarmy70>. (Data obrashhenija: 16.12.2022).

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 09.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Научная статья

УДК 930

DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_75

EDN: NQSNKO

П. А. Столыпин и авторитарная политика

Се Голян

Доктор исторических наук, доцент кафедры мировой истории,
Сучжоуский университет науки и технологий, г. Сучжоу, КНР
xieguoliang367@sina.com.cn, <https://orcid.org/0009-0009-3056-4927>

Аннотация. Рассматривается реформаторская деятельность П. А. Столыпина, проводившаяся в авторитарном порядке. Подчеркивается, что как министр внутренних дел и премьер-министр правительства России П. А. Столыпин в условиях революции 1905-1907 гг. проводил жесткую политику в отношении участников антиправительственных выступлений, включая применение военной силы. Подчеркивается, что российская монархия и Государственная Дума оказались втянутыми в ожесточенные споры с момента создания последней: либералы и революционеры выступали за их полное равноправие без условий, а Николай II не считал, что Россия достигла уровня установления полного равноправия, поэтому настаивал на сохранении самодержавия. Отмечается, что в основе реформаторских законодательных инициатив П. А. Столыпина, вносимых его правительством для рассмотрения в Государственную Думу, находилась идея о том, что превращение России в правовое государство возможно только по воле императора, дожившего законодательным порядком. Исходя из этой идеи процесс реформирования шел сверху вниз через законопроекты, вносимые правительством в Государственную Думу и затем в Государственный Совет. Отмечаются трудности в прохождении правительственных законопроектов через выше названные структуры, подвергавшиеся нападкам как со стороны либералов, так и со стороны консерваторов. Рассматриваются вопросы, связанные с проведением П. А. Столыпиным земельной реформы и реформированием местного самоуправления, в том числе в западных регионах России. Подчеркивается, что реформы П. А. Столыпина в экономике и местном самоуправлении могли стать основой модернизации России, но этого не произошло. Подчеркивается, что этому способствовало отсутствие доверия между властью и обществом, поэтому реформы П. А. Столыпина не только не привели к модернизации России, а наоборот способствовали приближению революции.

© Се Голян, 2023

Ключевые слова: П. А. Столыпин; авторитарная политика; революция 1905-1907 гг.; земельная реформа; реформа местного самоуправления

Для цитирования: Се Голян П. А. Столыпин и авторитарная политика // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 75-89. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_75. <https://elibrary.ru/NQSNKO>.

SOCIO-POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Original article

P. A. Stolypin and authoritarian politics

Xie Guoliang

Doctor of historical sciences, associate professor, department of world history, Suzhou university of science and technology, Suzhou, China
xieguoliang367@sina.com.cn, <https://orcid.org/0009-0009-3056-4927>

Abstract. The reform activity of P. A. Stolypin, carried out in the authoritarian manner, is considered. It is emphasized that as Minister of the Interior and Prime Minister of the Russian Government P.A. Stolypin in the conditions of the revolution of 1905-1907 pursued a tough policy against participants in anti-government protests, including the use of military force. It is emphasized that the Russian monarchy and the State Duma were embroiled in fierce disputes since the creation of the latter: liberals and revolutionaries advocated their full equality with no exceptions, and Nicholas II did not believe that Russia reached the level of establishing full equality, so he insisted on maintaining autocracy. It is noted that the basis of the reform legislative initiatives of P.A. Stolypin, introduced by his government for consideration in the State Duma, was the idea that the transformation of Russia into a legal state was possible only by the will of the emperor, who treasured the legislative order. Based on this idea, the reform process went from top to bottom through bills submitted by the government to the State Duma and then to the State Council. There were difficulties in passing government bills through the above structures, which were attacked by both liberals and conservatives. Issues related to P.A. Stolypin's land reform and the reform of local self-government, including in the western regions of Russia, are being considered. It is emphasized that the reforms of P.A. Stolypin in the economy and local self-government could become the basis for the modernization of Russia, but it did not happen. It is emphasized that this was facilitated by the lack of trust between the authorities and society, so the reforms of P.A. Stolypin not only did not lead to the modernization of Russia, but, on the contrary, contributed to oncoming of the revolution.

Keywords: P. A. Stolypin; authoritarian politics; revolution of 1905-1907; land reform; local government reform

For citation: Xie Guoliang P.A. Stolypin and authoritarian politics. *Social and political researches*. 2023;1(18):75-89. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_75. <https://elibrary.ru/NQSNKO>.

Введение

После русско-японской войны и революции 1905 года в России возникла конституционная монархия. Однако сотрудничество между правительством и Государственной Думой не было приятным: царь изменил закон о выборах и положил конец противостоянию правительства и Государственной Думы, известному как «третьеиюньский переворот». Природа переворота 3 июня до сих пор обсуждается. Одни считают, что «3-июньская система была победой крупных помещиков и крупной буржуазии и концом революции» [Аврех, 1968, с. 5], другие полагают, что «3-июньская система не отменила представительный строй, а установила думскую монархию» [Ольденбург, 1998, с. 321]. С точки зрения модернизации первая точка зрения подчеркивает народный суверенитет, а вторая – делает упор на авторитарную политику, обе они являются формами социальной трансформации.

Теория народного суверенитета идет от Руссо, и смысл ее подчеркивает нравственную общность верховенства народа. Концепция народного суверенитета подчеркивает естественные права человека, в то время как авторитарная политика делает упор на индивидуальную практику; одно совершается снизу вверх, а другое – сверху вниз; одно устремляется к равенству, а другое – к свободе [Медушевский, 1998]. В силу внешних военных

факторов социальные преобразования в России осуществлялись сверху вниз. Однако из-за недоверия общества к царскому правительству социальная трансформация сверху вниз продолжала носить напряженный характер, вызвав революцию. Самодержавный режим в лице царя мог лишь постепенно завоевать доверие общества и сделать режим рациональным только в том случае, если он будет двигаться в сторону секуляризованного правового государства [Медушевский, 1998].

С 1905 по 1907 гг. в России шла борьба между народным суверенитетом и авторитарной политикой, и авторитарная политика победила. Будучи защитником авторитарной политики, Столыпин вооруженными репрессиями восстановил общественный порядок, реформировал государство, положил начало эволюции российского общества. Порядок и реформы, правители и управляемые, свобода и равенство – все это проходит через болезненные испытания. Столыпин часто называл свои реформы переходным состоянием, в котором он двигался вперед как либерал и отступал как консерватор, а русские ученые также называли эту форму реформирования «славянством». Славянство должно было пробудить разум россиян религиозной любовью, но для либералов оно было реставрацией деспотизма, для консерваторов – предательством самобытности России. Российская авторитарная политика должна была построить

мост между религиозной любовью и разумом, чтобы добиться успеха. Эксперимент Столыпина был скорее рациональным, чем любовным, и не увенчался успехом.

Начало авторитарной политики

П. А. Столыпин (1862-1911) родился в потомственной дворянской семье. Под действием семейной атмосферы, хотя П. А. Столыпин жил в эпоху радикализма, но он предпочитал быть преданным царю и родине. Он очень верил в изречение ректора Петербургского университета, который призывал «уважать порядок и власть» [Петр Аркадьевич Столыпин, 2011, с. 631].

Авторитарная политика требовала от Столыпина как служения царю, так и налаживания связей с народом. В 1889 г. Столыпин был назначен Ковенским уездным предводителем дворянства. За 10 лет своего пребывания в должности предводителя дворянства, Столыпин познакомился с разными формами управления имениями в нескольких губерниях: часть была в продаже или покупке, часть использовалась для создания заводов, часть была заложена, он также изучил опыт капиталистического хозяйства. В западной Литве эффективность хозяйствования была во много раз больше, чем в восточной части, имения здесь в основном принадлежали полякам и литовцам. Бедные русские не могли обеспечить себя, и большинство из них уезжали работать в Германию, Литву, Польшу и другие

места. Столыпин проанализировал причины этого и сформировал целый комплекс взглядов на установление усадебного строя через создание сельскохозяйственных товариществ [Федоров, 2002]. Столыпин содействовал сельскохозяйственной кооперации, предоставляя ссуды бедным крестьянам, устанавливая для них страхование и избегая пропастей социальной революции. Именно по инициативе Столыпина было создано Сельскохозяйственное товарищество взаимного страхования Корвина.

В 1902 году Столыпин стал губернатором, используя собственный опыт для борьбы с крестьянским кризисом, положив начало эксперименту авторитарной политики. Крестьянский кризис в России возник из-за традиционных представлений крестьян о разделе земли поровну. Когда острая социальная конкуренция привела к сокращению земельных наделов, крестьяне начали требовать раздела между ними помещичьих земель. По статистике, за 1902-1903 годы в Саратовской губернии произошло не менее 163 крестьянских бунтов. К 1905 году крестьянское движение достигло апогея: в феврале оно охватило 6 из 10 уездов. Только в Балашовском уезде с 16 октября по 4 ноября было сожжено и разграблено 40 усадеб. За весь 1905 г. крестьяне уничтожили 200 усадеб. Крестьяне стояли на стороне антиправительственных сил [Гохлернер, 1956] и даже начали выдвигать по-

литические требования – свержение царской власти и т. д. Столыпин считал, что политические требования крестьян были результатом демагогии земских либералов и революционной интеллигенции [Государственный архив ...]. Что касается проблемы нехватки земли у крестьян, то ее нужно решать сверху вниз. С этой целью Столыпин посетил все уезды Саратовской губернии и беседовал с крестьянами. Столыпин считал, что малоземелье крестьян в Саратовской губернии являлось результатом реформы 1861 г. Для решения этой проблемы было необходимо принять целый комплекс мер, позволяющих крестьянам с помощью государства выкупить землю через Крестьянский банк [Государственный архив ...]. Предложение Столыпина не сразу утихомирило беспорядки, и для восстановления общественного порядка пришлось принимать административные меры, в том числе запрещение митингов, штрафы, тюремное заключение, а также использование военных. После революции 1905 года Столыпин, казалось, понял, что Россия должна была создать класс мелких землевладельцев. Помощь надо оказывать отдельным лицам, а не сельским общинам [Государственный архив ...].

26 апреля 1906 года Столыпин стал министром внутренних дел, и его авторитарная политика подверглась дальнейшему испытанию. Интересна столыпинская трактовка еврейского вопроса. Евреи славятся

ведением бизнеса. Идея погони за богатством, которую они отстаивают, несовместима с моралью, в которую верит Россия. Несбалансированное экономическое развитие заставляет консервативных россиян думать, что виноваты евреи. Результатом стала Кишиневская резня 1903 года и кампания еврейских расправ 1905-1906 гг. Антисемитизм возник в среде черносотенцев и влиял на правительственных чиновников. В мае 1906 года Дума подала запрос министру внутренних дел о полицейском участии в печатании антисемитских листовок и использовании черносотенцев для подавления беспорядков. Столыпин первым признал причастность некоторых офицеров полиции к антисемитской деятельности, но считал, что это был их личный поступок, а не позиция правительства [Столыпин, 1991]. Столыпин был категорически против внесения личных взглядов в политику правительства и считал обязанностью правительства соблюдать тишину и закон, охранять свободу труда и жизни [Столыпин, 1991].

Приступив к председательству в Совете министров 8 июля 1906 г., Столыпин систематически выражал свои авторитарные политические взгляды. Он заявил, что в основе всех правительственных законопроектов, вносимых в Государственную Думу министерствами, теперь лежит общая руководящая мысль, состоящая в том, что «наше отчество, преобразуемое по воле

монарха, должно превратиться в правое государство, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских поданных, права эти и обязательности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены» [Столыпин, 1991, с. 51]. Причина, по которой реформы опирались на царя, а не на народ, по мнению Столыпина, заключалась не только в том, что царь пришел из православной веры, но и в том, что он дорожил законодательным порядком и восстановленным народным представительством. Таким образом, Столыпин начал эксперимент, который побуждал царя и Государственную Думу двигаться к законности.

Установление авторитарной политики

Российская монархия и Государственная Дума оказались втянутыми в ожесточенные споры с момента создания последней: либералы и революционеры выступали за их полное равноправие без условий, а Николай II не считал, что Россия достигла уровня установления полного равноправия, поэтому настаивал на сохранении самодержавия. Таким образом, в России возник дуалистический режим. Из-за взаимного недоверия между властью и обществом дуалистический режим оказался втянутым в борьбу за власть. Либералы и революционеры стремились добиться уступок от

правительства, требовали политической амнистии и отмены смертной казни, в то время как правительство распустило Государственную Думу из-за ее непримиримости. Столыпин настаивал на том, чтобы власть и общество искали пути сотрудничества в рамках дарованной монархом представительной системы, в сотрудничестве он искал рациональность режима, проводя авторитарную политику.

Авторитарная политика не отрицает свободы, но должна поддерживать правительство, поэтому Столыпин продолжал искать либеральную поддержку в вопросе формирования кабинета. Столыпин сначала пригласил консервативных представителей либералов, таких как Д. Н. Шипов, князь Г. Е. Львов, чтобы либералы вошли в кабинет для реализации реформы либерализации на основе правительственной программы. Шипов и Львов решительно выступали против приоритетных для правительства реформ, утверждая, что все законодательные вопросы не могли быть решены в обход законодательного органа. Для смягчения конфликта Шипов и Львов совместно написали письмо Столыпину, в котором выразили готовность сотрудничать с правительством, однако, правительство должно открыто идти на уступки либералам и проводить социальные реформы, включить в кабинет министров не менее семи либеральных деятелей, вносить в Государственную Думу важные реформа-

торские вопросы, касавшиеся амнистии и смертной казни, отмены чрезвычайного положения, расширения сферы крестьянского землепользования, принудительной конфискации частных земель и др. [Маклаков, 2006]. Обе стороны в конечном итоге не пришли к соглашению из-за разногласий по поводу того, кто должен иметь преимущество: правительство или Государственная Дума. Далее Столыпин вел также переговоры с графом П. А. Гейденом, М. А. Стаховичем, А. И. Гучковым и Н. Н. Львовым, результат был одинаков. Хотя столыпинские переговоры провалились, либералы раскололись: Шипов, Стахович, Гейден и Львов вышли из партии кадетов и образовали партию мира и прогресса. Стахович и Гучков поддерживали сотрудничество с правительством.

Хотя переговоры с либералами не увенчались успехом, Столыпин выдвинул ряд предложений по реформам и начал сложные политические операции. Правительство предложило следующие законопроекты: «О свободе вероисповедания», «О неприкосновенности личности и о гражданском равноправии», «Об улучшении крестьянского земледелия», «Об улучшении быта рабочих и в частности, о государственном их страховании», «О реформе местного самоуправления», «О введении земского самоуправления в Прибалтийском крае, а также в Северо-и Юго-западном крае», «О преобразовании местных судов», «О реформе сред-

ней и высшей школы», «О подоходном налоге», «О полицейской реформе», «О мерах исключительной охраны государственного порядка и общественного спокойствия» и др. [Федоров, 2002, с. 191].

Однако, процесс превращения законопроектов в законы шел очень медленно, вопреки ожиданиям Столыпина. Например, законопроект «Об уравнивании прав крестьян с остальными сословиями России», предложенный 5 октября 1906 г., был внесен в Государственную Думу 10 февраля 1907 г. без рассмотрения. 22 ноября 1907 г. законопроект был повторно внесен в III Государственную Думу для рассмотрения комитетом по распространению законодательных предложений. 25 января 1913 года законопроект был внесен в IV Государственную Думу. 29 апреля 1913 года законопроект был внесен в комиссию по судебной реформе, и его рассмотрение было отложено на три года, прежде чем он был обсужден и принят Государственной Думой 16 мая 1916 года. Законопроект, наконец, попал в Государственный Совет 20 июня 1916 года и не обсуждался до падения режима в феврале 1917 года [Пожигаило, 2007]. Подобных ситуаций было предостаточно и Столыпин сокрушался по этому поводу.

Политика Столыпина столкнулась с большими трудностями, главным образом, из-за идейного настроения людей. Это шло сначала от правых. Чтобы предотвратить пере-

ход большего числа евреев на сторону революционеров, Столыпин решил снять некоторые ограничения в отношении евреев. В законопроекте «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», Столыпин указывал: «Права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать права других исповеданий и вероучений» [Столыпин, 1991, с. 53]. Губернатор Могилева, анализируя причины еврейских погромов и отражая настроения правых, заявил: «Я был губернатором Могилева 25 лет, когда евреи были благонадежны, не участвовали ни в каких политических движениях, и тогда не было помину о погромах. Погромы, бывшие в 80-х годах XIX века, совсем другого характера; они явились результатом еврейского гнета, под которым находилось христианское население; но теперь совсем другое. Евреи стали руководителями, зачинщиками во всех антиправительственных движениях. Правда, среди них были люди других вероисповеданий, но именно евреи стали зачинщиками, а люди других вероисповеданий – пособниками» [Платонов, 2005, с. 92-93].

Во избежание обострения противоречий Столыпин обсудил в кабинете снятие антиеврейских ограничений: на участие евреев в производстве, на передвижение евреев, на еврейское участие в производстве и продаже алкогольной про-

дукции, на участие в добыче полезных ископаемых, на владение арендованной недвижимостью, на снятие напоминаний о еврейских верованиях и др. Но когда Столыпин представил законопроект на утверждение царю в начале декабря 1906 года, проект был отклонен. В своем письме Столыпину царь объяснял: «Задолго до представления его мне, могу сказать, и денно и ночью, я мыслил и раздумывал о нем. Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда не обманывала меня» [Столыпин, 1991, с. 22].

Затем последовали нападки от революционеров. Обнародование «Манифеста 17 октября» дало радикальной партии эсеров намерение отказаться от своей террористической тактики, однако, оно еще более укрепилось после I съезда партии эсеров (29 декабря 1905 г. – 4 января 1906 г.), с целью способствовать крестьянской революции через террор. «С января по июнь 1906 г. партия эсеров совершила в общей сложности 31 убийство, доведя террористическую деятельность до апогея» [Леонов, 1997, с. 272]. Столыпин считал влияние партии эсеров среди крестьян недостатком российского режима. Он вел диалог с крестьянами, с одной стороны, а с другой – проводил политику решительных репрессий

против партии эсеров, даже согласился устроить военно-полевой суд после взрыва 12 августа, чтобы восстановить общественный порядок. Столыпин не только быстро и жестко расправлялся с террористами, но и часто использовал полицейских агентов, что привело к быстрому уничтожению террора. Отношения между партией социалистов-революционеров и правительством упали до точки замерзания.

Кризис авторитарной политики

Третьеиюньская система ознаменовала откат революции, но она не положила конец думской монархии. Консерваторы были готовы сотрудничать с правительством, чтобы достичь цели просвещения общества, что отразилось в земельной реформе и реформе местного самоуправления, которые способствовали самостоятельности и освобождению крестьян. Но реформа коснулась привилегий дворянства и коллективизма сельской общины.

Земельный вопрос был попыткой Столыпина заложить основы авторитарного политического общества, вызвавшей бурную реакцию дворян и крестьян. Он считал, что уравнительный раздел земли между крестьянами был своего рода болезнью и способом выдолбления плоти, чтобы залечить язвы. Чтобы полностью решить эту проблему, необходимо ввести крестьянам питательный раствор [Столыпин, 1991]. Конкретные шаги заключались в том, чтобы разрешить

дворянам продавать свою землю крестьянам через Крестьянский банк, создать класс мелких землевладельцев и позволить зависимым крестьянам постепенно стать независимыми.

Дворяне и революционеры по-разному отреагировали на притязания Столыпина на земельную реформу. В первое время, когда дворянское объединенное общество обсуждало земельный вопрос, консерваторы больше говорили о преступлениях крестьян, некоторые соглашались со столыпинским земельным проектом ради сохранения за собой второй половины своих имений [Объединенное дворянство ... , 2001]. Советский ученый А. М. Анфимов пришел к следующему выводу: «В представлении Столыпина, крестьян от борьбы за землю можно было отвлечь поощрением междоусобных распрей внутри самого крестьянства на почве дележа общинных земель» [Анфимов, 2002, с. 237]. По мнению либерала В. А. Маклакова, Столыпин представлял ту политику, которую принято называть «левой политикой правым руками» [Маклаков, 2006, с. 18], то есть это революция, совершаемая путем реформ.

Во-первых, начался процесс мирной передачи земель крестьянам. Всего с 1906 по 1912 г. дворяне продали 14,5 млн десятин земли, то есть более четверти дворянских земель. Из числа купивших землю, проданную через крестьянские банки, к 1910 г. безземельные

крестьяне приобрели 27,9 % земли, малоземельные крестьяне (менее 6 дес.) купили 52,7 %, что в сумме составило 80,6% [Тюкавкин, 2001]. Хотя дворянская система землевладения и система землевладения в сельских общинах полностью не изменились, начался процесс передачи земли крестьянам.

Во-вторых, 90 % земель, проданных через крестьянские банки, использовалось самостоятельными землевладельцами, что создало конкурентную ситуацию. По статистике, с помощью правительства зажиточные крестьяне имели возможность покупать землю ниже рыночной цены (средняя банковская цена – 112 руб., средняя рыночная цена – 145 руб.), что земельный надел бедняка мог достигнуть 6-7 десятин [Анфимов, 2002]. Хотя А. М. Анфимов говорил, что крупное дворянство наживалось на продаже земли, и их число от этого не уменьшалось, крестьяне имели возможность стать землевладельцами.

В-третьих, уничтожение сельской общины Столыпиным подверглась жесткой критике. В глазах революционеров столыпинская аграрная реформа была неудачной, потому что из вышедших из общины крестьян лишь 10 % стали зажиточными [Дубровский, 1963]. По мнению конституционалистов, «... принуждение крестьян к выходу из общины внесло хаос в сельскую общину и семью, появилась антипатии между отцом и сыном; ибо коллективная собственность –

нерушимый строй собственности» [Правда Столыпина, 1999, с. 165]. Столыпинские реформы серьезно поколебали представления людей о коллективной привязанности.

Учитывая вышеперечисленные три аспекта, земельная реформа Столыпина не только решала проблему малоземелья, но и заставляла крестьян больше заботиться о собственных интересах и становиться самостоятельными юридическими лицами, что вело к серьезным социальным переменам.

Столыпин инициировал реформы местного самоуправления для укрепления социальной основы авторитарной политики, что привело к кризису доверия к Столыпину со стороны дворянских консерваторов. Когда Столыпин решил заменить уездного предводителя дворянства начальником уезда из соображений усиления государственного управления, дворянство и власть полностью разделились. Дворяне считали, что столыпинские реформы игнорируют органическую связь между различными ведомствами на уровне уезда и между исполнительной властью и органами местного самоуправления настолько, насколько предводители дворянства играли роль связующего звена между правительством и местными органами самоуправления, чтобы беззаветно служить интересам царя и крестьянства [Объединенное дворянство, 2001]. В конце концов дворянство отвергло инициативы Столыпина на том основании, что

реформа местного самоуправления разрушила старую систему и усиливала бюрократию. Реформа местного самоуправления закончилась неудачей, и дворяне-консерваторы также встали на путь противостояния Столыпину с помощью царя.

Чтобы завершить задачу реформирования России, Столыпин инициировал преобразование по самоуправлению на Западе страны, спровоцировав полномасштабный кризис авторитарной политики. Советский историк А. Я. Аврех отмечал: «“Великая Россия” является не просто красивым, но и программным лозунгом, которому он придавал такое же ключевое значение, как и своему аграрному курсу. Именно на этих двух “китах” он и намеревался построить “новую” Россию, “Россию для русских”» [Аврех, 1991, с. 130]. Аврех назвал Столыпина великорусистом, спровоцировавшим конфликт с другими нерусскими народами.

В целях обеспечения равного положения русских и поляков Столыпин предлагал меры явно националистического характера в пользу русских. Во-первых, превратить сословные округа в этнические и усилить долю русских; во-вторых, ликвидировать самоуправление Северо-Западного округа, где русские не преобладали; в-третьих, вдвое снизить имущественный ценз на выборах; в-четвертых, увеличить представительство православных, то есть не менее 3 членов в уездном

земстве и не менее 4 членов в губернском земстве; в-пятых, председатель бюро земства должен быть русским, а в его составе русские должны составлять не менее 50 % [Столыпин, 1991]. В каждой губернии в состав выбранных представителей Госсовета предлагалось 2 русских и 1 поляк, что сильно ослабляло статус поляков в Госсовете.

Столыпинское авторитарное принуждение вызвало острые споры, а авторитарная политика переживала кризис. В. Ф. Трепов, член Государственного Совета и доверенное лицо Николая II, говорил, что правительство в первой Государственной Думе пыталось опереться на крестьян для получения социальной поддержки, и в результате первая Государственная Дума стала радикальной, такие же ошибки были допущены в вопросе о земском самоуправлении на Западе [Аврех, 1991]. Хотя благодаря усилиям Столыпина Закон о западном местном земстве с трудом был принят в Государственной Думе, но был сорван в Государственном совете из-за противодействия консерваторов, таких как В. Ф. Трепов и П. Н. Дурново. Столыпин под угрозой своей отставки подтолкнул царя к обнародованию его в виде указа, и проект о местном земстве Запада был реализован. Столыпинская авторитарная политика достигла своего апогея. Однако из-за внутреннего противоречия между поляками и русскими Русская православная церковь не смогла разрешить кон-

фликт между прихожанами. Столыпинская авторитарная политика была дискредитирована в глазах царя Николая II, он отдалился от Столыпина, Столыпин также полностью лишился поддержки октябристов и правых. Столыпинские реформы западного местного земства ознаменовали собой полный провал авторитарной политики.

Авторитарная политика Столыпина не была направлена на то, чтобы спровоцировать классовые и этнические конфликты, но, как заметил националист В. В. Шульгин, комментируя еврейскую политику Столыпина: «У Столыпина была двуединая система: в одной руке – пулемет, в другой – плуг... Он отпугивал осмелевших коршунов, но мерами органического характера он стремился настолько усилить русское национальное тело, чтобы оно своей слабостью не вводило во искушение шакалов» [Правда Столыпина, 1999, с. 154]. Замысел Столыпина убить двух зайцев одним камнем требовал крепкого доверия, а такого доверия в России просто

не было, Столыпин превратился в нелюбимого «антихриста» и стал объектом взаимного отвращения как у революционеров, так и у консерваторов.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что Столыпин был государственным деятелем, выросшим в революционной среде, с одной стороны, признававшим историческое наследие русского самодержавия, а с другой – проводившим экономические и социальные реформы через самодержавный режим, установившим связь между политикой и обществом, и устранившим революционный кризис. Столыпинские опыты в экономике и автономном самоуправлении могли стать основой модернизации России, однако, из-за отсутствия элементарного доверия между властью и обществом столыпинские реформы не только не способствовали успехам России, наоборот, усугубили приход революции.

Библиографический список

1. Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. Москва : Политиздат, 1991. 285 с.
2. Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума / АН СССР. Ин-т истории. Москва : Наука, 1968. 520 с.
3. Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. Москва : Ин-т рос. истории РАН, 2002. 299 с.
4. Бродский Н. Л. ... Ранние славянофилы: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / Сост. Н. Л. Бродский. Москва: т-во И. Д. Сытина, 1910. 206 с.
5. Государственный архив Саратовской области. Ф.1. Оп.1. Д.6517. Л.24.
6. Государственный архив Саратовской области. Ф.23. Оп.1. Д. 3379. Л.11-13.

7. Гохлернер В. М. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905-1907 гг.) // Ученые записки. Т. 55: Выпуск исторический, посвященный 50-летию первой русской революции. Саратов : Наука, 1956. С.219-245.
8. Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сел. хозяйства и крестьянства России в начале XX в. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 599 с.
9. Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. Москва : Росспэн, 1997. 511 с.
10. Маклаков В. А. Вторая Государственная дума: воспоминания современника, 20 февр. – 2 июня 1907 г. Москва : Центрполиграф, 2006. 333 с.
11. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспектив. Москва : Росспэн, 1998. 654С.
12. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ: В 3 т. / Ассоц. "Рос. полит. энцикл." и др.; Сост., авт. предисл., введ. и коммент. А. П. Корелин. Т.1. Москва : РОССПЭН, 2001. 926 с.
13. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. 576 с.
14. Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия / Фонд изучения наследия П. А. Столыпина, Ин-т общественной мысли ; редкол.: П. А. Пожигайло (общ. ред.), Шелохаев В. В. (отв. ред.) и др. Москва : РОССПЭН, 2011. 735 с.
15. Платонов О. А. Мифы и правда о погромах. Москва : ЯУЗА, 2005. 350 с.
16. Пожигайло П. А. Столыпинская программа преобразования России, 1906 – 1911: монография. Москва : РОССПЭН, 2007. 237 с.
17. Правда Столыпина: Альманах / Сост. Г. Сидоровнин. Саратов : Соотечественник, 1999. 320 с.
18. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия...: Полное собр. речей в Гос. думе и Гос. совете, 1906-1911 / Петр Аркадьевич Столыпин; [Авт. предисл. К. Ф. Шацилло, А. Столыпин]. Москва : Молодая гвардия, 1991. 410 с.
19. Столыпин П. А. Переписка / под общ. ред. П. А. Пожигайло; Фонд изучения наследия П. А. Столыпина, Федеральное арх. агентство, Российский гос. ист. арх. Москва : РОССПЭН, 2007. 702 с.
20. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформ. Москва : Памятники исторической мысли, 2001. 302 с.
21. Фёдоров Б. Г. Петр Аркадьевич Столыпин. Биография П. А. Столыпина. Москва : Изд-во Гареева, 2003. 656 с.
22. Фёдоров Б. Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: Биогр. П. А. Столыпина: в 2 т. Т.1. Санкт-Петербург : Лимбус пресс, 2002. 271 с.

Reference list

1. Avreh A.Ja. P. A. Stolypin i sud'by reform v Rossii = P. A. Stolypin and the fate of reforms in Russia. Moskva : Politizdat, 1991. 285 s.
2. Avreh A. Ja. Stolypin i Tret'ja Duma = Stolypin and the Third Duma / AN SSSR. In-t istorii. Moskva : Nauka, 1968. 520 s.

3. Anfimov A.M. P.A. Stolypin i rossijskoe krest'janstvo = P. A. Stolypin and the Russian peasantry. Moskva : In-t ros. istorii RAN, 2002. 299 s.
4. Brodskij N. L. Rannie slavjanofily: A.S. Homjakov, I.V. Kireevskij, K.S. i I.S. Aksakovy = Early Slavophiles: A.S. Khomyakov, I.V. Kireevsky, K.S. and I.S. Aksakov / Sost. N.L. Brodskij. Moskva: t-vo I.D. Sytina, 1910. 206 s.
5. Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti. F.1. Op.1. D.6517. L.24 = State Archive of the Saratov Region. F.1. Op.1. D.6517. L.24.
6. Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti. F.23. Op.1. D. 3379. L.11-13 = State Archive of the Saratov Region. F.23. Op.1. D. 3379. L.11-13.
7. Gohlerner V.M. Iz istorii krest'janskogo dvizhenija v Saratovskoj gubernii v gody pervoj ruskoj revoljucii (1905-1907 gg.) = From the history of the peasant movement in the Saratov province during the first Russian revolution (1905-1907) // Uchenye zapiski. T. 55: Vypusk istoricheskij, posvjashhennyj 50-letiju pervoj ruskoj revoljucii. Saratov : Nauka, 1956. S.219-245.
8. Dubrovskij S.M. Stolypinskaja zemel'naja reforma: Iz istorii sel. hozjajstva i krest'janstva Rossii v nachale XX v. = Stolypin land reform: From the history of agriculture and peasantry of Russia at the beginning of the XX century. Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. 599 s.
9. Leonov M.I. Partija socialistov-revoljucionerov v 1905-1907 gg. = Party of socialist revolutionaries in 1905-1907. Moskva : Rossipen, 1997. 511 s.
10. Maklakov V.A. Vtoraja Gosudarstvennaja дума: vospominanija sovremennika, 20 febr. - 2 ijunja 1907 g. = Second State Duma: memoirs of a contemporary, February 20. - June 2, 1907. Moskva : Centrpoligraf, 2006. 333 s.
11. Medushevskij A.N. Demokratsija i avtoritarizm: rossijskij konstitucionalizm v sravnitel'noj perspektiv = Democracy and authoritarianism: Russian constitutionalism in a comparative perspective. Moskva : Rossipen, 1998. 654S.
12. Ob#edinennoe dvorjanstvo. S#ezdy upolnomochennyh gubernskih dvorjanskij obshhestv = United nobility. Congresses of authorized provincial noble societies: V 3 t. / Assoc. "Ros. polit. jencikl." i dr.; Sost., avt. predisl., vved. i komment. A.P. Korelin. T.1. Moskva : ROSSPJeN, 2001. 926 s.
13. Ol'denburg S. S. Carstvovanie imperatora Nikolaja II = Reign of Emperor Nicholas II. Rostov-na-Donu : Feniks, 1998. 576 s.
14. Petr Arkad'evich Stolypin = Piotr Arkadievich Stolypin: jenciklopedija / Fond izuchenija nasledija P. A. Stolypina, In-t obshhestvennoj mysli ; redkol.: P. A. Pozhigajlo (obshh. red.), Shelohaev V. V. (otv. red.) i dr. Moskva : ROSSPJeN, 2011. 735 s.
15. Platonov O.A. Mify i pravda o pogromah = Myths and truth about pogroms Moskva : JaUZA, 2005. 350 s..
16. Pozhigajlo P.A. Stolypinskaja programma preobrazovanija Rossii, 1906 - 1911 = Stolypin transformation program of Russia, 1906-1911 : monografija. Moskva : ROSSPJeN, 2007. 237 s.
17. Pravda Stolypina = True Stolypin: Al'manah / Sost. G. Sidorovnin. Saratov : Sootchestvennik, 1999. 320 s.
18. Stolypin P.A. Nam nuzhna velikaja Rossija = We need Great Russia....: Polnoe sobr. rechej v Gos. dume i Gos. sovete, 1906-1911 / Petr Arkad'evich Stolypin; [Avt. predisl. K. F. Shacillo, A. Stolypin]. Moskva : Molodaja gvardija, 1991. 410 s.

19. Stolypin P.A. Perepiska = P. A. Stolypin Correspondence / pod obshh. red. P. A. Pozhigajlo; Fond izuchenija nasledija P. A. Stolypina, Federal'noe arh. agentstvo, Rossijskij gos. ist. arh. Moskva : ROSSPJeN, 2007. 702 s.

20. Tjukavkin V. G. Velikorusskoe krest'janstvo i Stolypinskaja agrarnaja reform = Great Russian peasantry and Stolypin agrarian reforms. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2001. 302 s.

21. Fjodorov B. G. Petr Arkad'evich Stolypin. Biografija P. A. Stolypina = Piotr Arkadievich Stolypin. Biography of P.A. Stolypin. Moskva : Izd-vo Gareeva, 2003. 656 s.

22. Fjodorov B. G. Petr Stolypin: «Ja verju v Rossiju»: Biogr. P. A. Stolypina = Piotr Stolypin: “I believe in Russia”: Biography of P. A. Stolypin: v 2 t. T.1. Sankt-Peterburg : Limbus press, 2002. 271 s.

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 04.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 13.01.2023; approved after reviewing 04.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023

Научная статья
УДК 939.85
DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_90
EDN: ETUANK

Социальные аспекты внутренних займов индустриализации второй половины 1920-х годов: по материалам Ярославской губернии

Геннадий Николаевич Кочешков

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
kocheshg@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2630-6668>

Аннотация. В течение длительного периода времени советские и российские историки уделяли значительное внимание вопросам, связанным со строительством новой социалистической экономики, созданием современной по тому времени материально-технической базы. В то же время проблема социальных аспектов финансирования социалистической индустрии оставалась в стороне. Крайне мало работ посвящено данной теме. Статья посвящена актуальной проблеме, связанной с некоторыми социальными аспектами инвестирования социалистической индустриализации. Одним из важных источников накопления капитала являлся внутренний государственный заем, позволивший властям частично закрыть дефицит государственного бюджета. Особое внимание уделяется анализу агитационно-пропагандистской деятельности местных властей по распространению государственных облигаций среди населения. В статье на основании анализа архивных документов, газетных публикаций показан процесс приобщения различных слоев населения советского общества к приобретению ценных бумаг. Автор приводит примеры откликов рабочих, служащих на призыв местных партийных и советских руководителей оказать помощь стране в финансировании социалистической индустриализации. В статье отмечается, что при распространении первого займа индустриализации были допущены серьезные ошибки, главной из которых является нарушение принципа добровольности, что приводило к недовольству местного населения. При распространении второго займа эти ошибки были учтены. Тем не менее, как отмечается в публикации, население не очень охотно приобретало государственные ценные бумаги. Одной из серьезных проблем при распространении облигаций являлось неверие отдельных слоев населения в возможности получения выгоды при их выкупе. В ходе исследования выявлены и проанализированы факты пассивности крестьян, не желавших приобретать государственные ценные бумаги. Зафиксированы неоднократные случаи принуждения населения к покупке облигаций.

Ключевые слова: индустриализация; сбережения; заем; агитационно-пропагандистская деятельность; добровольность; принуждение; Ярославская губерния; пассивность крестьян

Для цитирования: Кочешков Г. Н. Социальные аспекты внутренних займов индустриализации второй половины 1920-х годов: по материалам Ярославской губернии // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 90-103. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_90. <https://elibrary.ru/ETUANK>.

Original article

Social aspects of internal loans of industrialization in the second half of the 1920s: based on the Yaroslavl province materials

Gennady N. Kocheshkov

Doctor of historical sciences, professor, head of department of national history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
kocheshg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2630-6668>

Abstract. For a long period of time, Soviet and Russian historians paid considerable attention to issues related to the construction of a new socialist economy, the creation of a modern material and technical base at that time. At the same time, the problem of the social aspects of financing the socialist industry remained on the sidelines. Very few works are devoted to this topic. The article deals with an urgent issue related to some social aspects of investing socialist industrialization. One of the important sources of capital accumulation was an internal state loan, which allowed the authorities to partially close the state budget deficit. Particular attention is paid to the analysis of the propaganda activities of local authorities to distribute government bonds to the population. The article, based on the analysis of archival documents and newspaper publications, shows the process of introducing various segments of the population of Soviet society to get securities. The author gives examples of the responses of workers serving on the call of local party and Soviet leaders to assist the country in financing socialist industrialization. The article notes that serious mistakes were made in the distribution of the first loan of industrialization, the main of which is a violation of the principle of volunteerism, which led to discontent among the local population. When distributing the second loan, these errors were taken into account. Nevertheless, as noted in the publication, the population was not very willing to purchase state securities. One of the serious problems in the distribution of bonds was the disbelief of individual strata of the population in the possibility of obtaining benefits in case of redemption. The study revealed and analyzed the facts of passivity of peasants who did not want to purchase state securities. Repeated cases of coercion of the population to buy bonds were recorded.

Keywords: industrialization; savings; loan; agitation and propaganda activities; voluntary; coercion; Yaroslavl province; passivity of peasants

For citation: Kocheshkov G. N. Social aspects of internal loans of industrialization in the second half of the 1920s: based on the Yaroslavl province materials. *Social and*

Введение

В течение длительного периода времени социально-политические процессы, протекавшие в советском обществе, привлекали внимание исследователей. Одной из важных проблем, имевших как теоретическое, так и практическое значение, являлась проблема социальных аспектов социалистической индустриализации. Труды ученых существенно продвинули наши представления о 20-х годах XX в., об эпохе грандиозных строек и свершений. Многие годы российские исследователи занимались изучением общих, глобальных вопросов экономики СССР в указанный период, уделяя крайне мало внимания отдельным аспектам этой важной темы. Между тем отсутствие серьезных работ с всесторонней социально-экономической и политической характеристикой российского общества эпохи индустриализации негативно сказывается на разрешении ряда важных историко-экономических проблем, не позволяет историкам воссоздать цельную картину тех изменений, которые происходили в обществе в постоктябрьский период.

Из всего круга вопросов, связанных с эпохой социалистического строительства, немаловажное значение имеет проблема финансирования индустриальных объектов. В последние годы появился ряд интересных трудов по этой проблемати-

ке [Агеева, 2021; Войсков, 2014; Кочешков, 2022; Муравьева, 2021; Семова, 2019], однако нельзя сказать, что данная тема раскрыта в полной мере. *Цель данной статьи* – исследовать вопросы, связанные с социальными аспектами инвестирования промышленных предприятий на региональном уровне.

Результаты исследования

Во второй половине 20-х гг. XX в. после окончания восстановительного периода перед новым, большевистским правительством встала трудная по выполнению, но крайне значимая для перспектив дальнейшего развития страны задача индустриального, расширенного воспроизводства на передовой технологической основе. Без инвестиций решить ее было невозможно. При этом большевики понимали, что источники накопления капитала крайне ограничены, а рассчитывать на внешние займы – нереально и недостижимо. Не случайно в резолюции, принятой на XIV съезде ВКП(б) (3 ноября 1926 г.) были определены основные каналы накопления средств для индустриализации: «Тема расширения основного капитала будет зависеть: а) от размеров накопления обобществленной промышленности; б) использования через государственный бюджет доходов других отраслей народного хозяйства; в) использо-

вания сбережений населения путем вовлечения их в кооперацию, в сберегательные кассы, внутренние государственные займы, кредитную систему и т. п.» [Коммунистическая партия ... , 1954, с. 298-299].

В руководстве большевистской партии не было единого мнения по вопросу поиска оптимального и эффективного механизма привлечения внутренних денежных ресурсов для проведения ускоренной индустриализации. Условно можно выделить две диаметрально противоположные, точки зрения на данную проблему – сталинскую и бухаринскую. Сталин неоднократно высказывался по проблеме индустриализации. Наиболее емко его позиция была озвучена в докладе активу ленинградской партийной организации о работе пленума ЦК ВКП(б) (13 апреля 1926 г.) «О хозяйственном положении Советского Союза и полемике в партии». Особое внимание докладчик уделил вопросу социалистического накопления: «... для того, чтобы обновить нашу промышленность на основе новой техники, для этого требуются... большие и очень большие капиталы. А капиталов у нас мало, как это всем вам известно... Нам нужно расширять нашу индустрию возможно быстрым темпом, увеличивать количество рабочих вдвое, втрое. Нам нужно превратить нашу страну из страны аграрной в страну индустриальную, чем скорее – тем лучше. Но для этого требуются большие капиталы. Поэтому вопрос

о накоплении для развития промышленности, вопрос о социалистическом накоплении приобретает теперь для нас непосредственное значение» [Сталин, 1948, с. 132]. Сталин ставит риторический вопрос: «Можем ли мы, в состоянии ли мы, будучи предоставлены себе самим, без займов извне, на основе внутренних сил нашей страны обеспечить для нашей индустрии такое накопление и такие резервы, которые необходимы для проведения курса на индустриализацию, для победы социалистического строительства в нашей стране? Это вопрос серьезный, на который следует обратить особое внимание» [Сталин, 1948, с. 124]. Ставя вопрос о том, есть ли у нас источники накопления, он не только дает утвердительный ответ, но и подробно перечисляет их: «Экспроприация помещиков и капиталистов..., уничтожение частной собственности на землю, фабрики, заводы..., аннулирование царских долгов..., национализированная промышленность..., которая дает некоторые прибыли..., национализированная внешняя торговля, дающая некоторую прибыль..., внутренняя торговля, тоже дающая известную прибыль..., национализированная банковская система..., государственная власть, которая распоряжается государственным бюджетом» [Сталин, 1948, с. 140]. При этом Сталин не ограничивается теми каналами пополнения государственного бюджета, хорошо из-

вестными теоретикам и практикам социалистического строительства, но и предлагает новые источники накопления капитала, среди которых особое место занимают внутренние государственные займы.

Концепции форсированного строительства социализма в СССР в условиях капиталистической изоляции противостояла бухаринская альтернатива. 30 сентября 1928 г. в газете «Правда» появилась статья «Заметки экономиста», в которой автор высказал свою позицию по проблеме социалистического накопления капитала. Бухарин – сторонник «равновесия», «баланса» различных секторов экономики.

Он был твердо убежден в том, что только увеличение платежеспособности населения будет способствовать экономическому процветанию страны. Спрос рождает предложение – это классический закон рынка, и Бухарин вольно или невольно поддерживает это важнейшее теоретическое положение рыночной стратегии: «Нельзя... исходить из одностороннего интереса накопления в данный отрезок времени... или исходить из одностороннего интереса потребления» [Бухарин, 1988, с. 484]. Чтобы сохранить высокие темпы индустриализации, по мнению Бухарина, необходимо реализовать следующие меры: «1) смягчить товарный голод, 2) сдвинуть вперед дело с резервами, 3) обеспечить более бескризисное развитие..., большую производительность всех наших

производственных единиц..., более экономно расходовать материалы..., снижать себестоимость продукции..., развитие и применение науки» [Бухарин, 1988, с. 486]. Таким образом, если сталинская концепция форсированной индустриализации основывалась на экстенсивных формах экономического развития, то бухаринская – на интенсивных источниках. Практика социалистического строительства убедила многих руководителей партии в необходимости использовать именно насильственный путь индустриализации.

В декабре 1925 г. состоялся XIV съезд ВКП(б), провозгласивший курс на социалистическую индустриализацию. Апрельский пленум ЦК КПСС (апрель 1926 г.) обсуждал проблему накопления денежных средств, необходимых для промышленного развития. Резолюция, принятая на партийном форуме, дала определенный ответ на вопрос об источниках накопления капитала: «Экспроприация непродизводительных классов (буржуазия и дворянство), аннулирование долгов, сосредоточение доходов от промышленности, госторговли (внутренней и внешней) и всей кредитной системы в руках государства и т. п. – сами по себе дают возможность такого накопления внутри страны, которое обеспечивает необходимый для социалистического строительства темп развития индустриализации» [Коммунистическая партия ... , 1954, с. 343].

Апрельский пленум выдавал желаемое за действительное: доходов от промышленности было крайне мало. После завершения восстановительного периода рост промышленности практически остановился, что было связано и с крайне отсталой технической оснащённостью заводов и фабрик, и с недостатком финансов, и с отсутствием квалифицированных кадров. Задача, поставленная партийным руководством перед советским народом, была чрезвычайно напряжённая: «Необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок начать, а затем и превзойти уровень индустриального развития капиталистических стран» [Коммунистическая партия ... , 1954, с. 365].

Советская партийная литература объясняла (словами Сталина) необходимость быстрого создания мощной индустрии с целью обеспечения экономической независимости СССР: «Не всякое развитие промышленности представляет собой индустриализацию. Центр индустриализации, основа ее состоит в развитии тяжелой промышленности (топливо, металл и т. п.) в развитии, в конце концов производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения... Не может страна диктатуры пролетариата, находящаяся в капиталистическом окружении, остаться хозяйственно самостоятельной, если она сама не производит у себя

дома орудий и средств производства» [Сталин, 1948, с. 120-121].

Всего на строительство промышленных объектов в 1926-1927 гг. был выделен 1 млрд рублей (из госбюджета и собственных средств промышленных предприятий). Сумма немалая, однако, в развитии капитального строительства были серьезные проблемы, связанные с нехваткой стройматериалов, бесхозяйственностью, расточительством денежных средств. Не менее сложной была задача реорганизации кредитно-финансовой системы, которая планировала обеспечить промышленность достаточными капиталами. 15 июня 1927 г. было принято постановление ЦИК и СНК «О принципах построения кредитной системы», согласно которому все финансовые учреждения были поставлены под контроль Госбанка СССР.

Центральное место в проблеме накопления принадлежало мобилизации внутренних резервов самой индустрии. Как отмечалось на XV конференции ВКП(б) (декабрь 1927 г.), «главнейшими условиями в деле увеличения размеров внутри-промышленного накопления являются: решительное сокращение накладных расходов, ускорение оборачиваемости капиталов, всемирная рационализация промышленности, применение в ней новейших достижений техники, увеличение производительности труда и повышение трудовой дисциплины» [Коммунистическая партия ... ,

1954, с. 374]. Задачи, озвученные на партийной конференции, впечатляют; только как их решить в условиях полной внешней изоляции страны, отсталой техники, нехватки грамотных и компетентных специалистов?

Во второй половине 1920-х годов главная задача финансовой политики Советского государства состояла в том, чтобы мобилизовать максимум средств на расширение основных фондов социалистической промышленности.

Изучение роли и места внутренних займов в накоплении средств для развития промышленности помогает осознать ту цену, которую заплатил народ за «экономическое процветание» страны.

Сталин осознавал значимость данной проблемы. Решение вопроса, по мнению Сталина, простое и эффективное: «Необходимо, чтобы излишки накопления в стране не расплылись, а собирались в наших кредитных учреждениях, кооперативных и государственных, а также в порядке внутренних займов, на предмет их использования для нужд всей промышленности... Нельзя сказать, чтобы в этой области дело обстояло у нас сколько-нибудь удовлетворительно. Но задача улучшения нашей кредитной сети, задача организации дела внутренних займов, несомненно, стоит перед нами как очередная задача, и мы ее должны решить во что бы то ни стало» [Сталин, 1948, с. 196].

До выпуска государственных внутренних займов советское руководство проводило большую предварительную работу по созданию емкого рынка государственных фондовых ценностей. В первую очередь, это касалось решения проблемы оздоровления товарно-денежного оборота, восстановления доверия населения к государственному кредиту, сберегательным кассам. Немаловажное значение имело и повышение статуса государственных ценных бумаг, их ликвидность и привлекательность. Безусловно, государство должно было учитывать и фактор добровольности при распространении облигаций.

В 1927 году был выпущен государственный внутренний 6-процентный выигрышный заем индустриализации народного хозяйства СССР со сроком погашения 10 лет. Облигации выпускались номиналом в 5 и 25 рублей. Общая сумма займа – 200 млн руб. [Теребов, 1996]. Для размещения облигаций среди населения проводилась активная разъяснительная работа. В том же году были созданы комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу (комсоды), основной целью которых было «убедить» население в важности данной кампании. Надо сказать, что эффективность деятельности данного пропагандистского аппарата была достаточно высокой. Стоит отметить, что доля поступлений от продажи займов за время существования комсодов

увеличилась в 2,4 раза [Вавилов, 1992].

Денежные суммы от продажи облигаций шли на строительство крупных строек первой пятилетки. В частности, значительная часть доходов, полученных при реализации особой серии облигаций первого займа, шла на строительство Днепрогэса. Вера населения в государственные ценные бумаги, на первых порах, еще была достаточно высокой; к тому же, большую роль сыграла агитационно-пропагандистская кампания, проводившаяся среди трудящихся, добровольность в покупке облигаций. Ситуация изменилась с выпуском второго займа индустриализации 1928 года. Во-первых, значительно увеличилась сумма займа – она составляла уже 550 млн руб. Во-вторых, и это самое главное – увеличился выпуск беспроцентных облигаций за счет сокращения процентных ценных бумаг: «... соответственно 350 млн. руб. против 200 млн. руб.» [Теребов, 1996, с. 31]. В-третьих, фактически был сведен на «нет» принцип добровольности при размещении ценных бумаг среди населения.

Третий заем индустриализации был выпущен в 1929 г. на сумму 950 млн руб., также на срок 10 лет номиналом в 5, 25 и 30 рублей. Тенденция сокращения «процентных» облигаций сохранилась. Усилился нажим государственных органов власти на население. Принцип добровольности уступил место

административному давлению. Поскольку суммы займов постоянно увеличивались, и население не могло ввиду низкой платежеспособности «переварить» такой объем денежных средств, было принято решение продавать облигации в кредит. В результате выпуска трех займов индустриализации значительно выросла сумма государственного долга – «... в 4,5 раза и достигла 1 млрд. 849,7 млн. руб., что превысило годовой бюджет РСФСР» [Вавилов, 1992, с. 50].

В условиях административно-командной экономики проблема снижения государственного долга решалась волонтаристским путем. Это и стремление властей не допустить массового возврата облигаций в сберегательные кассы (так называемое «погашение» ценных бумаг), и снижение процентных ставок, и конверсия внутреннего государственного долга по облигациям, что позволяло государственным органам власти «откладывать» выплаты по займам на более длительный срок. Надо отметить, что до начала Великой Отечественной войны не состоялось ни одного погашения облигаций [Муравьева, 2003].

Рассмотрим, как шел процесс реализации государственных займов на местах на примере Ярославской губернии. 24 сентября 1927 г. в газете «Северный рабочий» было опубликовано сообщение о выпуске первого займа индустриализации: «До 5 ноября текущего года госу-

дарство предполагает разместить все его облигации на общую сумму 200 млн. рублей. Цель займа – собрать свободные средства в стране и бросить их на усиление нового промышленного строительства. В ближайшие недели нам необходимо добиться полного размещения облигаций государственного займа индустриализации. Условия, при которых выпускается этот заем, делают его доступным для подавляющего большинства членов профсоюзов, кустарей и ремесленников. Значительная часть облигаций займа поступает в продажу купюрами 5-ти рублевого достоинства» (*Северный рабочий, 24 сентября 1927 г.*).

Уже на следующий день, 25 сентября, Ярославский губком ВКП(б), губернский исполнительный комитет и губернский совет профсоюзов публикуют призыв «Ко всем партийным, профсоюзным, советским организациям, ко всем рабочим, крестьянам и служащим Ярославской губернии», в котором говорилось, что «успешное и полное распространение этого займа является одной из важнейших политических задач, стоящих перед рабочими и крестьянами нашей страны в данный момент» (*Северный рабочий, 25 сентября 1927 г.*). Была поставлена задача – распространить среди жителей региона заем в размере 1 млн. 700 тыс. рублей (*Северный рабочий, 25 сентября 1927 г.*). Сумма большая, однако, как оказалось, не окончательная: губфинотдел увеличил задание до 1 млн.

900 тыс. рублей [ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2966. Л. 16].

При этом предполагалось распространить большую часть займа среди членов профсоюза – на общую сумму в 1 млн. 575 тыс. рублей [ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2972. Л. 115]. Согласно статистическим данным (январь 1928 г.) план по реализации внутреннего займа среди рабочих не был выполнен: приобретено было облигаций на общую сумму в 948 тыс. 800 руб. [ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2966. Л. 16]. Еще хуже обстояло дело в деревнях и селах: облигации были выкуплены на сумму 211 тыс. 135 руб. [ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2785. Л. 101].

В целом итоги размещения первого займа индустриализации показали невысокий интерес к подписке. От планируемого 1 млн. 900 тыс. рублей было выполнено 65 %; общая сумма составила 1 млн. 246 тыс. 915 рублей (сюда вошли данные о подписке среди кустарей и ремесленников). Лишь три уезда из семи (Ростовский, Пошехонно-Володарский и Угличский) выполнили задание более чем на 100 % [ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 3333. Л. 36-39; Д. 2966. Лл. 8, 16].

Анализируя причины невыполнения заданий по размещению Первого займа в губернии следует отметить, во-первых, недостаточную агитационно-пропагандистскую, разъяснительную работу среди населения; во-вторых, размещение займа по срокам совпало со

сбором сельхозаналога и выпуском Третьего крестьянского займа, что не позволило добиться желаемого результата в деревне; в-третьих, низкие доходы населения; в-четвертых, недоверие людей к такого рода ценным бумагам.

Все эти ошибки были учтены при проведении кампании по размещению Второго займа индустриализации (сумма займа – 500 млн руб.). Перед Ярославской губернией была поставлена задача – распространить среди жителей облигации на сумму 4 млн 100 тыс. рублей (*Ярославская деревня. 12 августа 1928 г.*). С первых дней началась массированная агитационно-пропагандистская кампания: «Наш лозунг – ни одного рабочего, ни одного крестьянина, ни одного кустика и ремесленника не должно быть без облигации займа. Классовый долг каждого члена профсоюза – подписаться на заем не менее, как на сумму месячного заработка» (*Ярославская деревня. 12 августа 1928 г.*).

С 8 августа 1928 г. на предприятиях и в учреждениях стали проводиться собрания, на которых обсуждались вопросы, связанные с организацией подписки на Второй заем: сроки проведения, места подписки, процентные ставки, цели займа. Как правило, собрания проводились в обеденные перерывы [ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2966. Л. 96 об.]. Широко использовались печатная и стенная продукция. Клубы, красные уголки, избы-читальни, Дома крестьянина – все

эти общественно-просветительские учреждения рьяно бросились выполнять важную государственную задачу. В газетах публиковались доморощенные стихи на тему госзайма:

«Чтобы пот не лить ручьем
И не гнуть без толку спину
Подпишемся на заем –
Даст деревне он машину» (*Ярославская деревня. 11 октября 1928 г.*).

Однако, несмотря на широкую агитационно-пропагандистскую кампанию достичь желаемых результатов не удалось. Вновь деревня крайне пассивно реагировала на массированную идеологическую кампанию и основная тяжесть подписки легла на плечи горожан. На переднем фланге находились коммунисты и комсомольцы: по сводкам Ярославского уездного комитета ВКП(б) (22 сентября) видно, что на предприятиях более 90 % идеологического актива было охвачено подпиской [ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 3333. Л. 61]. Газеты пропагандировали примеры передовиков-подписантов. Так, «Северный рабочий» опубликовал письмо бондаря Важнина Д. А. В этом своеобразном письме-отчете рабочий отмечал: «Имея семью в семь человек и заработок в 56 руб. в месяц, приветствую выпускаемый новый заем и подписываюсь на 75 рублей» (*Северный рабочий. 2 августа 1928 г.*). Круговоротчик Андреев, имея заработок в 52 руб., подписался на 150 руб., сотрудник ярославской конторы государственного страхо-

вания К. И. Артамонов с зарплатой в 60 руб. подписался на 200 руб. (*Северный рабочий. 5 августа 1928 г.*). Рабочий фабрики «Северход» Русаков перешеголял всех и приобрел облигаций на 800 руб. (*Северный рабочий. 21 августа 1928 г.*). Широкою известность получили рабочие литейного цеха тормозного завода Кургузиков, Артамонов, Панов и Махлычева, подписавшиеся на суммы 800, 500, 300 и 300 руб. соответственно (*Северный рабочий. 9 августа 1928 г.*). Следует, однако, пояснить, что покупка облигаций на такие суммы производилась в рассрочку.

Если в городах, в целом, кампания шла достаточно успешно, в деревнях ситуация была неоднозначной. Так, по сведениям Пошехоново-Володарского уездного комитета ВКП (б), наряду с общим удовлетворительным отношением крестьян к займу, существовали и открытые выступления «зажиточной» части крестьянства против кампании: «В Володарской волости на деревенском собрании член правления Общества потребителей заявил: “Когда хлеб давать, тогда бедняков зовут, а когда деньги надо, так зовут всех”». В деревне Малафеево этой же волости были зафиксированы такого рода разговоры: «Не дадим ни одной копейки государству до тех пор, пока не будет в деревне всего вдоволь». Настроение в деревне антисоветское, ... один из присутствующих заявил: «Пусть будет какая угодно власть, но все же Советской

лучше, так как она задавила налогами». На собрании деревенского актива Белосельской волости крестьяне говорили: «От займа нужно совершенно отказаться, пользы от него никакой нет, фабрики и заводы разрушаются, кожи совсем не стало. Досрочная сдача сельхозналога не обязательна. Советская власть висит на волоске – налог заплатим вперед, а там власть рухнет и денежки пропали, так как новое правительство спросит новый налог» [ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2774. Л. 73]. Несмотря на широко развернутую агитационную работу в деревне подписка на Второй заем проходила крайне неудовлетворительно. На 13 сентября 1928 г. по сельской подписке была собрана скромная сумма в 304 тыс. 920 руб. (*Ярославская деревня. 13 сентября 1928 г.*). План подписки в сельской местности не был выполнен: при задании в 710 тыс. рублей крестьяне приобрели облигации на сумму в 522 тыс. руб. (*Ярославская деревня. 1 ноября 1928 г.*). Помимо этого в деревне началась кампания по возврату бумаг Первого займа [ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 3333. Л. 68].

Выпустив в 1929 году Третий заем индустриализации государство также рассчитывало получить от своих граждан значительные суммы для нужд промышленности. Проследить же ход его реализации в рамках Ярославской губернии не представляется возможным. С мая 1929 г. Ярославская губерния вошла в состав Ивановской промышлен-

ной области, в связи с чем невозможно подвести итоги кампании по привлечению денежных средств ярославцев из-за недостаточной источниковой базы.

Заключение

Нажим, навязчивая массированная пропаганда, угрозы – все эти меры, в конечном итоге, помогли местным властям выполнить план

по размещению Второго займа индустриализации, главным образом, за счет городского населения. Интерес крестьянства к займам не только не вырос, но и снизился. Деревня практически так и осталась в стороне от решения проблемы накопления средств и пополнения государственного бюджета.

Библиографический список

1. Агеева Е. А. Экономическая история: взгляд из XXI века. Институциональные аспекты теории и практики хозяйственной жизни : монография / Е. А. Агеева, Е. В. Антипина [и др.]. Москва : Издательский Дом «Инфра-М», 2021. 288 с. (Научная книга. Тип).
2. Бухарин Н. И. Избранные произведения. Москва : Политиздат, 1988. 497 с.
3. Вавилов Ю. Я. Государственный кредит: прошлое и настоящее. Москва : Финансы и статистика, 1992. 89 с.
4. Воейков Е. В. Трудовая повинность на лесозаготовках в годы индустриализации в СССР // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 48-54.
5. Грегори Пол. Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. 2-е изд. Москва : РОССПЭН, 2008. 398 с.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1954 / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. Т. 4. Ч. II. 7-е изд. Москва : Госполитиздат, 1954. 676 с.
7. Кочешков Г. Н. Займы индустриализации: история вопроса // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, философии, образования : материалы научно-практической конференции Чтения Ушинского. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. С. 71-78.
8. Муравьева Л. А. Промышленное развитие и финансы в годы довоенных пятилеток // Финансы и кредит. 2003. № 9. С. 80-87.
9. Муравьева Л. А. Становление финансово-экономического образования в первое десятилетие советской власти // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков : материалы XIX Международной научной конференции. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 603-608.
10. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941. 2-е изд., доп. Москва : РОССПЭН, 2007. 351 с.
11. Семова Н. Г. Проблематика реиндустриализации: подходы к ее изучению в начале XXI в. // Вопросы истории. 2019. № 10. С. 14-31.
12. Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. Москва : ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. 408 с.

13. Стожко Д. К. Модернизация российской экономики: история, теория, практика : монография. Екатеринбург : Издательство Уральского ун-та, 2020. 408 с.
14. Теремов В. Н. Каталог облигаций и обязательств внутренних государственных и целевых займов РСФСР и СССР (1922-1991). 2-е изд., полн. Саранск : Тип. «Красный Октябрь», 1996. 48 с.
15. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 29об.
16. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2972.
17. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2774. Л. 73
18. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2785. Л. 101.
19. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 3333.
20. Экономическая история России XIX-XX в. (Современный взгляд) / РАН. Ин-т рос. истории. Отв. ред. В. А. Виноградов. Москва : РОССПЭН. 2001. 622 с.
21. Davies R.W. Soviet economic: From Lenin to Khrushchev. Cambridge: Univ. Press, 1998. 96 p.

Reference list

1. Ageeva E. A. Jekonomicheskaja istorija: vzgljad iz XXI veka. Institucional'nye aspekty teorii i praktiki hozhajstvennoj zhizni = Economic history: a view from the XXI century. Institutional aspects of the theory and practice of economic life: monografija / E.A. Ageeva, E. V. Antipina [i dr.]. Moskva : Izdatel'skij Dom «Infra-M», 2021. 288 s. (Nauchnaja kniga. Tip).
2. Buharin N. I. Izbrannye proizvedenija = Selected works. Moskva : Politizdat, 1988. 497 s.
3. Vavilov Ju. Ja. Gosudarstvennyj kredit: proshloe i nastojashhee = State credit: past and present. Moskva : Finansy i statistika, 1992. 89 s.
4. Voejkov E. V. Trudovaja povinnost' na lesozagotvokah v gody industrializacii v SSSR = Labor duty in logging during the years of industrialization in the USSR // Voprosy istorii. 2014. № 3. S. 48-54.
5. Gregori Pol. Politicheskaja jekonomija stalinizma = The political economy of Stalinism / per. s angl. 2-e izd. Moskva : ROSSPJeN, 2008. 398 s.
6. Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK. 1898-1954 = Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 1898-1954 / In-t Marksa-Jengel'sa-Lenina-Stalina pri CK KPSS. T. 4. Ch. II. 7-e izd. Moskva : Gospolitizdat, 1954. 676 s
7. Kocheshkov G. N. Zajmy industrializacii: istorija voprosa = Industrialization loans: a question story // Voprosy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii, politologii, sociologii, filosofii, obrazovanija : materialy nauchno-prakticheskoj konferencii Chtenija Ushinskogo. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. S. 71-78.
8. Murav'eva L. A. Promyshlennoe razvitie i finansy v gody dovoennyh pjatiletok = Industrial development and finance during the years of the pre-war five-year plans // Finansy i kredit. 2003. № 9. S. 80-87.
9. Murav'eva L. A. Stanovlenie finansovo-jekonomicheskogo obrazovanija v pervoe desjatiletie sovetskoy vlasti = The formation of financial and economic education in the

first decade of Soviet power // Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov' v istorii Rossii XX-XXI vekov : materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 603-608.

10. Osokina E. A. Za fasadom «stalinskogo izobilija»: raspredelenie i rynek v snabzhenii naselenija v gody industrializacii = Behind the facade of “stalinist abundance”: distribution and market in the supply of population during the years of industrialization, 1927-1941. 2-e izd., dop. Moskva : ROSSPJeN, 2007. 351 s.

11. Semova N. G. Problematika reindustrializacii: podhody k ee izucheniju v nachale XXI v. = The problems of reindustrialization: approaches to its study at the beginning of the XXI century. // Voprosy istorii. 2019. № 10. S. 14-31.

12. Stalin I. V. Cochinenija. T. 8. = Compositions. V. 8. Moskva : OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1948. 408 s.

13. Stozhko D. K. Modernizacija rossijskoj jekonomiki: istorija, teorija, praktika = Modernization of the Russian economy: history, theory, practice : monografija. Ekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skogo un-ta, 2020. 408 s.

14. Terebov V. N. Katalog obligacij i objazatel'stv vnutrennih gosudarstvennyh i celevykh zajmov RSFSR i SSSR (1922-1991) = Catalogue of bonds and obligations of domestic state and targeted loans of the RSFSR and the USSR (1922-1991). 2-e izd., poln. Saransk : Tip. «Krasnyj Oktjabr'», 1996. 48 s.

15. Centr dokumentacii novejshej istorii Jaroslavskoj oblasti (CDNI JaO). F. 1. Op. 27. D. 29ob. = Center for Documentation of the Latest History of the Yaroslavl Region (TsDNI NAO). F. 1. Op. 27. D. 29 vol.

16. CDNI JaO. F. 1. Op. 27. D. 2972 = TSDNI NW. F. 1. Op. 27. 2972.

17. CDNI JaO. F. 1. Op. 27. D. 2774. L. 73 = TSDNI NW. F. 1. Op. 27. D. 2774. L. 73.

18. CDNI JaO. F. 1. Op. 27. D. 2785. L. 101 = TSDNI NW. F. 1. Op. 27. D. 2785. L. 101.

19. CDNI JaO. F. 1. Op. 27. D. 3333 = TSDNI NW. F. 1. Op. 27. 3333.

20. Jekonomicheskaja istorija Rossii XIX-XX v. (Sovremennyj vzgljad) = The economic history of Russia of the XIX-XX centuries. (Modern view) / RAN. In-t rosi. istorii. Otv. red. V.A. Vinogradov. Moskva : ROSSPJeN. 2001. 622 s.

21. Davies R.W. Soviet economic: From Lenin to Khrushchev. Cambridge : Univ. Press, 1998. 96 p.

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 13.01.2023; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023

Научная статья
УДК 94 (470)
DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_104
EDN: NGYNEL

Антиалкогольная кампания в Ярославской области в 1985 – 1991 гг.

Глеб Владимирович Карандашев

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль
karandashev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Аннотация. В статье рассматривается отражение антиалкогольной политики в ярославской периодической печати во время перестройки М. С. Горбачева (1985 – 1991 гг.). Местная периодическая печать была активно задействована в процессе пропаганды борьбы с пьянством и алкоголизмом. С помощью анализа материалов газет «Северный рабочий» (орган Ярославского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов) и «Юность» (орган Ярославского обкома ВЛКСМ) выявлены и охарактеризованы наиболее значимые сюжеты и вопросы рассматриваемой темы.

Постановления властей по борьбе с пьянством подчеркнули обострение алкогольного вопроса в СССР. Активное противодействие нарушениям общественной и трудовой дисциплины в Ярославской области снизило их динамику, но проблемы, лежавшие в основе явления, решены не были. Кампания состояла из набора различных ограничительных мер в сфере торговли спиртными напитками и ужесточения административного и уголовного законодательства. Антиалкогольная борьба, активно развернутая в мае 1985 г., к концу 1980-х гг. практически сошла на нет. Цензура в периодической печати ослабла, а публиковавшиеся материалы свидетельствовали о провале трезвеннических начинаний.

В ярославской печати второй половины 1980-х гг. с научной точки зрения объяснялся вред злоупотребления спиртными напитками для здоровья. В области была налажена система лечения алкоголизма, в том числе принудительная. Нехватка финансирования и штата сотрудников, формальное отношение специалистов и должностных лиц к своим обязанностям осложняли попытки столь неоднозначного отрезвления.

Одним из распространенных явлений второй половины 1980-х гг. было самогонование, получившее развитие из-за ограничения легального доступа к получению необходимой части населения продукции. Алкогольный вопрос затрагивал практически все социальные группы Ярославской области, что нашло яркое отражение на страницах местной печати.

Ключевые слова: перестройка; Ярославская область; пьянство; алкоголизм; лечебно-трудовой профилакторий; преступность; хулиганство; самогонование

Для цитирования: Карандашев Г. В. Антиалкогольная кампания в Ярославской области в 1985 – 1991 гг. // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 104-119. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_104. <https://elibrary.ru/NGYNEL>.

Original article

Anti-alcohol campaign in the Yaroslavl region in 1985 – 1991

Gleb V. Karandashev

Candidate of historical sciences, associate professor, department of russian history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
karandashevg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Abstract. The article examines the reflection of anti-alcohol policy in the Yaroslavl periodical press during the perestroika of M. S. Gorbachev (1985 - 1991). The local periodical press was actively involved in the process of promoting the fight against drunkenness and alcoholism. By analyzing the materials of the newspapers “Severny rabochy” (the organ of the Yaroslavl regional committee of the CPSU and the Regional Council of people's deputies) and “Yunost” (the organ of the Yaroslavl regional Committee of the Komsomol), the most significant plots and issues of the topic under consideration are identified and characterized.

The decisions of the authorities to combat drunkenness highlighted the aggravation of the alcohol issue in the USSR. Active counteraction to violations of social and labor discipline in the Yaroslavl region reduced their dynamics, but the problems underlying the phenomenon were not solved. The campaign consisted of a set of various restrictive measures in the field of trade in alcoholic beverages and tightening of administrative and criminal legislation. The anti-alcohol struggle, which was actively launched in May 1985, had practically come to naught by the end of the 1980s. Censorship in the periodical press weakened, and the published materials testified to the failure of teetotal endeavors.

In the Yaroslavl press of the second half of the 1980s, the harm of alcohol abuse for health was explained from a scientific point of view. A system of alcoholism treatment, including compulsory, has been established in the region. The lack of funding and staff, the formal attitude of specialists and officials to their duties complicated attempts at such ambiguous sobering up.

One of the common phenomena of the second half of the 1980s was moonshining, which was developed due to the restriction of legal access to obtaining the necessary part of the population of products. The alcohol issue affected almost all social groups of the Yaroslavl region, which was vividly reflected in the pages of the local press.

Keywords: perestroika; Yaroslavl region; drunkenness; alcoholism; medical and labor dispensary; crime; hooliganism; moonshining

For citation: Karandashev G. V. Anti-alcohol campaign in the Yaroslavl region in 1985 – 1991. *Social and political researches*. 2023;1(18):104-119. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_104. <https://elibrary.ru/NGYNEL>.

Актуальность

Питейная политика советского государства в 1985 – 1991 гг. доста-

точно давно начала привлекать к себе внимание исследователей. Особый интерес в научном сообще-

стве всегда вызывали вопросы эффективности различных запретительных мероприятий в питейной сфере. Во время осуществления реформы были опубликованы всевозможные работы, поддерживавшие и популяризовавшие действия властей [Колесов, 1987; Левин, 1987; Углов, 1986].

Начиная с конца 80-х гг. XX в. по настоящее время в оценках последствий антиалкогольной кампании М. С. Горбачева присутствует ряд положительных характеристик, например, увеличение продолжительности жизни населения, снижение травматизма на производстве, уменьшение количества преступлений на фоне пьянства [Доронина, 2015; Николаев, 2008], но, в основном, авторы негативно отзываются о социально-экономических результатах реформы, в том числе таких как, развитие самогонварения, наркомании, смертности от отравления суррогатами [Заиграев, 1989; Курукин, 2005; Немцов, 2009]. Отмечается то, что она способствовала развитию «теневой экономики» и организованной преступности [Давыдов, 2012; Пашнин, 2011]. Сам же М. С. Горбачев впоследствии признал значительные ошибки в проведении кампании, говорил о ней как о благородном замысле с плачевным итогом [Горбачев, 1995].

В ряде региональных исследований на основе широкого круга источников раскрывается опыт борьбы с пьянством в годы перестройки на областном уровне [Иванов, 2021;

Магомедов, 2016; Найденова, 2021; Фокина, 2015; Фоменков, 2019; Шабалин, 2015; Уваров, 2016]. Кроме того, существуют работы историографического характера [Карандашев, 2012; Соколова, 2020]. При этом в Ярославской области рассматриваемый вопрос остается малоизученным.

Источниковая база исследования

В публикации предпринята попытка анализа отражения антиалкогольной кампании в Ярославской области в 1985 – 1991 гг. в периодической печати. Основу источниковой базы работы составляют материалы ярославских областных газет «Северный рабочий», издававшейся ежедневно с 1 июля 1922 г. по 30 ноября 1991 г. и являвшейся печатным органом и агитатором идей партии и правительства, и «Юность», выходившей еженедельно с декабря 1920 г. по декабрь 1991 г., когда ее учредителем был ярославский обком комсомола. Хронологические рамки исследования охватывают период с мая 1985 г., то есть начала претворения в жизнь антиалкогольной программы М. С. Горбачева, и до 1991 г. – времени сворачивания деятельной государственной поддержки трезвенного движения в регионе.

Газетные публикации по алко-гольному вопросу 1985 – 1991 гг. можно разделить на несколько групп: антиалкогольное законодательство и пояснения к нему, пропагандистско-популяризаторские статьи и письма, в том числе медицин-

ского содержания, а также происшествия, связанные с различными нарушениями или преступлениями.

Все существенные нововведения, относившиеся к антиалкогольной политике советского государства, находили непосредственное отражение на страницах газет. Постановления партии и правительства в обязательном порядке разъяснялись, они занимали значительную часть среди прочих материалов. Статьи пропагандистско-популяризаторского характера наиболее массово выходили в 1985 – 1988 гг. в рубриках «Трезвость – норма жизни», «Пьянству – бой!», «За эффективный труд и здоровый быт», что напрямую соответствовало первоначальному статусу изданий как рупоров Ярославского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов («Северный рабочий») и Ярославского обкома ВЛКСМ («Юность»). Так, только в мае – декабре 1985 г. в «Северном рабочем» было помещено более 30 подобных заметок на алкогольную тематику. А на страницах «Юности» в 1985 г. развернул свою деятельность молодежный клуб трезвости «Антибахус».

После 1988 г. в связи со сворачиванием антиалкогольной кампании подобные статьи практически исчезли, хотя сама алкогольная проблема по-прежнему не сходила со страниц издания. На первый план по частоте публикаций и актуальности выдвинулась группа ма-

териалов, посвященных проблеме алкоголизации населения и преступности. Несмотря на политизированность и субъективность, используемые материалы позволяют рассмотреть сложный вопрос отечественной истории в динамике развития на переломе. Периодическая печать пыталась выступать организатором и руководителем общественного мнения, при этом его отражала и от него зависела. Кроме того, к концу 1980-х гг. цензура даже в подобных изданиях значительно ослабла, и газеты наполнились более разносторонним контентом.

Результаты исследования

Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и Постановление Совмина СССР № 410 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» от 7 мая 1985 г. во многом констатировали обострение алкогольной ситуации в стране. Предусматривались улучшение организации досуга населения, сокращение производства алкогольных напитков и антиалкогольная пропаганда. Ужесточалась административная ответственность за распитие в общественных местах, самогоноварение, управление транспортом в нетрезвом виде и т. п.

Стремительно сократились темпы государственной продажи спиртных напитков (на 63,5 % за 2,5 года, то есть на 25 % в год). В кратчайшие сроки и привычными

средствами была создана единая централизованная структура – Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость (ВДОБТ). Организация с «добровольно-принудительным» членством должна была обеспечить массовую поддержку начавшемуся процессу [Курукин, 2005].

Местная периодическая печать энергично включилась в пропаганду борьбы с пьянством. В ярославской прессе публиковались сообщения о том, как партийные, профсоюзные, комсомольские организации и трудовые коллективы Ярославской области вступили на путь реализации государственных решений. Было развернуто масштабное «антиалкогольное полотно». Одним из важных сюжетов стало рассмотрение положения на производстве и селе, а также профилактика нарушений трудовой дисциплины.

Так, в номере «Северного рабочего» от 17 мая 1985 г. рассказывалось о ситуации в пос. Октябрьский Рыбинского района, где недавно в строй была введена птицефабрика. Отмечалось, что партком и администрация совхоза внимательно следили за дисциплиной. Поселок быстро рос и насчитывал более 1 тыс. рабочих и служащих, средний возраст которых составлял 32 года. Молодых людей привлекала возможность получить благоустроенное жилье. За «пьяные нарушения» особенно строго взыскивалось с тех, кто был связан с техникой – «оно и понятно: любая машина не терпит нетрезвых

рук», сообщал корреспондент. В совхозе действовала комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом, которая ни одного случая «схода на пьяную колею» не оставляла без внимания (*Северный рабочий. 1985. 17 мая. № 114*).

Сообщалось, что в мае 1985 г. в андроповском (*рыбинском. – Г. К.*) производственном объединении моторостроения состоялся общественный суд, который был назван судом над пьянством. К нарушителям дисциплины применялись различные наказания: они лишались премий и «тринадцатой зарплаты», им отодвигали на более поздний срок очередность в получении жилья, лишали права на дополнительный отпуск за непрерывный стаж работы, льготных путевок. На заседание общественного суда были вызваны в качестве обвиняемых пять злостных нарушителей дисциплины. Старшему из них было 46 лет. В первый раз на завод он поступил еще в 1957 году, но вскоре уволился, сменил множество мест, а в 1979 г. вновь вернулся в объединение моторостроения. Вскоре совершил прогул – один день, а через месяц гулял целую неделю. Рабочего уволили и направили на принудительное лечение от алкоголизма. Через два года он вернулся и вновь был принят на прежнее место работы, однако все началось сначала: длительные запои, прогулы. Другому рабочему было 29 лет – семья, работа, трое детей. Но и в этот коллектив он поступил

уже вторично, давая клятвы, что покончил с алкоголем. В феврале пытался пронести в цех бутылку, в марте допустил два дня прогула. Дома дела обстояли не лучше: пьяные дебоши, испуганные жена и дети. Примерно также сложилась судьба остальной троицы. Народный суд Центрального района утвердил ходатайство общественности и вынес приговор: направить всех пятерых на принудительное лечение от алкоголизма сроком на два года. Подсудимые сразу же были взяты под стражу и направлены в лечебно-трудовую профилакторий (*Северный рабочий. 1985. 29 мая. № 124*).

Ритмичность работы коллектива предприятия ярославского завода дизельной аппаратуры обеспечивалась многими слагаемыми, в том числе требовательным отношением к нарушителям трудовой и производственной дисциплины. По инициативе парткома во всех подразделениях проводились собрания, где обсуждалось состояние дисциплины в коллективах. Партийные бюро резко повысило спрос с мастеров, начальников участков, бригадиров за состояние дисциплины. Им указали на персональную ответственность за попустительство нарушителям. Главным условием эффективной борьбы с пьянством и алкоголизмом была признана гласность. Использовалась наглядная агитация и многотиражная газета. В цехах вывешивались листки «Тревога», где отображался материальный

ущерб, который наносили нарушители. Например, в ремонтно-механическом цехе «красовалось» такое объявление: «Слесарь Сорокин прогулял два дня. Он лишен вознаграждения за год, месячной премии, из отпуска у него вычтены два дня, отпуск перенесен на зимний период, на три месяца он переведен с 6-го на 3-й разряд. Всего Сорокин «потерял» 437 р.» (*Северный рабочий. 1985. 13 июня. № 136*).

На ярославском шинном заводе в 1984 г. 586 работников были уволены за правонарушения, связанные с «пьянкой», 2 тысячам была снижена премия, 449 уменьшены отпуска на количество прогулянных дней. Одной из причин ухудшения трудовой дисциплины на заводе считался рост текучести кадров и дефицит рабочих на операциях, требующих больших затрат мало-квалифицированного ручного труда. В свою очередь это выступало плодами затянувшейся реконструкции, в результате чего предприятие являлось одним из отстающих в городе по условиям труда и механизации производства. До расчетной численности на шинном заводе не хватало 1400 человек, особенно дефицитны были транспортные рабочие, грузчики, вулканизаторщики. Считалось, что на эти места поступали те, от кого на других заводах отказались. В апреле 1985 г. в медвытрезвителе побывало 123 работника завода, в мае – 69. За распитие в неположенных местах, появление в состоянии алкогольного

опьянения и мелкое хулиганство в апреле было привлечено к ответственности 178 «шинников», в мае – 124 (*Северный рабочий. 1985. 16 июня. № 139*).

К лету 1985 г. на 16 предприятиях Ярославля с целью наведения порядка и дисциплины были введены «Кодексы трудовой чести». На ярославском судостроительном заводе суд общественности рекомендовал направить трех человек на принудительное лечение, еще 13 были направлены в заводской лечебно-трудовой профилакторий. Отмечалось, что эта форма борьбы с пьянством нашла поддержку у заводчан (*Северный рабочий. 1985. 26 июня. № 147*).

На ярославском радиозаводе за распитие спиртных напитков на рабочем месте применялся перевод на более низкооплачиваемую должность сроком на три месяца без права увольнения в этот период. Так, месячная зарплата у слесаря ремонтно-механического цеха составляла 250 – 270 р., у токаря инструментального цеха – 220 – 230 р., у слесаря того же цеха – 350 – 380 р. После нарушения трудовой дисциплины они были переведены на работу, где их заработок составлял от 100 до 111 р. в месяц. Все они были лишены вознаграждения по итогам года (90-250 р.), на 50 % было уменьшено вознаграждение за выслугу лет (140-300 р.), полностью депремировались за месяц, в котором допустили нарушение. Таким образом, каждый из них потерял от 500 до 700 р. К этому добавлялся

перевод отпуска на зимний период, потеря возможности получить путевку в санаторий или дом отдыха, постановка на более дальнюю очередь на улучшение жилищных условий (*Северный рабочий. 1985. 9 июля. № 158*).

На андроповском (*рыбинском. – Г. К.*) заводе дорожных машин на стенд помещались фамилии любителей спиртного и информация о мерах, принятых к каждому конкретному нарушителю. Один из машинистов транспортного цеха уплатил 50 р. штрафа, потерял премию за месяц – 70 р. и вознаграждение за год – 170 р. Итого 290 р. Немного меньше потерял слесарь ремонтно-механического участка. За нарушение общественного порядка при поездке в совхоз ему был объявлен выговор, он также был лишен премии. На каждого, замеченного в нетрезвом виде составлялся протокол, нарушитель отстранялся от работы. По приговору товарищеского суда трое рабочих были отправлены на принудительное лечение алкоголизма. Заводская комиссия по борьбе с алкоголизмом в первом полугодии 1985 г. перенесла 23 рабочим отпуск на зимнее время (*Северный рабочий. 1985. 16 августа. № 189*).

В сталелитейном цехе ярославского завода «Полимермаш» за первые 6 месяцев 1985 г. было совершено 87 прогулов. После 17 заседаний, посвященных укреплению трудовой дисциплины, на 27 человек были переданы дела в заводскую комиссию по борьбе с алко-

лизмом, а один из слесарей был направлен на принудительное лечение от алкоголизма (*Северный рабочий. 1985. 28 сентября, № 226*).

1 октября 1985 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР было утверждено положение о комиссиях по борьбе с пьянством. Такие комиссии в трудовых коллективах существовали и ранее, но не были узаконены. Помимо антиалкогольной пропаганды, они должны были вести учет лиц, злоупотреблявших спиртными напитками и контролировать прохождение ими курса антиалкогольного лечения, в том числе принудительного (*Северный рабочий. 1985. 1 декабря, № 279*).

Подобная комиссия существовала в совхозе «Молот» и с точки зрения отчетности действовала весьма эффективно. С июня по ноябрь 1985 г. было рассмотрено 203 материала о нарушениях порядка. Общая сумма наложенных штрафов составила 5 960 р. Количество прогулов снизилось более чем в 2 раза (*Северный рабочий. 1985. 21 декабря, № 293*).

На андроповском (*рыбинском. – Г. К.*) заводе «Магма» также активно действовала комиссия. Но, несмотря на это, дисциплина продолжала «хромать». За январь – май 1985 г. было зафиксировано 138 прогулов, 427 нарушений дисциплины, 104 работника завода побывали в медвытрезвителе. Так, 12 мая водитель автопогрузчика был выведен с завода в нетрезвом состоянии, это было его 4 нарушение за год работы; 25 апреля сле-

сарь после смены принял в цехе душ, тут же «принял» и бутылку водки; 4 июня работник цеха № 7 был в нетрезвом состоянии и т. п. Лишь 10-20 % нарушений разбирались на общественных судах. В число виновных попадали и члены партии. Коммунист из цеха № 3 побывал в медвытрезвителе 26 января и остался ненаказанным. Из этого же цеха не понес ответственности еще один товарищ, также находившийся на рабочем месте в нетрезвом состоянии. Причинами регулярных нарушений посчитали слабую культурно-массовую работу, недостаточное развитие спорта, отсутствие художественной самодеятельности на предприятии (*Северный рабочий. 1986. 2 июля. № 152*).

В июне 1985 г. на заседании комиссии по борьбе с пьянством при исполкоме областного совета народных депутатов, которую возглавлял С. Н. Овчинников, было сообщено о мерах, предпринятых в Ярославской области во исполнение антиалкогольных постановлений. Был сокращен рабочий день специализированных магазинов и винных секций, прекращена продажа спиртных напитков в 86 предприятиях торговли городов Ярославля, Андропова, Переславля-Залесского, Углича, а также в 136 предприятиях, находившихся в ведении потребительской кооперации. Была значительно ограничена продажа спиртного в системе общественного питания, полностью исключена торговля алкоголем в железнодорожных ресторанах и во всех зрелищных заведе-

ниях (*Северный рабочий. 1985. 6 июня № 130*).

Но уже в начале 1986 г. с письмом в редакцию «Северного рабочего» обратилась большая группа женщин с разных предприятий Переславля-Залесского (275 подписей). Они обратили внимание на то что, не смотря на указы и постановления о борьбе с пьянством, в городе пьяниц не убавилось, не стало меньше пунктов, где продают спиртное. Например, у магазинов во время завоза дешевых вин постоянно толпились «страждущие», а милиционера встретить было сложно (*Северный рабочий. 1986. 26 января. № 22*). Вольготно чувствовали себя пьяницы в поселке «Резинотехника». В магазине в пос. Карачиха водка отпускалась без очереди (*Северный рабочий. 1985. 14 июня № 137*). В ярославских магазинах, где не ограничивалась реализация спиртного, образовывались очереди. Подобным местом был продуктовый магазин в пос. Лесная Поляна. Торговля алкоголем по соседству была прекращена, и в магазин началось своего рода паломничество. Поблизости задерживали жителей различных районов Ярославля, окрестных сел и деревень, которые находились в нетрезвом состоянии, нарушали общественный порядок (*Северный рабочий. 1985. 16 октября. № 241*).

В публичных местах Ярославля с пьянством боролись достаточно энергично. На определенные участки выходили оперативные комсомольские отряды и народные дру-

жинники. Особое внимание уделялось паркам, зеленым зонам, пустующим зданиям, вокзалам. Какими же были типичные нарушения? В магазине кулинарии от кафе «Юность» на улице Свободы работница устроила «выпивку» в рабочее время; охранник хлебозавода № 1 нес службу в нетрезвом виде; группа учащихся средней школы № 7 «обмывала» сдачу экзамена; в пьяном виде был задержан учащийся ГПТУ № 9 с двумя литрами самогона. На всех нарушителей были составлены протоколы. У ресторана «Солнечный» был задержан молодой таксист. Вечером, когда магазины были закрыты, он пытался продать 10 бутылок водки по 10 рублей за штуку.

В ноябре 1987 г. на шинном заводе состоялось разбирательство над тремя заводскими самогонщиками. Это был товарищеский суд. Кем же были подсудимые? Один из них, 38 – летний рабочий, 2 года провел в лечебно-трудовом профилактории, откуда он вернулся в Ярославль с самогонным аппаратом, способным ежедневно вырабатывать несколько литров высокоградусного «зелья»! Другой слесарь ремонтно-механического цеха ЯШЗ утверждал, что самогонный аппарат нашел на помойке. Хотя из зала была брошена реплика: «Брось выкручиваться! По аппарату видно, что из наших материалов сделал!». Вечером 1 октября старший участковый инспектор Ленинского РОВД увидел в его квартире самогонную технику с 3 л. браги, «а ее хозяина,

опрокинувшего стакан первача, храпевшим на диване». Также 8 октября в заводской проходной был задержан молодой столяр ремонтно-строительного цеха, который пытался пронести на работу бутылку самогона. Всем троим было оглашено постановление об административном наказании – штрафе от 100 до 300 р. (*Северный рабочий. 1987. 10 ноября. № 260*).

65,5 % среди самогонщиков составляли мужчины, пенсионерами из которых являлись 18,5 %. Только 7,5 % самогонщиков «гнали зелье» для расчета за различные бытовые услуги. В ноябре-декабре 1987 г. каждые 10 дней органами внутренних дел в области выявлялось свыше 150 случаев самогонварения. С широким размахом действовали жители Центрального района г. Андропов (г. Рыбинск. – Г. К.), у которых литраж изготовленного продукции измерялся трехзначной цифрой. «Целый клуб самогонщиков» был выявлен на улице Локомотивной в Кировском районе Ярославля. Среди них работница ЯМЗ, бригадир пути и другие. Из десяти проверенных домовладений в г. Пошехонье-Володарск в шести была обнаружена брага. Из шести проверенных домов в деревне Кладово Пошехонского района в четырех был обнаружен самогон. На брагу и самогон расходовались ценные пищевые продукты, в том числе сахар. В некоторых областях в торговле им стали ощущаются перебои. В Ярославле продажи сахара также заметно росли. За 11 месяцев 1987 г. в сравнении с тем же периодом

1986 г. в области было продано сахара на 4,6 % больше, а это свыше 2 тыс. тонн. С помощью общественности выявлялось всего 3 % самогонщиков (*Северный рабочий. 1988. 8 января. № 6*).

Спорт и сфера культурного досуга были недостаточно развиты. Но, следует отметить, что со страниц периодической печати здоровый образ жизни пропагандировался. Хотя по сообщениям с мест, например, из Мышкинского района, «спорт существовал» только в школах и нескольких кружках райцентра. Раньше жители района могли участвовать в различных межрайонных спортивных соревнованиях, а потом и этой возможности не стало (*Северный рабочий. 1985. 4 июля. № 154*).

Все же некоторые нововведения приживались. Так, ресторан «Турист» в Ярославле стал безалкогольным. Обновилось меню, появились безалкогольные напитки собственного производства. План успешно выполнялся без винного ассортимента (*Северный рабочий. 1985. 14 сентября. № 215*). Ресторан «Сказка» и фруктовый бар ресторана «Русь» также стали отвечать новым веяниям (*Северный рабочий. 1985. 22 сентября. № 222*). Однако многие заведения продолжали работать по-старому. Например, в ресторане «Ярославль», по отзывам посетителей, были не рады клиентам, не заказавшим алкоголь, а официанты сами злоупотребляли спиртным (*Северный рабочий. 1985. 8 декабря, № 28*).

Активно популяризировала здоровый образ жизни газета «Юность». Публиковались интервью с известными людьми, например, академиком Ф. Г. Угловым – одним из инициаторов борьбы за трезвость (*Юность. 1985. 21 мая. № 59*); письма читателей – представителей различных профессий, поддержавших решения партии и правительства (*Юность. 1985. 23 мая. № 60*); рекламировались комсомольские трезвые свадьбы (*Юность. 1986. 17 мая. № 58 – 59*); рассказывалось о деятельности домов тожеств и быта, клубах здорового образа жизни, действовавших в разных районах области, где можно было с интересом провести досуг (*Юность. 1986. 16 августа. № 98*); распространялся успешный опыт трудовых коллективов в поддержании трезвости (*Юность. 1986. 20 ноября. № 138*).

Своеобразным сюжетом антиалкогольной кампании периода перестройки являлась деятельность лечебно-трудовых профилакториев. Под ЛТП понималось лечебно-исправительное учреждение. Оно предназначалось для тех, кто по приговору суда направлялся на принудительное лечение от наркомании и алкоголизма. Пациенты ЛТП были ограничены в свободе передвижения, а главным методом их лечения был обязательный труд. Лицам, содержащимся в лечебно-трудовых профилакториях, запрещалось иметь личные документы, деньги и предметы, не разрешённые к хранению администра-

цией. К тем, кто добросовестно выполнял требования персонала учреждения, применялась система поощрений, например, в виде дополнительной посылки или свидания с родственниками. Нарушения режима карались различными ограничениями вплоть до помещения в изолятор. За время существования лечебно-трудовых профилакториев число алкоголиков не сократилось. По некоторым оценкам, через пару лет после пребывания в областных профилакториях вновь злоупотребляли «горячительными напитками» 76 человек из 100.

Пример андроповского (*рыбинского. – Г. К.*) ЛТП № 1 позволяет рассмотреть условия жизни в подобном учреждении. Профилакторий был окружен забором с колючей проволокой и оборудован сигнализацией. Попасты внутрь можно было лишь по специальному разрешению. Все пациенты были облачены в одинаковые черные береты, темную спецодежду и тяжелые башмаки. Проживали больные в общежитии. В пределах ЛТП имелись специальные клубы, библиотеки. Общая спальня представляла собой просторное помещение с двухъярусными кроватями. Индивидуальное пространство предусмотрено не было. Для хранения личных вещей пациент использовал небольшой шкафчик. В профилактории находилась санитарная часть. Она представляла из себя типовое больничное здание. По словам А. Журавлева, автора статьи «За глухим забором: репортаж из ЛТП

№1», в одном из кабинетов больные получали лекарство и водку. Эти вещества именовались рвотным коктейлем. Их вливали насильно, после чего следовал приступ рвоты. Данная процедура воспроизводилась регулярно. Так у пациентов вырабатывали отвращение к спиртному (*Северный рабочий*, 1988. 9 октября. № 234).

Будни пациентов ЛТП были строго регламентированы. Личное время ограничивалось одним часом. Все больные следовали расписанию: вставали в шесть часов утра, далее отправлялись на утреннюю проверку и работу. В андроповском ЛТП имелись свои мастерские. Существовал специальный план, предписывавший необходимую трудовую норму. Не выйти на работу можно было только по состоянию здоровья. Многие пациенты профилактория были недовольны заработной платой. Это можно проследить по письму, поступившему в редакцию газеты «Северный рабочий»: «Мы находимся на лечении в ЛТП № 1 города Андропова. Работаем в три смены, за месяц выходит 240 часов рабочего времени. Но в бухгалтерии этого не желают учитывать и оплачивают семичасовой рабочий день. За труд в праздники тоже не доплачивают. Зарплата наша всего 80 рублей в месяц. Из них 30 % вычитывается на содержание ЛТП, ещё часть денег – на питание, лекарства, одежду). ЛТП – это профилакторий за колючей проволокой. Вот поэтому, наверное, законы здесь и не предусмотрены». В андроповском профилактории имелся свой

изолятор. Провинившийся больной мог попасть в тесную камеру на десять суток. В газетной статье описывался вид такого человека: «В его мутных глазах пустота и одиночество, он не реагирует ни на какие звуки» (*Северный рабочий*. 1988. 9 октября. № 234).

В конце 1980-х гг. антиалкогольная кампания в стране была остановлена. Планом на 1990 г. предусматривалось повышение производства и продажи алкогольной продукции до 56 млрд руб., что превысило уровень 1984 г. Заболеваемость алкоголизмом набирала обороты. В Ярославской области только на учете состояло 30 тыс. больных этим недугом. В 1989 г. в регионе в нетрезвом виде было совершено 2663 преступления, что на 40 % превысило показатели 1988 г. (*Северный рабочий*. 1991. 5 октября. № 188). Знаковым событием стало требование руководства шинного завода, реализованное через суд, освободить арендуемое ярославским областным советом Всесоюзного общества трезвости и здоровья помещение в д. № 10 по ул. Щапова (*Северный рабочий*. 1991. 20 июля. № 138).

Заключение

Антиалкогольная кампания началась крайне агрессивно. По части сокращения производства и торговли спиртным были достигнуты высокие показатели. Но значительная часть населения, которая поддерживала власть в начале кампании, уже в ходе ее реализации

критиковала реформу. Основную роль в прекращении антиалкогольной борьбы сыграли экономические и политические проблемы, падение авторитета государства. Начиная с 1988 г., борьба за народную трезвость резко снизила свои обороты, а к началу 1991 г. фактически прекратилась, что нашло свое отражение в ярославской печати.

Воспитывать трезвость лишь административными мерами было неэффективно. Недочетами в организации лечебно-трудовых профилакториев были игнорирование экономических интересов работавших больных, отсутствие компетентной психологической поддержки. Данная форма «помощи» без сомнения требовала пересмотра. Лечение такого вида лишь калечило пациента дальше. Вовлечение человека в деятельность, которая ему нравится, а не к которой принуждают, могла бы способствовать выздоровлению. С задачей же изоляции алкоголиков, как отмечалось в источниках, лечебно-

трудовые профилактории справлялись весьма успешно.

В целом, репрессивные меры в отношении пьющих были неэффективными. Особенно остро проблема алкоголизации стояла на производствах, где использовался низкоквалифицированный тяжелый рабочий труд. Развивалось самогоноварение. Безалкогольные традиции приживались слабо. Хотя новшества, охотно рекламируемые в местной прессе, безусловно появлялись: безалкогольные кафе и свадьбы, общества здорового образа жизни, дома быта и торжеств, новые спортивные и культурные комплексы. Успех того или иного дела зачастую зависел от деятельности энергичных и мотивированных граждан. Многие инициативы не осуществились, а газеты в конце 1980-х – начале 1990-х гг. наполнили тревожные хроники, где алкогольный вопрос напрямую соседствовал с преступностью.

Библиографический список

1. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. URL: https://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy1/page_13/#3. (Дата обращения: 03.10.2022).
2. Давыдов О. Гений карьеры. Схемы, которые привели Горбачева к власти. URL: <https://www.pere meny.ru/book/gorbachev/1>. (Дата обращения: 03.10.2022).
3. Доронина С. А. Снижение смертности населения в результате антиалкогольной кампании М. С. Горбачева (на примере Удмуртии) / С. А. Доронина, С. Н. Уваров, С. В. Фадеев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–1 (61). С. 56–58.
4. Заиграев Г. Г. «Русское пьянство» – домьслы и реальность // Слово лектора. 1989. № 5. С. 40–42.
5. Иванов А. М. Последняя советская кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом: опыт Смоленской области (1985-1987) / А. М. Иванов, А. А. Фоменков // STUDIA HUMANITATIS. 2021. № 3. URL: <https://st->

hum.ru/content/ivanov-am-fomenkov-aa-poslednyaya-sovetskaya-kampaniya-po-borbes-ryanstvom-i-alkogolizmom. (Дата обращения: 08.10.2022).

6. Карандашев Г. В. Современные российские исследователи об антиалкогольной кампании М. С. Горбачева 1985 – 1987 гг. // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 203–209.

7. Колесов Д. В. Беседы об антиалкогольном воспитании. Книга для учителя. Москва : Просвещение, 1987. 77 с.

8. Курукин И. В. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России / И. В. Курукин, Е. А. Никулина. Москва : АСТ ; ЛЮКС, 2005. 381 с.

9. Левин Б. М. Актуальные вопросы антиалкогольной пропаганды и пути повышения ее эффективности (по материалам Всесоюзного семинара лекторов). Москва : Знание, 1987. 64 с.

10. Магомедов Р. Р. Антиалкогольная кампания 1985–1990 гг. на Южном Урале (на материалах Оренбургской и Челябинской областей) / Р. Р. Магомедов, С. Н. Фокина // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал (Online). URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/17_18_2016.pdf. (Дата обращения: 10.10.2022).

11. Найденова Г. Н. Повседневная жизнь советской провинции: антиалкогольная кампания конца 1980-х годов на Ставрополье (на материалах Буденновского района) // Преподаватель XXI век. 2021. № 1. Часть 2. С. 262–275.

12. Немцов А. В. Алкогольная история России: новейший период. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.

13. Николаев А. В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 67–78.

14. Пашин В. П. Антиалкогольная кампания 1985-1987 гг. в СССР : по советским архивным документам и рассекреченным материалам ЦРУ / В. П. Пашин, С. В. Богданов, Ю. С. Богданова // Вестник архивиста. 2011. № 4. С. 182-194.

15. Соколова Т. Л. Антиалкогольная кампания в СССР в годы перестройки: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 158–163.

16. Фокина С. Н. Причины введения и основные результаты антиалкогольной кампании Советского государства второй половины 1980-х годов на территории Челябинской области // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 53–56.

17. Фоменков А. А. Антиалкогольная кампания в Горьковской области в годы перестройки // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 18–23.

18. Шабалин Г. С. Рабочая молодёжь Мурманской области и антиалкогольная кампания в период перестройки (1985–1991) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4, № 2. С. 108–114.

19. Углов Ф. Г. Из плена иллюзий. Москва : Молодая гвардия, 1986. 288 с.

20. Уваров С. Н. Причины, проведение и результаты антиалкогольной кампании 1985–1988 гг. на Урале // Вестник Оренбургского государственного

Антиалкогольная кампания в Ярославской области в 1985 – 1991 гг.

педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 1 (17). С. 180–189.

Reference list

1. Gorbachjov M. S. Zhizn' i reformy = Life and reform. URL: https://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy1/page_13/#3. (Data obrashhenija: 03.10.2022).
2. Davydov O. Genij kar'ery. Shemy, kotorye priveli Gorbacheva k vlasti = Career genius. Schemes that brought Gorbachev to power. URL: <https://www.peremeny.ru/book/gorbachev/1>. (Data obrashhenija: 03.10.2022).
3. Doronina S. A. Snizhenie smertnosti naselenija v rezul'tate antialkogol'noj kampanii M. S. Gorbacheva (na primere Udmurtii) = Decrease in mortality of the population as a result of the anti-alcohol campaign of M. S. Gorbachev (using the example of Udmurtia) / S. A. Doronina, S. N. Uvarov, S. V. Fadeev // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 11–1 (61). S. 56–58.
4. Zaigraev G. G. «Russkoe p'janstvo» – domysly i real'nost' = “Russian drunkenness” – speculation and reality // Slovo lektora. 1989. № 5. S. 40–42.
5. Ivanov A. M. Poslednjaja sovetskaja kampanija po bor'be s p'janstvom i alkogolizmom: opyt Smolenskoj oblasti (1985-1987) = The last Soviet campaign to combat drunkenness and alcoholism: the experience of the Smolensk region (1985-1987) / A. M. Ivanov, A. A. Fomenkov // STUDIA HUMANITATIS. 2021. № 3. URL: <https://st-hum.ru/content/ivanov-am-fomenkov-aa-poslednyaya-sovetskaya-kampaniya-po-borbe-s-pyanstvom-i-alkogolizmom>. (Data obrashhenija: 08.10.2022).
6. Karandashev G. V. Sovremennye rossijskie issledovateli ob antialkogol'noj kompanii M. S. Gorbacheva 1985 – 1987 gg. = Modern Russian researchers about the anti-alcohol company of M. S. Gorbachev 1985-1987 // Voprosy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii, politologii, teologii, obrazovanija: Materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2012. S. 203–209.
7. Kolesov D. V. Besedy ob antialkogol'nom vospitanii. Kniga dlja uchitelja = Conversations about anti-alcohol education. A book for a teacher. Moskva : Prosveshhenie, 1987. 77 s.
8. Kurukin I. V. «Gosudarevo kabackoe delo» : ocherki pitejnoj politiki i tradicij v Rossii = “Sovereign Kabatsky business”: essays on drinking policy and traditions in Russia / I. V. Kurukin, E. A. Nikulina. Moskva : AST ; LJuKS, 2005. 381 s.
9. Levin B. M. Aktual'nye voprosy antialkogol'noj propagandy i puti povyshenija ee jeffektivnosti (po materialam Vsesojuznogo seminaru lektorov) = Topical issues of anti-alcohol propaganda and ways to increase its effectiveness (based on the materials of the All-Union Seminar of Lecturers). Moskva : Znanie, 1987. 64 s.
10. Magomedov R. R. Antialkogol'naja kampanija 1985–1990 gg. na Juzhnom Urale (na materialah Orenburgskoj i Cheljabinskoj oblastej) = Anti-alcohol campaign 1985-1990 in the Southern Urals (based on materials from the Orenburg and Chelyabinsk regions) / R. R. Magomedov, S. N. Fokina // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal (Online). URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/17_18_2016.pdf. (Data obrashhenija: 10.10.2022).

11. Najdenova G. N. Povsednevnaia zhizn' sovetskoj provincii: antialkogol'naja kampanija konca 1980-h godov na Stavropol'e (na materialah Budennovskogo rajona) = Everyday life of the Soviet province: anti-alcohol campaign of the late 1980s in the Stavropol Territory (based on materials from the Budennyovskiy district) // *Prepodavatel' XXI vek.* 2021. № 1. Chast' 2. S. 262–275.
12. Nemcov A. V. Alkogol'naja istorija Rossii: novejshij period = Alcohol history of Russia: the latest period. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 320 s.
13. Nikolaev A. V. Antialkogol'nye kampanii HH veka v Rossii = Anti-alcohol campaigns of the XX century in Russia // *Voprosy istorii.* 2008. № 11. S. 67–78.
14. Pashin V. P. Antialkogol'naja kampanija 1985-1987 gg. v SSSR : po sovetskim arhivnym dokumentam i rassekrechennym materialam CRU = Anti-alcohol campaign 1985-1987 in the USSR: according to Soviet archival documents and declassified materials of the CIA / V. P. Pashin, S. V. Bogdanov, Ju. S. Bogdanova // *Vestnik arhivista.* 2011. № 4. S. 182-194.
15. Sokolova T. L. Antialkogol'naja kampanija v SSSR v gody perestrojki: k istoriografii problemy = Anti-alcohol campaign in the USSR during the years of perestroika: problems to historiography // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2020. № 451. S. 158–163.
16. Fokina S. N. Prichiny vvedenija i osnovnye rezul'taty antialkogol'noj kampanii Sovetskogo gosudarstva vtoroj poloviny 1980-h godov na territorii Cheljabinskij oblasti = The reasons for the introduction and the main results of the anti-alcohol campaign of the Soviet state of the second half of the 1980s in the Chelyabinsk region // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova.* 2015. № 4. S. 53–56.
17. Fomenkov A. A. Antialkogol'naja kampanija v Gor'kovskoj oblasti v gody perestrojki = Anti-alcohol campaign in the Gorky region during the years of perestroika // *Omskij nauchnyj vestnik. Ser. Obshhestvo. Istorija. Sovremennost'.* 2019. T. 4, № 4. S. 18–23.
18. Shabalin G. S. Rabochaja molodjozh' Murmanskij oblasti i antialkogol'naja kampanija v period perestrojki (1985–1991) = Working youth of the Murmansk region and anti-alcohol campaign during perestroika (1985-1991) // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina.* 2015. T. 4, № 2. S. 108–114.
19. Uglov F. G. Iz plena illuzij = From the captivity of illusions. Moskva : Molodaja gvardija, 1986. 288 s.
20. Uvarov S. N. Prichiny, provedenie i rezul'taty antialkogol'noj kampanii 1985–1988 gg. na Urale = Reasons, conduct and results of the anti-alcohol campaign 1985–1988 in the Urals // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal.* 2016. № 1 (17). S. 180–189.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 09.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023

Научная статья
УДК 94(47).05
DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_120
EDN: IVCGJQ

Боярская дума и Нэйгэ в XVI веке: сравнительный анализ

Пань Сюанье

Аспирантка Института истории и культуры, Центрально-китайский государственный педагогический университет, г. Ухань, КНР
834929502@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-6709-8028>

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу развития и функционирования деятельности совещательных органов разных стран в XVI веке – Боярской думы Древней Руси и Нэйгэ Древнего Китая (*Нэйгэ – совещательный бюрократический орган при китайских императорах в XV-XVI веках*) по следующим параметрам: создание, состав, функции, взаимоотношения с властью монарха. Оба органа представляли собой неотъемлемое звено в процессе решения государственных дел, имея значительные отличия в исторической обстановке и причине создания, объеме власти и происхождении их членов.

Целью статьи являются раскрытие сути различных государственных институтов в XVI веке, выявление причины невозможности прийти к власти Бояркой думой в смутное время и влияния обоих органов на развитие государственной власти. Подобное сравнительное исследование в российской, китайской и другой историографии ещё не было проведено.

Выводы данной статьи заключаются в том, что не только московские великие князья или цари, но и китайские монархи не могли управлять государством по собственному произволу. Княжеская, царская власть в светском мире во многом была ограничена Боярской думой, особенно сословием боярства, а императорская власть в Китае была ограничена созданными предками традициями и нормами идеального образа монарха, которые сословие Ши (*служилое сословие и класс ученых*) обязывало государей соблюдать несмотря на то, что и русские цари, и китайские императоры стремились к неограниченной власти. Не только Боярская дума, но и Нэйгэ носили консервативный характер, уделяли большое внимание сохранению старины, обеспечению своих привилегий и действовали строго в рамках сохранения монархии.

Ключевые слова: Боярская дума; Нэйгэ; XVI век; власть монарха; сословие бояр; сословие Ши

Для цитирования: Пань Сюанье Боярская дума и Нэйгэ в XVI веке: сравнительный анализ // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 120-132. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_120. <https://elibrary.ru/IVCGJQ>.

Original article

Boyar дума and Neige in the XVI century: a comparative analysis

Pan Xuanye

Post-graduate student of the Institute of history and culture, Central China state pedagogical university, Wuhan, PRC
834929502@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-6709-8028>

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the development and functioning of the activities of advisory bodies in different countries in the XVI century – the Boyar Duma of Ancient Russia and Neige of Ancient China (Neige is an advisory bureaucratic body under Chinese emperors in the XV-XVI centuries) on the following parameters: creation, composition, functions, relations with the power of the monarch. Both bodies were an integral link in the process of resolving state affairs, having significant differences in the historical situation and the reason for the creation, the amount of power and the origin of their members.

The purpose of the article is to reveal the essence of various state institutions in the XVI century, to identify the reason for the inability to come to power by the Boyar Duma in troubled times and the influence of both bodies on the development of state power. Such a comparative study in Russian, Chinese and other historiography has not yet been carried out.

The conclusions of this article are that not only Moscow grand dukes or kings, but also Chinese monarchs could not rule the state on their own arbitrariness. Princely, royal power in the secular world was largely limited by the Boyar Duma, especially the boyar class, and imperial power in China was limited by the traditions created by the ancestors and the norms of the ideal image of the monarch, which the Shi estate (the service class and the class of scholars) obliged sovereigns to observe despite the fact that both Russian kings and Chinese emperors sought unlimited power. Not only the Boyar Duma, but also Neige were conservative in nature, paid great attention to preserving antiquity, ensuring their privileges and acted strictly within the framework of preserving the monarchy.

Keywords: Boyar Duma; Neige; XVI century; the power of the monarch; the boyar estate; Shi estate

For citation: Pan Xuanye Boyar Duma and Neige in the XVI century: a comparative analysis. *Social and political researches*. 2023;1(18):120-132. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_120. <https://elibrary.ru/IVCGJQ>.

Введение

В XVI веке, после присоединения других княжеств, Московское княжество постепенно трансформировалось в единое русское национальное государство, установив централизованную систему управ-

ления. Состав и функции Боярской думы, центрального органа принятия решений того времени, отражали развитие политической системы русского государства и изменение объема власти монарха в XVI веке, а также в некоторой степени опре-

деляли будущее направление развития российской политической системы. Династия Мин была поздней монархической китайской династией, основанной в 1368 г. и угасшей в 1644 г. XVI век совпал со средним и поздним периодами династии Мин, когда императорская власть начала клониться к упадку, а Нэйгэ как секретарский орган императорской власти, играл важную роль в управлении государством. Создание Нэйгэ было главной особенностью политики династии Мин, которая фактически была политикой Нэйгэ при формальном сохранении самодержавия [Тэнь Тяньсин, 1996]. Поэтому эволюция Нэйгэ оказывала влияние на трансформацию императорской и центральной власти в Китае в XVI веке, а также на политические приобретения и потери центрального правительства при династии Мин.

В XVI веке Московское государство, и Китай династии Мин находились в схожем политическом и экономическом контексте: во второй половине XVI века в русском государстве была установлена сословно-представительная монархия, в Китае развивалась абсолютная монархия, обе страны столкнулись с зарождением капитализма, обе начали развивать экономические связи с иностранными государствами и управляли огромными территориями. Боярская дума и Нэйгэ были сопоставимы в том, что они сыграли незаменимую роль в политическом, экономическом и социальном развитии своих стран.

Исследователи истории Боярской думы уделяли особое внимание борьбе самодержавия с княжеско-боярской знатью. С. М. Соловьев создал родовую теорию, согласно которой в русском государстве шла борьба двух начал – родового и государственного, причем победа последнего несла стране прогресс [Кошелева, 2018]. В конце XIX в. историк-правовед Н. П. Загоскин рассмотрел внутреннюю организацию Боярской думы, порядок пожалования думными чинами, работу думских комиссий, место и время заседаний думы, участие думы в правительственной деятельности и др. [Загоскин, 2015].

Монография «Боярская дума Древней Руси» является одним из самых известных произведений по исследованию истории Боярской думы. Автор В. О. Ключевский обратил особое внимание на состав думы в разные периоды и считал, что в XVI в. состояние народного хозяйства было одной из главных причин равнодушия боярства к расширению и обеспечению своих политических прав [Ключевский, 1994]. Советский историк А. А. Зимин попытался выяснить состав бояр и окольничих с конца XV в. по 1584 г., который является необходимым предварительным условием для изучения роли, которую играла Боярская дума в административном аппарате русского централизованного государства [Зимин, 1958].

Исследуя историю династии Мин, большинство ученых считали, что монархический абсолютизм в

Китае в эпоху правления этой династии достиг своего пика и «был диктатурой в условиях возрождения традиционной политики» [Цянь Му, 2008, с. 377]. По мере углубления исследований историки постепенно отходят от влияния традиционных идей и начинают пересматривать политическую систему с середины до конца династии Мин посредством диалектического анализа.

Одним из наиболее известных результатов исследования Нэйгэ является монография Тань Тяньси-на «Политика Нэйгэ в династии Мин», в которой Нэйгэ рассматривается в различных аспектах. Автор утверждает, что власть Цзайсян (*советник, ближайший помощник императора, член высшего совета, премьер-министр или канцлер в монархическом Китае. Основой названия является понятие «сян», обозначающее «сопровождение»*) не исчезла с упразднением должности Цзайсян, просто превратилась в другую форму – Нэйгэ, так что Нэйгэ фактически ограничивал императорскую власть. Автор отвергает традиционное мнение о том, что власть Нэйгэ подавлялась группой евнухов, образовавших орган Си Лицзянь (управление дворцовыми церемониями), и отмечает, что власть Нэйгэ практически всегда превышала власть евнухов.

В работе Фан Чжюаня «Структура и механизм функционирования государственной власти в династии Мин» описывается, что треугольные отношения власти между императором, евнухами и Нэйгэ

сформировались во второй половине династии Мин, когда императору не нужно было все делать самому, как в начале династии Мин, и даже была создана модель «управления ничего неделанием», вследствие чего императорская власть в этот период «подчинялась подданным настолько, насколько это когда-либо было в прошлом» [Фан Юаньчжи, 2008, с. 133]. Историк Ван Тяньюу указывает, что с середины династии Мин сформировалась особая система – «судебные обсуждения – голосование Нэйгэ – утверждение императором – опровержение Нэйгэ – исполнение» [Ван Тяньюу, 2006, с. 4], при которой Нэйгэ обладал значительным правом голоса (то есть правом составления проектов ответов на доклады знатных чиновников), а императорская власть при такой системе существенно ограничивалась.

Что касается сравнительного анализа, опубликованы статьи, посвященные сравнению Избранной рады и Негласного комитета, а также сравнению центральных органов власти России и Китая, принимавших решения [Захаров, 2022; Ван Цзюнь, 1989]. Но отдельное сравнительное исследование о Боярской думе и Нэйгэ нами не найдено.

Анализ

Перейдем к сравнительному анализу Боярской думы и Нэйгэ. Начнем с формирования этих учреждений, потом обсудим состав, функционирование и взаимоотношения с властью монарха.

Боярская дума в Руси возникла уже давно. При князе удельного периода Боярская дума представляла собой «совет главных дворцовых приказчиков, бояр, введенных по особо важным делам» [Ключевский, 1994, с. 112]. По мере повышения политического и экономического положения московского княжества, увеличения количества бояр в Москве, московская Боярская дума становится дворцовым советом по государственным делам. Несмотря на то, что в российской историографии точное время появления Боярской думы до сих пор является дискуссионным вопросом, в середине XV в., несомненно, внутри Боярской думы уже сформировался определенный механизм действия. Боярская дума в XVI в. становится одним из самых важных центральных учреждений московского правительства и продолжает выполнять эту ключевую функцию до XVIII в.

Что касается китайской государственной канцелярии – Нэйгэ, большинство историков согласны, что Нэйгэ создано в 1402 г. в качестве личного секретарского и вспомогательного учреждения монарха Чжу Ди, являвшегося третьим императором новой династии Мин. Как пишет официальный судебник Мин, «император Чжу Ди вступил на престол, назначая Се Джей, Хуан Хуай, Угуан, Ян Жун, Ян Шици, Цзинь Юйзи и Ху Янь вместе войти в кабинет Вэнь Юаньгэ и участвовать в решениях важных государственных дел, так и называется Нэйгэ» [Чжан Тинюй, 1974, с. 76]. Существует и

другое мнение о появлении Нэйгэ: «Организация Нэйгэ на самом деле сформирована в 1382, когда императором Чжу Юаньчжаном был создан чин канцлера (Да Сюэши), члены которого являлись советниками императора» [Чжан Цзучжэн, 1984, с. 56]. Нельзя не согласиться с ученым Тань Тяньсином о том, что учреждение, созданное в 1382 году, было «консультативной должностью при внутреннем дворе, в то время как Нэйгэ, созданное в 1402 году, было властной структурой, позволявшей участвовать в принятии решений» [Тэнь Тяньсин, 1996, с. 11]. Помимо передачи Нэйгэ части полномочий императора, целью создания Нэйгэ было также заручиться поддержкой ортодоксальной конфуцианской бюрократии и таким образом более эффективно укрепить централизованную власть монарха.

Очевидно, что как Боярская дума, так и Нэйгэ были созданы государями как вспомогательные и совещательные органы.

Как отмечал В. О. Ключевский, в XVI веке в Боярскую думу входили три главных чина, составлявших иерархию думы – бояре, окольные и думные дворяне. Бояре являлись выходцами преимущественно из титулованных княжеских родов и некоторых старинных московских боярских родов без титулов. Окольными служили московские бояре и удельные бояре из других княжеств. Думное дворянство состояло из служилых лиц смешанного класса – представителей обедневших старинных московских родов, мас-

сы пришлого удельного боярства, даже частью титулованного. Следует отметить, что эти три социальные группы не были замкнутыми, думные дворяне могли дослужиться до окольных, а окольные также могли стать боярами, однако, чиновная иерархия думных людей по-прежнему «была тесно связана с генеалогической иерархией» [Ключевский, 1994, с. 230-231]. Звание думного человека не было наследственным по закону, оно давалось по назначению государя, хотя в принципе «государево назначение согласовалось с аристократическим порядком лиц и фамилий, установившимся в боярской среде» [Ключевский, 1994, с. 316].

При рассмотрении нашей темы также нельзя не обратить внимание на Избранную раду, существовавшую с 1549 по 1560 гг. Вопрос об отношениях между Бояркой думой и Избранной радой является дискуссионным. Н. П. Загоскин и В. О. Ключевский считали, что термин «Избранная рада» использовался князем А. Курбским и означает «не что иное, как Государеву (то есть Боярскую) думу, но очищенную и обновленную в своем составе» [Гробовский, 1987, с. 31]. Также существует мнение, что «состав Избранной рады не совпадал ни с Боярской, ни с Ближней думой, а представлял собой частный кружок добродетельствующих друзей царя, выполнявший неофициально функции правительства» [Платонов, 1998, с. 55]. Мы поддерживаем точку зрения С. В. Бахрушина, что

Избранная рада просто синоним Ближней думы, являвшейся частью Боярской думы, но «в состав Избранной рады входили не все члены Ближней думы, а только часть ее» [Захаров, 2022, с. 30], так как польское слово «Рада» интерпретировалось как «совет», «дума», «Избранная» – «особая, отборная», то есть «ближняя», а некоторые ее члены действительно не могли быть членами Боярской думы, такие как священник Сильвестр. Причина необходимости образования Ближней думы в этот период заключалась в том, что в середине XVI в. возник острый политический кризис, с которым молодой царь Иван Грозный не смог справиться. По мнению А. Курбского, представлявшего интересы бояр, «царь должен управлять государством не единолично, а совместно с представителями разных групп населения с опорой на мудрых советников, которые и составляли Избранную раду» [Захаров, 2022, с. 22]. В Избранную раду были включены такие влиятельные советники, как костромской дворянин А. Ф. Адашев, священник Благовещенского собора Кремля Сильвестр и князь А. Курбский. А. Ф. Адашев, с одной стороны, был дальним родственником Захарьиных – новых родственников царя и «Алексей появляется при дворе в связи с женитьбой шестнадцатилетнего царя Ивана на Анастасии Захарьиной-Юрьевой» [Кузьмин, 2003, с. 236], а с другой – он был другом детства Ивана IV и всегда находился рядом с царем.

Выйдя из боярской семьи, Сильвестр стал духовником юного царя и его положение резко повысилось в связи с глубоким психологическим надломом царя. Очевидно, что Ближняя дума состояла из представителей княжеско-боярских кругов, которые одновременно представляли собой близких людей царя.

Итак, состав Ближней думы вполне зависел от воли царя, а выбор членов Боярской думы во многом зависел не от личной оценки, а от аристократического старшинства. Но ни Боярская дума, ни Избранная рада не относились к бюрократическим органам.

В отличие от Боярской думы, Нэйгэ представлял собой орган бюрократический и в династии Мин существовали три пути к входу в Нэйгэ. Во-первых, император имел право непосредственно назначать чиновников в Нэйгэ. Наиболее часто это происходило при царствовании императора Чжу Ди. Во-вторых, девять министров совместно с шестью отделениями и тринадцатью департаментами вместе могли также выбирать кандидатов. Если было открыто одно вакантное место, то обычно выбирали двоих, а затем просили императора о назначении. Кандидаты, будущие члены Нэйгэ, чаще всего относились к самым образованным людям того времени, которые с детства были знакомы с конфуцианским учением. Во второй половине XVI в. формируется механизм выборов членов Нэйгэ – никто не будет принят в Академию Ханьлинь (*учре-*

ждение в императорском Китае, которое выполняло функции императорской канцелярии, комитета по цензуре и литературе, идеологического комитета, управления высшей школы, библиотеки и др.), если он не поступил в Цзин Ши (*высшая учёная степень в системе государственных экзаменов Кэцзюй в императорском Китае*), и никто не будет принят в Нэйгэ, если он не член Академии Ханьлинь.

Сравнительный состав данных центральных учреждений сводится к тому, что Боярская дума состояла из представителей аристократии, которые по традиции предпочитали управление государством вместе с великим князем вместо подчинения государю. Они проводили некоторые реформы, добиваясь успехов не только во внутренней политике, но и во внешней. Хотя они номинально только государевы советники, на самом деле у них в руках больше власти. А те, которые входили в Нэйгэ, зачастую происходили не из знатных семей, а делали карьеру, в основном, благодаря государственным экзаменам, они представляли интересы служилого сословия и ученого класса, не имевшего реальной силы для борьбы с монархом. Но не только китайское служилое сословие, но и русское боярство были консервативны по своей природе, с той лишь разницей, что первые находились под влиянием конфуцианской идеи «преданности монарху и патриотизма», а вторые настаивали на сохранении порядков удельной старины.

Что касается функций двух анализируемых учреждений, то в основном они носили совещательный характер, однако, их фактические роли в государственной власти, несомненно, разные. При царствовании Ивана III Боярская дума была создана как высший государственный орган, на которую возлагались управление, судебная, законосовещательная и дипломатическая функции. Дума решала важные государственные дела. Согласно Судебнику 1497 года, «лета 7006-го месяца септемвриа уложил князь великий Иван Васильевич всея руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим» [Судебник 1497 года, 1984, с. 54]. Также по статье Судебника 1550 года, «А кто к которому боярину, или к дворецкому, или к казначею, или к дьяку придет жалобник его приказу, и ему жалобников своего приказу от себя не отсылати... а которому будет жалобнику без государева ведома, управы учинити не мочно, ино челобитье его сказати царю государю» [Судебник 1550 года, 1984, с. 98]. Видимо, с конца XV в. царь и Боярская дума являлись высшими законодательными и судебными инстанциями. Когда приказные дьяки не могли решать сложные дела по причине отсутствия прямого указания на то, какое наказание следует назначить, или существовали разногласия у дьяков, то дьяки были должны сделать доклад и передать в Боярскую думу. Рассмотрев доклад, Боярская дума проводила обсуждение в присут-

ствии монарха, который и утверждал окончательный приговор.

Подобно тому, как Боярская дума участвовала в решении главных государственных дел, Нэйгэ также являлся неотъемлемой частью в процессе решения государственных дел. Функции Нэйгэ заключались в следующем: во-первых, это право на составление проектов ответов на доклады чиновников – «одно из важнейших полномочий Нэйгэ, которое постепенно превратилось в исключительное полномочие Нэйгэ в XVI веке» [Тэнь Тяньсин, 1996, с. 43-44]. Просмотрев доклад на высочайшее имя, государь выдавал их Нэйгэ для составления проектов ответов на доклады и решал принять ли проекты.

Во-вторых, это право на составление императорских указов. Если взгляды членов Нэйгэ не совпадали или даже противоречили взглядам императора, то Нэйгэ отказывался составлять проекты указов, в начале XVI века таких примеров было немало. Это фактически ограничивало власть государя. «По своей сути Нэйгэ был не чисто секретарским органом, а ветвью власти, так что секретарская работа по составлению указов обязательно имела властное значение» [Тэнь Тяньсин, 1996, с. 52]. Но следует подчеркнуть, что в большинстве случаев Нэйгэ покорно следовал за волей императора. В-третьих, право советовать, то есть члены Нэйгэ давали советы императору во всех сферах государственных дел, главным образом в военных и государственных.

В-четвёртых, право на участие или ведение заседаний, право на участие в правосудии. Нэйгэ председательствовал на заседаниях, а итоги заседаний представлялись императору для окончательного решения. В период расцвета власти Нэйгэ реализация или исполнение национального законодательства и судебная деятельность были подчинены контролю Нэйгэ. Например, в 1577 году император хотел объявить амнистию в связи с предстоящей свадьбой, но ему воспротивился главный секретарь Нэйгэ Чжан Цзючжэн, государь в итоге выслушал советы Чжана и вынес тяжёлый приговор заключенным.

Перейдем к последнему вопросу: взаимоотношения анализируемых органов с властью монарха.

В XV и XVI веках постепенно формировалось единое Российское государство и усиливалась централизация власти в Москве, а также сохранилась традиция, что великий князь управляет государством с его советниками – членами Боярской думы, представляющей интересы удельных князей и бояр. В целом в XVI веке отношения между царской властью и властью бояр были примером взаимного сотрудничества и ограничений. При Иване III был проведен ряд реформ, направленных на укрепление самодержавной власти. Например, «бояре стали присягать великому князю на верность, подтверждая её клятвенными грамотами», «создается высший государственный орган – Боярская дума» [Моисеев, 2015, с. 46-

47]. В этот период великий князь и Боярская дума во многом находились в сотрудничестве и гармонии.

После смерти Василия III престол был передан Ивану Васильевичу. Молодость и слабость нового государя неизбежно привели к усилению боярской власти, к появлению боярского правления в 1538-1547 гг. В 1547 г. Иван IV бы венчан на царство и приступил к укреплению своей власти, ввиду этого власть Боярской думы постепенно ослабла, это связано с следующими событиями. Во-первых, появилась Избранная рада, во-вторых, созывался Земский собор, состоявший из царя, Боярской думы, духовенства, дворянства и др. С тех пор все важнейшие решения государства должны были утверждаться Земским собором. Цель создания Земского собора заключалась в том, что Иван Грозный попытался отнять власть у Боярской думы через поддержку дворян. В-третьих, была введена политика опричнины. Иван Грозный выделил из всей территории страны в свой удел богатые районы, а остальные отдаленные и глухие территории он вручил Боярской думе. Бояре были вынуждены покидать родные земли и переезжать в бедные районы. С помощью семилетней опричнины Иван Грозный укрепил свою власть как монарх, с одной стороны, экономическое и политическое положение бояр было расшатано, с другой. «Опричнина, несмотря на ее в целом отрицательный характер, покончила с самостоятельностью отдельных князей-вотчинников»

[Моиссеев, 2015, с. 67]. В политике опричнины отразилась попытка царя устранить ограничение Боярской думой царской власти. По окончании опричнины Боярская дума сохранилась и продолжала действовать как высший государственный орган, при Грозном родовые боярские интересы не были уничтожены окончательно, и Годунов продолжал дело Грозного, укрепляя «государственность» путем борьбы с боярством [Павлов, 1850, с. 24].

Как Боярская дума, добившаяся в середине XVI в. пика государственной власти и получившая сильный удар с проведением ряда реформ и опричнины, китайский Нэйгэ также пережил разные периоды. Нельзя не согласиться с мнением китайского историка Ван Тянью о периодизации развития власти Нэйгэ. Он считает, что оформление и развитие Нэйгэ прошло длительный период и в целом может быть разделено на следующие этапы: 1) период бутонизации (1380-1402 гг.), 2) период создания (при царствовании Чжу Ди 1402-1424 гг.), 3) период развития (1424-1520 гг.), 4) период пика развития власти (1520-1580 гг.), 5) период упадка власти (конец XVI века – падение династии Мин) [Ван Тяньюй, 1992].

Следует отметить, что Нэйгэ был продуктом развития императорской власти. Поскольку стремлением императора было добиться абсолютного самодержавного правления, император династии Мин упразднил должность Цзай Сянь и

Нэйгэ носил только секретарский и совещательный характеры вначале его создания. Несомненно, что власть Нэйгэ постоянно получал от своего монарха и, соответственно, члены Нэйгэ всегда служили монарху с преданностью. Тем не менее, Нэйгэ в определенной степени ограничивал императорскую власть, в особенности на пике его развития (1520-1580 гг.). Например, полномочия императора по утверждению ответов на доклады чиновников в принципе не могли выходить за рамки проектов ответов на доклады, составившихся членами Нэйгэ, и после принятия решения императором проекты ответов на доклады становились исполнительными указами. Члены Нэйгэ имели право откровенно выражать свои взгляды на любые события, к которым император должен был серьезно относиться. Причина этого ограничения состоит в том, что Нэйгэ был важной частью системы, принимающей решения и его члены были высшими представителями конфуцианской бюрократии, находившимися под влиянием коллективного сознания сословия Ши. Игнорирование их взглядов могло привести к серьезному политическому кризису. Нэйгэ мог выступать с предложениями в тех случаях, когда император действовал против монархических устоев, и мог использовать нормы предков и принципы идеального образа монарха для регулирования поведения императора. Отставка членов Нэйгэ

также использовалась для сдерживания императорской власти.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование приводит к следующим выводам: во-первых, Боярская дума и Нэйгэ были созданы как совещательные органы. В Московской Руси Боярская дума была сформирована в условиях нового государственного объединения, когда княжеская власть не была так крепка, а Нэйгэ был учрежден в системе высокоразвитой монархии, когда императоры, по сравнению с московскими великими князьями, обладали большей властью. Во-вторых, оба органа принимали участие в решении государственных дел и более или менее ограничивали государеву власть, но составы данных учреждений отличались друг от друга. Выбор членов, входящих в Боярскую думу, был основан на местничестве, замкнутом для простых людей, а в Нэйгэ – на системе государственных экзаменов

Кэцзюй, в которых участвовали в принципе все сословия. В-третьих, как Боярская дума, так и Нэйгэ носили консервативный характер, дума представляла интересы аристократии, стремившейся сохранить старину и обеспечивать свои привилегии. Поскольку «само боярство не приводило в XVI в. никакого плана государственного устройства, достаточно обеспеченного в смысле своих притязаний» [Ключевский, 1994, с. 273], боярство упустило возможность вместо царя встать у власти в смутное время. Нэйгэ представлял интересы сословия Ши, находившегося под влиянием идеологии «лояльность по отношению к императору и любовь к отчизне» [Ключевский, 1994, с. 273]. В-четвёртых, и в Боярской думе, и в Нэйгэ существовали влиятельные фигуры, которые возглавили проведение прогрессивных реформ в разных сферах общества, такие как А. Ф. Адашев, Чжан Цзучжэн.

Библиографический список

1. Ван Тяньюй Четыре вопросы о статусе истории династии Мин // Дискуссия и записки о истории династии Мин и Цин №7. Пекин : Изд-во Запретного города, 2006. 429 с.
2. Ван Тяньюй Исследование государственных органов при династии Мин. Пекин : изд-во Пекинского университета, 1992. 280 с.
3. Ван Цзюнь Сравнение центральных определяющих политику органов России до революции и Китая при династии Мин / Ван Цзюнь, Юй Цинвэнь // Стремление правды. 1989. №2. С. 31-35.
4. Гробовский А. Н. Иван Грозный и Сильвестр (История одного мифа). Лондон, 1987. 206 с.
5. Загоскин Н. П. История права Московского государства, Т. 2. Москва : Книга по Требованию, 2015. 166 с.
6. Захаров В. Ю. Избранная Рада и Негласный Комитет: сравнительный анализ / В. Ю. Захаров, В. А. Волков // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13, № 2. С. 22-43.

7. Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV-XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. Москва : Наука, 1958. С. 40-87.
8. Ключевский В. О. Боярская дума древней руси. Москва : Ладомир, 1994. 570 с.
9. Кошелева О. Е. Историки XIX века о Боярской думе и боярстве в Московском государстве // Canadian-American slavic studies. 2018. №52. P. 411–432.
10. Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Москва : ВЛАДОС, 2003. 464 с.
11. Моисеев В. В. История государственного управления России: учебное пособие. Москва : КНОРУС, 2015. 438 с.
12. Павлов П. Об историческом значении царствования Бориса Годунова. Санкт-Петербург : Тип. и лит. И. Паульсона и К°, 1863. 155 с.
13. Платонов С. Ф. Иван Грозный. Москва : УРАО, 1998, 224 с.
14. Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2 / отв. ред. тома А. Д. Горский. Москва : Юрид. лит-ра, 1984. 520 с.
15. Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2 / отв. ред. тома А. Д. Горский. Москва : Юрид. лит-ра, 1984. 520 с.
16. Тэнь Тяньсин Политика Нэйгэ при династии Мин. Пекин : Издательство общественных наук Китая, 1996. 284 с.
17. Фан Юаньчжи Институты государственной власти и оперативные механизмы при династии Мин. Пекин : Наука, 2008. 402 с.
18. Цянь Мую Очерк истории Китая. Т.1. Пекин : Коммерческая пресса, 2008. 510 с.
19. Чжан Цзучжэн Сборник произведений Чжан Цзучэн. Шанхай : Изд-во древней литературы, 1984. 613 с.
20. Чжан Тинъюю История Минской династии. Пекин : Китайское книгоиздательство, 1974. 8642 с.

Reference list

1. Van Tjan'juj. Chetyre voprosy o statuse istorii dinastii Min = Four questions about the status of the history of the Ming dynasty // Diskussija i zapiski o istorii dinastii Min i Cin №7. Pekin : Izd-vo Zapretnogo goroda, 2006. 429 s.
2. Van Tjan'juj. Issledovanie gosudarstvennyh organov pri dinastii Min = A study of government bodies under the Ming Dynasty. Pekin : izd-vo Pekinskogo universiteta, 1992. 280 s.
3. Van Czjun' Sravnenie central'nyh opredel'ajushhih politiku organov Rossii do revoljucii i Kitaja pri dinastii Min = Comparison of the central policy-making bodies of Russia before the revolution and China under the Ming dynasty / Van Czjun', Juj Cinvjen' // Stremlenie pravdy. 1989. №2. S. 31-35.
4. Grobovskij A. N. Ivan Groznyj i Sil'vestr (Istorija odnogo mifa) = Ivan the Terrible and Sylvester (History of one myth). London, 1987. 206 s.
5. Zagoskin N. P. Istorija prava Moskovskogo gosudarstva = History of the law of the Moscow state, T. 2. Moskva : Kniga po Trebovaniju, 2015. 166 s.

6. Zaharov V. Ju. Izbrannaja Rada i Neglasnyj Komitet: sravnitel'nyj analiz = Elected Rada and Unspoken Committee: comparative analysis / V. Ju. Zaharov, V. A. Volkov // Lokus: ljudi, obshhestvo, kul'tury, smysly. 2022. T. 13, № 2. S. 22-43.
7. Zimin A. A. Sostav Bojarskoj dумы v XV-XVI vekah = Composition of the Boyar Duma in the XV-XVI centuries // Arheograficheskij ezhegodnik za 1957 god. Moskva: Nauka, 1958. S. 40-87.
8. Kljuchevskij V. O. Bojarskaja duma drevnej rusi. = Boyar Duma of Ancient Russia Moskva : Ladomir, 1994. 570 s.
9. Kosheleva O. E. Istoriki XIX veka o Bojarskoj dume i bojarstve v Moskovskom gosudarstve = Moskovskom gosudarstve XIX century historians about the Boyar Duma and boyars in the Moscow state // Canadian-American slavic studies. 2018. №52. P. 411–432.
10. Kuz'min A.G. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon do 1618 g. = The history of Russia from ancient times to 1618 Moskva : VLADOS, 2003. 464 s.
11. Moissev V. V. Istorija gosudarstvennogo upravlenija Rossii = History of public administration of Russia : uchebnoe posobie. Moskva : KNORUS, 2015. 438 s.
12. Pavlov P. Ob istoricheskom znachenii carstvovanija Borisa Godunova = On the historical significance of the reign of Boris Godunov Sankt-Peterburg : Tip. i lit. I. Paul'sona i K^o, 1863. 155 s.
13. Platonov S. F. Ivan Groznyj = Ivan the Terrible. Moskva : URAO, 1998, 224 s.
14. Sudebnik 1497 goda = Sudebnik of 1497 // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9-ti t. / Pod obshh. red. O.I. Chistjakova. T. 2 / Otv. red. toma A.D. Gorskij. Moskva : Jurid. lit-ra, 1984. 520 s.
15. Sudebnik 1550 goda = Sudebnik of 1550 // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9-ti t. / pod obshh. red. O. I. Chistjakova. T. 2 / Otv. red. toma A.D. Gorskij. Moskva : Jurid. lit-ra, 1984. 520 s.
16. Tjen' Tjan'sin. Politika Njejjje pri dinastii Min = Ten Tianxing. Neige politics under the Ming Dynasty. Pekin : Izdatel'stvo obshhestvennyh nauk Kitaja, 1996. 284 s.
17. Fan Juan'chzhi. Instituty gosudarstvennoj vlasti i operativnye mehanizmy pri dinastii Min = Institutions of state power and operational mechanisms under the Ming Dynasty. Pekin : Nauka, 2008. 402 s.
18. Cjan' Muju. Ocherk istorii Kitaja = Essay on the history of China. T.1. Pekin : Kommercheskaja pressa, 2008. 510 s.
19. Chzhan Czuchzhjen. Sbornik proizvedenij Chzhan Czuchjen = Collection of works by Zhang Zucheng. Shanhaj : Izd-vo drevnej literatury, 1984. 613 s.
20. Chzhan Tinjuju Istorija Minskoj dinastii = History of the Ming Dynasty. Pekin : Kitajskoe knigoizdatel'stvo, 1974. 8642 s.

Статья поступила в редакцию 07.01.2023; одобрена после рецензирования 31.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.
The article was submitted on 07.01.2023; approved after reviewing 31.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023

ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Научная статья

УДК 316.42

DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_133

EDN: HNNVQQ

Изучение русского языка детьми соотечественников за рубежом: потребность, реальность, перспективы

Александр Станиславович Хромых^{1✉}, Роман Игоревич Котов²,
Дмитрий Николаевич Веретенников³, Екатерина Шамильевна Курбангалеева⁴

¹Кандидат исторических наук, доцент, специалист по учебно-методической работе, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва.

²Проректор по педагогическим программам, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва.

³Кандидат политических наук, заместитель директора, Научно-исследовательский центр «Особое мнение», г. Москва.

⁴Директор, Научно-исследовательский центр «Особое мнение», г. Москва

¹khromikh-alex@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3471-7141>

²rkotov@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-988X>

³dmitry@minrep.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9923-4522>

⁴ekaterina@minrep.ru, orcid.org/0000-0003-3180-7651

Аннотация. На основании проведенных фокус-групп с русскоязычными участниками в Германии, Турции, Франции и Хорватии, выразившими заинтересованность в обучении своих детей русскому языку, проанализированы существующая потребность в изучении русского языка, мотивация, степень и способы ее удовлетворения, а также возможные перспективы развития русскоязычного школьного образования в Европе.

Рассмотрена специфика каждой из вышеуказанных стран в контексте особенностей, условий, способов и форматов обучения русскому языку детей разного возраста, позиция и отношение государств к билингвальному образованию.

Установлено, что языковая и социально-культурная среда вокруг детей участников исследования не способствует овладению русским языком, а зачастую и препятствует ему, что может привести к утрате русской речи. В этой связи определяющим мотивом обучения становится желание родителей воспрепятствовать

© Хромых А. С., Котов Р. И., Веретенников Д. Н., Курбангалеева Е. Ш., 2023

утрате детьми связи с исторической родиной и ее культурой, а также необходимость обеспечить им максимально широкое «окно возможностей» в контексте потенциально связанного с Россией будущего.

В то время как в столицах рассмотренных стран существует достаточно возможностей для изучения детьми русского языка (от школ выходного дня до частных школ с полным циклом обучения на двух языках), жителям небольших городов остается полагаться только на свои силы и на онлайн-обучение.

В целом в качестве наиболее востребованных вариантов дополнительного изучения русского языка были названы онлайн-уроки русского языка и литературы, проводимые российскими преподавателями, и организация при поддержке России специальных уроков по этим дисциплинам в местных государственных школах, которые могли бы вести местные русскоязычные преподаватели, а также открытие в отдельных крупных городах очных русскоязычных школ, обучающихся по российской программе и выдающих российский аттестат.

Ключевые слова: образование; русский язык; русскоязычное образование; образование в Европе; изучение русского языка; русская культура; русский язык для детей; билингвальное образование; языковой экзамен

Статья подготовлена в рамках гранта на реализацию МГИМО МИД России программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

Для цитирования: Хромых А. С., Котов Р. И., Веретенников Д. Н., Курбангалеева Е. Ш. Изучение русского языка детьми соотечественников за рубежом: потребность, реальность, перспективы // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 133-147. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_133. <https://elibrary.ru/HHNVQQ>.

THEORY, METHODS AND ORGANIZATION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Original article

Studying the russian language by children of compatriots abroad: need, reality, prospects

Alexander S. Khromikh¹✉, Roman I. Kotov², Dmitry N. Veretennikov³,
Ekaterina S. Kurbangaleeva⁴

¹Candidate of historical sciences, associate professor, specialist in educational and methodological work, Moscow state institute of international relations (University) of the Ministry of foreign affairs of the Russian Federation, Moscow.

²Vice rector for pedagogical programs, Moscow state institute of international relations (University) of the Ministry of foreign affairs of the Russian Federation, Moscow.

³Candidate of political sciences, deputy director, Research center “Special Opinion”, Moscow.

⁴Director, Research center “Special Opinion”, Moscow

¹khromikh-alex@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3471-7141>

²rkotov@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-988X>

³dmitry@minrep.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9923-4522>

⁴ekaterina@minrep.ru, orcid.org/0000-0003-3180-7651

Abstract. Based on focus groups conducted with Russian-speaking participants in Croatia, France, Germany, and Turkey, who expressed interest in their children being taught the Russian language, the existing need for learning the Russian language was analyzed, as well as motivation, level, and ways of satisfying this need and possible prospects for the development of Russian-language school education in Europe.

It has been established that the linguistic and sociocultural environment around the children of the study participants does not foster mastering the Russian language, and often even hinders it, which may lead to the loss of Russian speech. In this regard, the determining motive for learning Russian is the desire of parents to prevent children from losing touch with their historical homeland and its culture, as well as the need to provide them with the widest «window of opportunity» in the context of a future that could be potentially connected with Russia.

While there are enough opportunities for children to learn the Russian language in the capitals of the above-mentioned countries (from weekend schools to private schools with a full cycle of education in two languages), residents of small towns can only rely on themselves and online learning.

In general, online classes of the Russian language and literature conducted by Russian teachers and the arrangement, with the support of Russia, of special lessons in these disciplines in local public schools, which could be taught by local Russian-speaking teachers, were named the most popular options for additional study of the Russian language.

Keywords: education; russian language; education in russian; education in Europe; russian language learning; russian culture; russian language for children; bilingual education; language exam

The article was prepared as part of a grant for the implementation of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in the strategic academic leadership program “Priority 2030”

For citation: Khromikh A. S., Kotov R. I., Veretennikov D. N., Kurbangaleeva E. S. Studying the russian language by children of compatriots abroad: need, reality, prospects. *Social and political researches*. 2023;1(18):133-147. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_133. <https://elibrary.ru/HNNVQQ>.

Актуальность

В контексте процессов современной глобализации массовые миграции населения из одной страны в другую стали характерным явлением мирового развития последних десятилетий. После распада СССР с 1991 по 2021 год выехало за пределы Российской Федерации примерно 7,5 млн наших сограждан. В

целом же по приблизительным подсчетам количество русскоговорящих людей за рубежом в настоящее время составляет 112 млн. Согласно современным статистическим исследованиям, русский язык по распространенности занимает восьмую строчку в мире (258 млн человек говорит на русском языке) после английского, китайского, хинди,

Изучение русского языка детьми соотечественников за рубежом: потребность, реальность, перспективы

испанского, французского, арабского и бенгали. [Должикова, 2021]. Однако, в настоящее время вызывает тревогу неуклонное снижение статуса русского языка в мире, сокращение общей численности людей, владеющих русским языком в Европе, Азии, Америке, Австралии [Вызовы и перспективы ... , 2021]. В контексте данной негативной тенденции особую значимость приобретают исследования, проводимые в фокус-группах русскоязычных родителей проживающих за рубежом, ставящих своей задачей определить основные мотивы и потребности в изучении русского языка, а также наиболее приемлемые и удобные формы занятий русскоязычными предметами.

Обзор исследований

В современной научной литературе можно выделить несколько направлений в изучении процесса распространения русского языка за рубежом. Работы первого направления посвящены изучению методики, способам и формам преподавания русского языка за рубежом [Бердичевский, 2014; Железнякова, 2020; Русский язык для... 2009; Хамраева, 2014]. Вторая группа работ посвящена особенностям процесса организации преподавания русского языка и создания русских школ за рубежом. [Гужеля, 2019; Протасова, 2010; Рыжук, 2022]. Отдельно можно выделить работы зарубежных исследователей, посвященные особенностям изучения русского языка иноязычной аудито-

рией [Bergmann, 2015; Krichevskaya, 1992]. В последнее время появляются публикации, связанные с исследованием нового аспекта распространения русского языка за рубежом – изучение специфики целевой аудитории русских школ. Интерес представляет собой исследование М. М. Акулич, посвященное русскоязычным экспатам в странах Ближнего Востока [Акулич, 2019]. Подробно освещается проблема запросов на русскоязычное образование за рубежом от экспатов в комплексном исследовании действующих практик функционирования русских школ за рубежом, которое в 2021 году проводило МГИМО и Министерство просвещения Российской Федерации [Комплексное исследование ... , 2021]. В контексте углубления данных научных работ, построено исследование, приведенное в данной статье.

Методы исследования

В период с 11 по 18 декабря 2021 года было проведено 6 фокусированных групповых онлайн-интервью с 44 респондентами из Франции, Германии, Хорватии, Турции. Онлайн-интервью были посвящены изучению мотивов и возможностей обучения русскоязычными родителями, проживающими за границей в странах Европы, своих детей русскому языку

Критериями отбора участников служило наличие детей дошкольного или школьного возраста, а также изучение ими русского языка в до-

школьных или школьных учреждениях, или на индивидуальной основе с профессиональными педагогами. Абсолютное большинство участников составляли женщины. Исключением был один мужчина, присутствовавший в берлинской группе.

Информация, содержащаяся в статье, изложена только на основе материала, собранного во время проведенных фокус-групп, не проходила процедуру верификации и не дополнялась на основе кабинетного, количественного или других методов исследований.

Общение на русском языке

Большинство участников фокус-групп составляли представительницы русскоязычных семей, имеющие русскоязычного мужа. Такие семьи, как правило, практиковали внутрисемейное общение на русском языке, поэтому их дети тоже свободно разговаривали на русском, но не владели грамотной русской письменной речью.

Гораздо более интересным представляется феномен плохого владения русским языком ребенком из семьи, где оба родителя русскоговорящие. В это трудно поверить, но на фокус-группах участники говорили о такой проблеме.

Несмотря на стремление обучать русскому языку своих детей, только часть представителей полностью русскоязычных семей рассматривали для себя возможность вернуться в Россию. Другая, ничуть не меньшая, часть полагала, что они навсе-

гда или, по крайней мере, надолго связали себя со страной нынешнего проживания. В числе участников были и такие, кто был готов переехать в другую страну, но только не в Россию.

Несмотря на стремление многих участников проведенных фокус-групп не возвращаться в Россию, никто из них не собирался менять свою национальную идентичность. Однако при этом часть мам не стремились сформировать у своего ребенка ощущение того, что он русский, причем это касалось даже детей из полностью русских семей. Во многом это связано с заметным отторжением подростковым социумом детей-иностранцев и стремлением избежать такого отторжения.

В смешанных семьях в плане общения на русском языке складывался достаточно широкий спектр вариантов: от полного отказа от русского языка до общения ребенка с родителями на родных для них языках. Выбор модели общения в таких семьях зависел, как правило, хотя бы от небольшого знания мужем русского языка, а также от статусно-ролевых позиций супругов и связанного с этим желания или нежелания мужа уважать национальную идентичность жены, формирующего добавляющуюся в дальнейшем к этим факторам позицию ребенка.

Социальное окружение тоже зачастую негативно относится к тому, что дети говорят на другом языке. Такое давление остро переживается как детьми, поскольку они гораздо

хуже психологически защищены от подобного давления, так и их мамами, которые чувствуют психологическую травму из-за того, что даже их ребенок не говорит с ними на родном для них языке.

Вместе с тем, даже несмотря на указанные обстоятельства, осложняющие образовательную миссию русских женщин, многие участники были заинтересованы в том, чтобы их ребенок обладал мультинациональной идентичностью, и все участники без исключения очень хотели, чтобы их ребенок знал русский язык, и знал его достаточно хорошо.

Основным определяющим мотивом к обучению детей русскому языку является вероятность возвращения родителей в Россию, связанная с необходимостью быстрой социальной адаптации ребенка после возвращения к новой для него среде.

Менее важным мотивом является наличие оставшихся в России родственников, с которыми ребенок, по мнению обоих родителей или хотя бы мамы, должен контактировать. На мотивацию родителей влияет и их убежденность в том, что знание языков заметно расширяет возможности ребенка в выборе своего жизненного пути. И, наконец, в этой связи многие мамы маленьких детей думают о том, что ребенок мог бы продолжить образование в России, где оно зачастую лучше, чем в стране их проживания.

Обучение детей русскому языку в учебных заведениях

Во всех странах, охваченных исследованием, имеются специализи-

рованные заведения, в которых детей дошкольного и младшего школьного возраста обучают русскому языку. Они принимают разные формы даже в одной стране и тем более различаются в разных странах, но суть у них одна: родители один-два раза в неделю привозят своих детей в определенное место, где специальный учитель занимается с ними русским языком. Такие занятия – наиболее распространенный формат дополнительного обучения детей русскому языку.

В пандемию работа большинства указанных школ перешла в онлайн-формат, что у части родителей не вызвало воодушевления, а часть, наоборот, обрадовало, поскольку это сильно сэкономило их время. В целом же родители относились к онлайн-обучению неплохо, если это обучение: а) было недолгим и б) велось хорошим учителем на качественной платформе.

Во Франции такие школы работают по субботам, воскресеньям и по средам, когда учащиеся начальных и средних школ не учатся. Обучение чаще всего сводится к изучению русского языка в течение нескольких часов. Впрочем, в ряде школ с детьми изучают и дополнительные предметы, но это встречается намного реже [Войтенко, 2020; Бармина, 2022].

Фокус-группы помогли выявить проблемы и трудности, возникающие при посещении таких школ. Во-первых, во многих школах обучение

сводится только к дидактическому преподаванию русского языка.

Во-вторых, поскольку обучение строится на коммерческой основе, преподаватель не может заниматься с небольшим количеством детей, иначе цена стала бы непосильной для родителей. А большей наполняемостью класса можно достичь, только если в него будут включать, как разновозрастных детей, так и детей с разным уровнем владения языком. Наконец, часто значимой проблемой является удаленность школ от дома.

В Германии обучение маленьких детей русскому языку практикуется в русско-немецких детских садах, существующих в ряде городов, где проживает большое количество русскоязычных людей [Фандрих, 2020; Санько, 2019].

Кроме детских садов, в некоторых городах для дошкольников организованы школы выходного дня, которые проводятся, как правило, по субботам. Как и в других частных учебных заведениях, в каждой такой школе обучение проводится по своей собственной программе.

В школьном возрасте обучение русскому языку происходит, прежде всего, в рамках обычных немецких школ, имеющих дополнительные бесплатные (финансируемые государством) часы для двуязычных детей, куда приглашают преподаватели русского языка. Такие часы есть, конечно же, не во всех школах. При этом ребенок может учиться рядом с домом, а на уроки

русского языка специально ходить или ездить в другую школу.

Кроме обычных государственных школ, в Берлине существуют специальные русско-немецкие школы. Они предусматривают полный цикл обучения на двух языках на протяжении всего школьного возраста. В старших классах несколько предметов преподаются на русском языке.

Большая часть школ в Германии частные, с достаточно высокой стоимостью обучения. По этой причине далеко не все родители стремятся определить туда своих детей.

В Хорватии нет школ выходного дня, поскольку всех русскоязычных детей можно учить бесплатно за счет государства. Министерство образования Хорватии оплачивает два часа в неделю обучения русскому языку в рамках специально отведенных для этого общеобразовательных школ для всех детей, чьи родители хотят этого [Микулац, 2021]. Родители раз в неделю привозят своих детей, обучающихся в школах по месту жительства, в специально выделенные школы, вне которых достаточно трудно найти варианты обучения детей русскому языку. В конце этого обучения в аттестате выпускников появляется оценка, которая дает дополнительные баллы при поступлении в вуз.

Общее представление о распространении русскоязычного образования в Турции дают работы С. Н. Погодина, Х. Караджана, М. Туана и Е. Н. Туана [Погодин, 2022; Караджан, 2015]. Участники

же исследования знают о существовании в Турции ряда школ выходного дня, предлагающих обучение русскому языку. В то же время только у трех участников дети посещали такие школы. Большинство родителей обеспокоено качеством образования в них.

Необходимость в большинстве случаев тратить на дорогу большее количество времени предопределяет большую роль репетиторской системы в процессе обучения русскому языку. Часто многие родители предпочитают учить детей сами. Некоторые решаются на исключительно трудный вариант: по полной программе обучение ребенка сразу в двух школах.

Хорошим средством внешкольного обучения русскому языку являются периодические выезды с ребенком в Россию для общения с родственниками и друзьями. Альтернативой данного варианта является длительное общение по Интернету с российскими родственниками.

Все эти виды обучения – даже онлайн – весьма эффективны, поскольку в большой степени индивидуализированы. Однако существенным их недостатком является то, что результаты такого образования никак не отражаются в школьных аттестатах. А это, как выясняется, очень важно.

По мнению участников фокус-групп, владение несколькими языками, включая русский, дает свободу в выборе вуза, профессии, страны проживания.

Как выяснилось, планы детей и родителей могут не совпадать в этом вопросе. В каких-то случаях родители планируют оставаться там, где живут, а дети рассматривают возможность возвращения в Россию. В каких-то, наоборот, родители считают, что могут вернуться, а дети этого категорически не хотят.

Главная проблема обучения в старших классах – это большая нагрузка на ребенка, которая фактически не допускает его обучения в двух школах параллельно. Во Франции и в Хорватии вопрос о получении российского среднего образования не стоит так остро, поскольку аттестаты Российской Федерации и указанных стран взаимопризнаваемы. Другое дело в Германии и Турции. Российский и немецкий / турецкий аттестаты об окончании среднего учебного заведения не являются взаимопризнаваемыми. В первую очередь это связано даже не столько с разницей в учебных курсах, сколько с тем, что в Германии и Турции дети учатся на два года больше, чем в России.

Во Франции в большинстве случаев старшеклассники продолжают обучение русскому языку в рамках государственных учебных заведений. Закончив в 12 лет среднюю школу, они могут выбрать для себя недалеко от своего места жительства устраивающее их учебное заведение, где предусмотрено дополнительное изучение русского языка. Запись о сдаче экзамена по русско-

му языку заносится потом в их аттестат.

В Хорватии есть и государственные, и частные школы. Однако найти школы с преподаванием русского языка не так легко, хотя они, конечно же, существуют. Следует подчеркнуть, что поступление в такую школу возможно только на основе сдачи теста.

В Германии обучение русскому языку продолжается по ранее описанной системе и после пятого класса, когда школьников делят по уровню школ, в ходе специально выделенных для этого часов в тех государственных школах, где оно предусмотрено.

В Турции, согласно высказываниям участников фокус-групп, русский язык официально, с внесением в аттестат, массово не изучается. Невозможно и получение сразу двух аттестатов – турецкого и русского, тогда как несколько иностранных трилингвальных школ выдают турецкий и иностранный аттестаты. Даже если в школе преподают русский язык, то отведенных на это часов часто откровенно не хватает, что ведет к отсутствию прогресса.

В школах при российских посольствах помимо очной, есть заочная и очно-заочная формы обучения, позволяющие детям учиться и одновременно получать образование по российской программе.

Вопрос получения русского образования оказался непосредственно связан с возможностями

онлайн-обучения. Респонденты фокус-групп упоминали платное обучение ребенка в интернет-классах, которые вели преподаватели, многие из которых жили на родине – в России или на Украине, называли индивидуальное репетиторство, которое часто происходит онлайн. Также, некоторые дети респондентов обучались в российских школах заочно, и их родители мечтали об онлайн-обучении из России. Кроме того, имели место случаи, когда детей отправляли в Россию к родственникам, чтобы они могли окончить российскую школу, сдать ЕГЭ и поступить в российский вуз.

Следует отметить, что если получение русского аттестата заочно без посещения местных школ в Хорватии и во Франции теоретически возможно, то в Германии это невозможно ни при каких условиях, поскольку там все дети, согласно закону, обязаны посещать дневную государственную школу, причем за неисполнение этого закона полагается крупный штраф.

В исследуемых странах распространен языковой экзамен. После дополнительного изучения русского языка в Германии в школе дети сдают экзамен на знание русского языка. В обычных школах учащиеся просто пишут в конце обучения сочинение. По итогам этого сочинения школьный учитель русского языка выписывает сертификат, который прикрепляется к абитуру. Результаты экзамена учитываются как результат изучения иностранно-

го языка в немецком школьном аттестате, который необходим при поступлении в вуз.

И, конечно же, любой ребенок может сдать российский тест ТРКИ (Тест по русскому языку как иностранному) и получить соответствующий сертификат. В принципе, школьный экзамен в Германии приравнивается к ТРКИ. Тест ТРКИ можно сдать и в Хорватии.

Во Франции те, кто учит русский язык в своих школах, сдают экзамен на знание русского в этих школах. Эта оценка идет к ним в аттестат. Те, кто лишен этой возможности, могут обратиться в CNED (Centre national d'enseignement à distance) – Национальный центр дистанционного образования при Министерстве национального образования.

В Турции получение языкового сертификата не заинтересовало участников никаким образом – большинство из их детей владеют русским языком.

Многие участники фокус-групп говорили о возможности, и даже желательности онлайн-обучения детей русскому языку. Однако при обсуждении основной вопрос заключался в том, не является ли онлайн-обучение малоэффективным суррогатом обучения очного. Возможно, определенную роль в этом играло то, что качество и доступность интернета в разных странах сильно отличается.

Но многие участники фокус-групп относились к онлайн-обучению в целом положительно,

хотя и отмечали, что такое образование вряд ли может быть эффективным для маленьких детей, которые еще не могут организовать себя.

Однако если онлайн-обучение все же было безальтернативным, то с ним приходилось мириться. В дополнение к этому была озвучена мысль, что онлайн-школы ориентированы на детей продвинутых родителей, которые сделают все, чтобы замотивировать своих детей.

Фокус-группы показали наличие потребности многих россиян, переехавших жить на Запад, в русскоязычном образовании для своих детей. Но, большинство участников исследования не стремились учить детей полностью по российским программам, на это было готово лишь явное меньшинство. Многие хотели иметь школу, которая бы учила по программам страны проживания и при этом проводила бы уроки русского языка и литературы, а также, может быть, истории и страноведения.

В процессе обсуждения выявились заметные различия между странами, в которых проходили фокус-группы, в отношении возможной формы организации обучения русскому языку. Так, например, участники, живущие в Германии, в целом достаточно критично отзывались о немецкой системе обучения. В принципе, об этом же говорили и участники из других стран. Тем не менее, явное большинство участников турецкой, французской и хорватской фокус-групп идею

обучения в очной школе по российской программе не поддержали, высказавшись за расширения российского онлайн-обучения.

Таким образом, основным вектором возможного расширения русскоязычного школьного образования за рубежом, имеющим существующую неудовлетворенную потребность и перспективы развития, являются онлайн-обучение (русский язык, литература, возможно, российская история и страноведение).

Заключение

Несмотря на качественный, а не количественный характер проведенного исследования, оно доказывает наличие явно оформленной, осознанной и артикулированной потребности в организации обучения находящихся за рубежом детей из русскоязычных (полностью или частично) семей русскому языку. По мнению родителей, владение русским языком является не только важным культурологическим элементом национальной самоидентификации, который поможет их детям, как сохранить связь с исторической родиной, так и стать одним из

конкурентных преимуществ, которое предоставит им дополнительные возможности и в учебе, и в работе.

Существующие варианты удовлетворения этой потребности по разным причинам не могут в полной мере реализовать все возложенные на них ожидания, а зачастую просто недоступны. При этом в большинстве случаев для дальнейшего использования в учебе (поступление в вуз) или в работе детям необходимо формальное подтверждение знания русского языка в виде результатов языкового экзамена, который сложно сдать без глубокой предварительной системной подготовки.

С учетом высказанных участниками фокус-групп соображений, наиболее перспективными и относительно легко реализуемыми формами организации зарубежного обучения детей русскому языку являются онлайн-курсы по востребованным предметам. Эту функцию вполне могут взять на себя российские вузы, заинтересованные как в привлечении будущих студентов, так и в развитии новых форм онлайн-образования.

Библиографический список

1. Акулич М. М. Русскоязычные экспаты в странах Ближнего Востока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т.19, № 4. С.756-768. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-756-768.
2. Бармина Е. В. Актуальные проблемы изучения русского языка в билингвальных семьях во Франции / Е. В. Бармина, М. А. Слинко // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителя-филолога : материалы Международной научно-практической онлайн-конференции, посвященной 90-летию Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, 20 декабря 2021 года. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2022. С. 525-528.

3. Бердичевский А. Л. Методика РКИ в 21 веке, или как что-либо изменить, ничего не меняя // Мова. 2014. № 21. С. 227-232.
4. Войтенко С. А. Изучение русского языка как иностранного во Франции: проблемы и тенденции // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка : сборник научных трудов. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 2020. С. 89-92.
5. Вызовы и перспективы русских школ за рубежом: экспертно-аналитический доклад / Р. И. Котов, В. А. Ясвин, М. А. Пинская, А. С. Хромых. Москва : Наука, 2021. 48 с.
6. Гужеля Д. Ю. Преподавание русского языка в странах Западной Европы: содержательная и организационная специфика, направления методического сопровождения // Современное педагогическое образование. 2019. № 2. С. 95-101.
7. Должикова А. В. Российские университеты – Русской школе за рубежом: обзор лучших практик // Русская школа за рубежом: сборник докладов конференции. Берлин, 28–30 октября 2021 г. Москва : РУДН, 2021. С. 21-24.
8. Железнякова Е. А. Обучение детей русскому языку как иностранному с использованием дистанционных образовательных технологий / Е. А. Железнякова, Я. А. Попкова // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3(52). С. 454-458.
9. Караджан Х. Проблемы преподавания иностранных языков в Турции: преподавание русского языка // Лингвистика: от теории к практике: сборник статей II Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 16 апреля 2015 года. Екатеринбург : ФГАОУ ВПО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2015. С. 50-56.
10. Комплексное исследование действующих практик функционирования русских школ за рубежом, проводимого МГИМО и Министерством просвещения Российской Федерации в рамках реализации мероприятий, направленных на полноценное функционирование и развитие русского языка, ведомственной целевой программы «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации» подпрограммы «Совершенствование управление системой образования» государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» // МГИМО. URL: <https://rschools.mgimo.ru>. (Дата обращения: 12.12.2022).
11. Микулацо И. Современные модели обучения русскому языку как иностранному (хорватский опыт) // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность. Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан: Сборник статей IV Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов(отделений) вузов РФ и V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 14–16 октября 2020 года. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. С. 561-565.
12. Погодин С. Н. Распространение русского языка и русской культуры в Турции на современном этапе / С. Н. Погодин, М. Туана, Е. Н. Туана // Россия в глобальном мире. 2022. № 22(45). С.65-81. DOI 10.48612/rg/RGW.22.6.

13. Протасова Е. Ю. Зарубежные русские школы: история и современность / Е. Ю. Протасова, П. М. Родина // Русский язык в школе. 2010. №1. С. 69-75.
14. Русский язык для детей соотечественников, проживающих за рубежом / В. В. Дронов, И. В. Мальцева, В. П. Синячкин // Русский язык за рубежом. 2009. № 6 (217). С. 4-33.
15. Рыжук Н. С. Некоторые особенности обучения детей-билингвов русскому языку в условиях зарубежья // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 4. С. 78-87. DOI 10.18137/RNU.V925X.22.04.P.078.
16. Санько А. М. Русский язык в немецкой образовательной системе: анализ открытых источников / А. М. Санько, М. В. Приданова // Информационные технологии в социальной сфере: материалы VII международной научно-практической конференции, Самара, 29 ноября 2019 года. Самара: Изд-во Самарского государственного социально-педагогического университета, 2019. С. 63-67.
17. Фандрих У. К вопросу об изучении русского языка в начальной школе Германии // Здоровьесберегающие и коррекционные технологии в современном образовательном пространстве: сборник научных трудов по результатам международной научно-практической он-лайн конференции, посвященной 75-летию ООН, Магнитогорск, 27–29 апреля 2020 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2020. С. 25-28.
18. Хамраева Е. А. Детский модуль РКИ. Особенности организации русской школы за рубежом и методики преподавания русского языка // Русский язык за рубежом. 2014. № 5(246). С. 44-54.
19. Bergmann Anka. Russian as a school subject in Germany: between politics and the market // Russian Journal of Communication. 2015. 7.2. S. 236-241.
20. Krichevskaya Y. Russian: Language Competencies for Peace Corps Volunteers in Russia. Washington, USA: Peace Corps. 1992. 157 s.

Reference list

1. Akulich M. M. Russkojazychnye jekspaty v stranah Blizhnego Vostoka = Russian-speaking expats in the Middle East // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija. 2019. T.19, № 4. S.756-768. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-756-768.
  2. Barmina E. V. Aktual'nye problemy izuchenija russkogo jazyka v bilingval'nyh sem'jah vo Francii = Current problems of learning Russian in bilingual families in France / E. V. Barmina, M.A. Slin'ko // Sovremennaja jazykovaja situacija i sovershenstvovanie podgotovki uchitelja-filologa: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj onlajn-konferencii, posvjashhennoj 90-letiju Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta, Voronezh, 20 dekabnja 2021 goda. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, 2022. S. 525-528.
  3. Berdichevskij A. L. Metodika RKI v 21 veke, ili kak čto-libo izmenit', ničego ne menjaja = Russian as foreign technique in the 21st century, or how to change anything without changing anything // Mova. 2014. № 21. S. 227-232.
  4. Vojtenko S. A. Izuchenie russkogo jazyka kak inostrannogo vo Francii: problemy i tendencii = Learning Russian as a foreign language in France: problems and trends // Aktual'nye problemy romano-germanskoj filologii i metodiki prepodavanija inostran-
-
- Изучение русского языка детьми соотечественников за рубежом: потребность, реальность, перспективы* 145

nogo jazyka : sbornik nauchnyh trudov. Lipeck : Lipeckij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet imeni P.P. Semenova-Tjan-Shanskogo, 2020. S. 89-92.

5. Vyzovy i perspektivy russkix škol za rubezhom: jekspertno-analitičeskij doklad = Challenges and prospects of Russian schools abroad: expert and analytical report / R. I. Kotov, V. A. Jasvin, M. A. Pinskaja, A. S. Hromyh. Moskva : Nauka, 2021. 48 s.

6. Guželja D. Ju. Prepodavanje russkogo jazyka v stranah Zapadnoj Evropy: sodержatel'naja i organizacionnaja specifika, napravlenija metodičeskogo so-provozhdenija = Teaching the Russian language in Western Europe: informative and organizational specifics, directions of methodological support // *Sovremennoe pedagogičeskoe obrazovanie*. 2019. № 2. S. 95-101.

7. Dolzhikova A. V. Rossijskie universitety – Russkoj škole za rubezhom: obzor luchshih praktik = Russian Universities - Russian School Abroad: Overview of Best Practices // *Russkaja škola za rubezhom: sbornik dokladov konferencii*. Berlin, 28–30 oktjabrja 2021 g. Moskva : RUDN, 2021. S. 21-24.

8. Zheleznjakova E. A. Obuchenie detej russkomu jazyku kak inostrannomu s ispol'zovaniem distancionnyh obrazovatel'nyh tehnologij = Teaching children Russian as a foreign language using distance learning technologies / E. A. Zheleznjakova, Ja. A. Popkova // *Biznes. Obrazovanie. Pravo*. 2020. № 3(52). S. 454-458.

9. Karadžan H. Problemy prepodavanja inostrannyh jazykov v Turcii: prepodavanje russkogo jazyka = Problems of teaching foreign languages in Turkey: teaching the Russian language // *Lingvistika: ot teorii k praktike: sbornik statej II Mezhvuzovskoj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, Ekaterinburg, 16 aprelja 2015 goda. Ekaterinburg : FGAOU VPO Ural'skij federal'nyj universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina, 2015. S. 50-56.

10. Kompleksnoe issledovanie dejstvujushhix praktik funkcionirovanija russkix škol za rubezhom, provodimogo MGIMO i Ministerstvom prosveshhenija Rossijskoj Federacii v ramkah realizacii meroprijatij, napravlennyh na polnocennoe funkcionirovanie i razvitie russkogo jazyka, vedomstvennoj celevoj programmy «Nauchno-metodičeskoe, metodičeskoe i kadrovoe obespečenie obuchenija russkomu jazyku i jazykam narodov Rossijskoj Federacii» podprogrammy «Sovershenstvovanie upravlenie sistemoj obrazovanija» gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovanija» = A comprehensive study of the current practices of the functioning of Russian schools abroad, carried out by MGIMO and the Ministry of Education of the Russian Federation as part of the implementation of measures aimed at the full functioning and development of the russian language, the departmental target program “Scientific, methodological and personnel provision of training in the russian language and languages of the peoples of the Russian Federation” subprogram “Improving the management of the education system” of the state program of the Russian Federation “Development of Education” // MGIMO. URL: <https://rschools.mgimo.ru>. (Data obrashhenija: 12.12.2022).

11. Mikulaco I. Sovremennye modeli obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu (horvatskij opyt) = Modern models of teaching russian as a foreign language (Croatian experience) // *Dovuzovskij jetap obuchenija v Rossii i mire: jazyk, adaptacija, socium, special'nost'. Aktual'nye voprosy realizacii obrazovatel'nyh programm na podgotovitel'nyh fakul'tetah dlja inostrannyh grazhdan: Sbornik statej IV Mezhdunarodnogo kongressa*

prepodavatelej i rukovoditelej podgotovitel'nyh fakul'tetov(otdelenij) vuzov RF i V Vse-rossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 14–16 oktjabrja 2020 goda. Moskva : Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2021. S. 561-565.

12. Pogodin S. N. Rasprostranenie russkogo jazyka i russkoj kul'tury v Turcii na sovremennom jetape = The spread of the russian language and russian culture in Turkey at the modern stage / S. N. Pogodin, M. Tuana, E. N. Tuana // Rossija v global'nom mire. 2022. № 22(45). S.65-81. DOI 10.48612/rg/RGW.22.6.

13. Protasova E. Ju. Zarubezhnye russkie shkoly: istorija i sovremennost' = Foreign russian schools: history and modernity / E. Ju. Protasova, P. M. Rodina // Russkij jazyk v shkole. 2010. №1. S. 69-75.

14. Russkij jazyk dlja detej sootечestvennikov, prozhivajushih za rubezhom = Russian language for children of compatriots living abroad / V. V. Dronov, I. V. Mal'ceva, V. P. Sinjachkin // Russkij jazyk za rubezhom. 2009. № 6 (217). S. 4-33.

15. Ryzhuk N. S. Nekotorye osobennosti obuchenija detej-bilingvov russkomu jazyku v uslovijah zarubezh'ja = Some features of teaching bilingual children the Russian language in foreign countries // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek v sovremennom mire. 2022. № 4. S. 78-87. DOI 10.18137/RNU.V925X.22.04.P.078.

16. San'ko A. M. Russkij jazyk v nemeckoj obrazovatel'noj sisteme: analiz otkrytyh istočnikov = Russian language in the German educational system: analysis of open sources / A. M. San'ko, M.V. Pridanova // Informacionnye tehnologii v social'noj sfere : materialy VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Samara, 29 nojabrja 2019 goda. Samara : Izd-vo Samarskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogičeskogo universiteta, 2019. S. 63-67.

17. Fandrih U. K voprosu ob izuchenii russkogo jazyka v nachal'noj shkole Germanii = On the question of learning Russian in primary school in Germany // Zdorov'esberegajushhie i korrekcionnye tehnologii v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve : sbornik nauchnyh trudov po rezul'tatam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj on-lajn konferencii, posvjashhennoj 75-letiju OON, Magnitogorsk, 27–29 aprilja 2020 goda. Magnitogorsk : Magnitogorskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet im. G.I. Nosova, 2020. S. 25-28.

18. Hamraeva E. A. Detskij modul' RKI. Osobennosti organizacii russkoj shkoly za rubezhom i metodiki prepodavanija russkogo jazyka = Russian as foreign Children's Module. Features of the organization of the Russian school abroad and methods of teaching the Russian language // Russkij jazyk za rubezhom. 2014. № 5(246). S. 44-54.

19. Bergmann Anka. Russian as a school subject in Germany: between politics and the market // Russian Journal of Communication. 2015. 7.2. S. 236-241.

20. Krichevskaya Y. Russian: Language Competencies for Peace Corps Volunteers in Russia. Washington, USA: Peace Corps. 1992. 157 s.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 11.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023

Научная статья

УДК 316.42

DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_148

EDN: NIEJNY

**Концептуальные идеи модернизации педагогического образования
в контексте развития личностного потенциала будущего педагога**

**Екатерина Александровна Александрова¹✉, Марина Николаевна Бурмистрова²,
Татьяна Геннадьевна Фирсова³**

¹Доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой методологии образования, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

²Кандидат педагогических наук, доцент кафедры методологии образования, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

³Кандидат филологических наук, доцент, декан факультета психолого-педагогического и специального образования,

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

¹alexkatika@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-2101-7050>

²mnburmistrova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1584-1518>

³tan-firsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0493-0227>

Аннотация. В статье представлены концептуальные идеи модернизации педагогического образования в организациях высшего образования: «Вариативная динамичная открытая образовательная среда», «Полилогичная коммуникация», «Разновозрастное взаимодействие», «Развитие резилентности через спонтанную или смоделированную заранее педагогическую ситуацию», «Со-бытие порождает событие», «Поддержка индивидуальности». Предложенные идеи соотносены с федеральной политикой в области подготовки педагогических кадров для системы образования до 2030 года.

Основной ракурс предложенной модернизации – развитие личностного потенциала будущих педагогов в процессе профессионального образования. Личностный потенциал интерпретирован как отправная точка построения индивидуальной программы становления молодого специалиста, а также как маркер, согласование с которым необходимо в точках бифуркации индивидуального маршрута личностного и профессионального самоопределения.

Определена методология трансформации системы педагогического образования: контекстный, культурологический, ситуационно-событийный подходы, теория личностно-развивающего образования, идеи персонализированного образования.

Методы исследования: включённое наблюдение, анализ и обобщение практик высшего образования по направлению «Педагогическое образование».

Выдвинута гипотеза о том, что персонализации подготовки будущего педагога будет способствовать осознание и личностная интерпретация существующего опыта и создание нового опыта, усиление личностных смыслов образования.

Представлен конкретный опыт и перспективные идеи развития педагогического образования в ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».

Сделан вывод о том, что развитие личностного потенциала будущих педагогов возможно за счет создания условий для их полилогического разновозрастного взаимодействия; профессиональной подготовки к работе в ситуации неопределенности; обеспечения им выбора дополнительной специальности / квалификации; создания в образовательной среде зон / локаций личностно-профессиональных проб и практик.

Ключевые слова: личностный потенциал; персонализация профессиональной подготовки; педагогическое образование; подготовка педагогических кадров; личностное и профессиональное самоопределение; личностные смыслы образования; индивидуальный маршрут, индивидуальная программа

Для цитирования: Александрова Е. А., Бурмистрова М. Н., Фирсова Т. Г. Концептуальные идеи модернизации педагогического образования в контексте развития личностного потенциала будущего педагога // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 148-166. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_148. <https://elibrary.ru/HIEJNY>.

Original article

Conceptual ideas for the modernization of pedagogical education in the context of the development of the personal potential of a future teacher

Ekaterina A. Aleksandrova¹✉, Marina N. Burmistrova², Tatiyana G. Firsova³

¹Doctor of pedagogical sciences, professor, head of department of educational methodology, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky, Saratov.

²Candidate of pedagogical sciences, associate professor of department of education methodology, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky, Saratov.

³Candidate of philological sciences, associate professor, dean of faculty of psychological, pedagogical and special education, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky, Saratov

¹alexkatika@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-2101-7050>

²mnburmistrova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1584-1518>

³tan-firsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0493-0227>

Abstract. The article presents conceptual ideas for the modernization of pedagogical education in higher education institutions: “Variable dynamic open educational environment”, “Polylogical communication”, “Interaction of different ages”, “Development of resilience through a spontaneous or pre-modeled pedagogical situation”, “Event generates an event”, “Support for individuality”. The proposed ideas are correlated with the federal policy in the field of teacher training for the education system until 2030.

The main perspective of the proposed modernization is the development of the personal potential of future teachers in the process of professional education. Personal potential is interpreted as a starting point for building an individual program for the formation of a young specialist, as well as a marker, coordination with which is necessary at the bifurcation points of the individual route of personal and professional self-determination.

The methodology for transforming the system of teacher education is defined: contextual, cultural, situational and event-based approaches, the theory of personality-developing education, and the ideas of personalized education.

Research methods: participant observation, analysis and generalization of higher education practices in the direction of “Pedagogical education”.

A hypothesis has been put forward that the personalization of the training of the future teacher will be facilitated by the awareness and personal interpretation of the existing experience and the creation of new experience, the strengthening of the personal meanings of education.

Specific experience and promising ideas for the development of teacher education in the “Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky” are presented.

It is concluded that the development of the personal potential of future teachers is possible by creating conditions for their polylogical interaction of different ages; professional training for work in a situation of uncertainty; providing them with a choice of an additional specialty / qualification; creation in the educational environment of zones / locations of personal and professional trials and practices.

Keywords: personal potential, personalization of professional training, pedagogical education, training of pedagogical personnel, personal and professional self-determination, personal meanings of education, individual route, individual program

For citation: Aleksandrova E. A., Burmistrova M. N., Firsova T. G. Conceptual ideas for the modernization of pedagogical education in the context of the development of the personal potential of a future teacher. *Social and political researches*. 2023;1(18):148-166. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_148. <https://elibrary.ru/HIEJNY>.

Введение

Вопрос о создании педагогических условий для развития личностного потенциала педагога является актуальным, в связи с тем, что человек оказывается в многообразных ситуациях, в которых он вынужден сделать значимый выбор (экзистенциальный, аксиологический и мн. др.). Согласно исследованиям Д. А. Леонтьева, «ситуация

значимого выбора стимулирует самоопределение субъекта, его способность принять на себя ответственность за действие часто вопреки рациональному планированию, социальным давлениям, внутренним импульсам и ранее принятым решениям, перейти из режима детерминированности в режим самодетерминации» [Леонтьев, 2011, с. 21].

Согласимся, что в подобном ключе мало кто рассматривал организацию процесса педагогического образования, подчас подчиненного именно рациональному планированию и ранее принятым решениям, детерминированным различными мифологизированными установками [Зиновьева, 2018]. Вызовы времени диктуют необходимость подготовки педагога, способного работать именно в режиме самодетерминации, поэтому при организации образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования следует делать опору на личностный потенциал студентов, поскольку именно «личностный потенциал помогает осуществлять необходимые изменения, когда они должны быть осуществлены» [Леонтьев, 2016, с. 27].

Мы полагаем, что личностный потенциал как ресурс персонального и профессионального развития будущего педагога формируется в ситуациях бифуркации жизненного пути и трудовой деятельности, в ситуациях неопределенности, в эмоционально окрашенных ситуациях, в кризисных и/или конфликтных ситуациях и внешне проявляется через его поведение, в том числе через эмоциональные реакции и жизнестойкость. Именно личностный потенциал является отправной точкой, из которой начинается выстраиваться индивидуальная программа личностного и профессионального становления молодого специалиста. Вместе с тем,

личностный потенциал является маркером, согласование с которым необходимо в определенных точках бифуркации индивидуального маршрута личностного и профессионального самоопределения.

В рамках данной статьи предлагаем концептуальные идеи модернизации педагогического образования в контексте развития личностного потенциала будущего педагога.

Методы и подходы к исследованию

Предлагаемые концептуальные идеи разработаны на основе теоретических методов исследования: анализа и синтеза педагогической и психологической литературы, индукции, дедукции, обоснования и моделирования.

Выделим основополагающие подходы исследования, на которых выстраивалось наше понимание модернизации педагогического образования:

– контекстный подход (А. А. Вербицкий [Вербицкий, 2011]), предусматривающий моделирование в образовательном процессе предметного и социального содержания будущей педагогической (воспитывающей, поддерживающей, развивающей, дидактической, организационно-управленческой и т. д.) деятельности и отношений, характерных для современной профессии педагога, развитие субъектности студента через активные методы обучения, ориентированные на саморазвитие его личностного потенциала;

– культурологический подход (Е. А. Александрова, В. Л. Бенин [Бенин, 2015], И. Е. Видт [Видт, 2002], Е. В. Бондаревская [Бондаревская, 1999], Н. Б. Крылова [Новые ценности ... , 2000], Н. Н. Никитина [Никитина, 2009]), рассматривающий образовательную среду как культуросообразную, все компоненты которой наполнены человеческими смыслами и формируют у будущего педагога, свободно проявляющего свою индивидуальность, способность к саморазвитию и самоопределению в мире культурных, в том числе педагогических ценностей;

– теории личностно-развивающего (В. В. Сериков [Сериков, 2016] и др.) и ситуационно-событийного подходов к организации воспитания и обучения (Е. М. Сафронова [Сафронова, 2004], В. И. Слободчиков [Слободчиков, 2010], М. Р. Мирошкина, М. И. Рожков, Е. Б. Евладова, Н. Н. Михайлова, С. М. Юсфин, С. В. Лобынцева, М. Р. Мирошкина [Мирошкина, 2020], Е. А. Александрова, И. В. Вачков, С. Н. Вачкова, З. В. Глебова, С. В. Данилов, Т. И. Дуброва, В. В. Зарубина, Н. И. Кузнецова, М. И. Лукьянова, Н. В. Ляшевская, А. П. Мальцева, Н. И. Нагимова, Е. Л. Петренко, М. В. Шакурова, С. Д. Поляков, М. А. Фахретдинова, Л. П. Шустова, А. В. Щербаков и другие), на основе которого образовательный процесс строится на педагогических ситуациях, предполагающих профессиональное самоопределе-

ние студентов и поиск решений возникающих педагогических проблем, активизации познавательной деятельности, имеющихся знаний и собственного опыта;

– идеи персонализированного образования (А. Г. Асмолов [Асмолов, 2021], Е. И. Казакова [Казакова, 2022], Д. А. Леонтьев [Леонтьев, 2016]) и индивидуализированного образования (Л. В. Байбородова [Байбородова, 2021], Т. Н. Гущина [Гущина, 2020] и другие), согласно которым организуется и проявляется активное самоотношение студента к самому себе как субъекту – активной, самостоятельной, деятельной личности, познающей и преобразующей себя, формируется ценностное отношение к ребёнку (обучающемуся) как уникальному субъекту, к педагогической деятельности как креативной и инновационной, выполнение которой имеет личностный смысл.

Конкретный опыт и перспективные идеи развития педагогического образования оформлены на основе длительного включённого наблюдения, анализа и обобщения практик высшего образования по направлению «Педагогическое образование», зафиксированы в документе «Концепция развития педагогического образования в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет име-

ни Н. Г. Чернышевского» [Концепция развития ...].

Результаты исследования и дискуссия

Первая концептуальная идея «Вариативная динамичная открытая образовательная среда».

Предполагает создание вариативной, подчас даже избыточно вариативной не статичной открытой образовательной среды, представляющей студентам, насколько это возможно, свободный ответственный выбор форм, средств и модулей программ обучения наряду с выбором способов и инструментов самообразования и саморазвития.

Вторая концептуальная идея «Полилогичная коммуникация».

Обеспечение студентам возможности актуализировать свой личностный потенциал и развиваться посредством группового общения и внутреннего диалога (по М. М. Бахтину), поскольку смыслы и ценности рождаются через всевозможные формы коммуникации, в том числе коммуникации в цифровой среде.

Третья концептуальная идея «Разновозрастное взаимодействие».

Предполагает организацию разновозрастного взаимодействия участников образовательного процесса с целью взаиморазвития (в том числе – взаимообучения) и взаимопомощи как разновозрастного (студенческие группы), так и разновозрастного (студенты разных курсов и уровней обучения, школь-

ники-студенты-преподаватели-работодатели).

Четвертая концептуальная идея «Развитие резилентности через спонтанную или смоделированную заранее педагогическую ситуацию».

Опора на ситуационный, событийный и прецедентный подходы, которые коррелируют с принципами фундаментальности, опережающего характера практико-ориентированной подготовки, проблемности, гибкости и вариативности, гуманизации, педагогической поддержки и сопровождения. В силу того, что развитие личностного потенциала само по себе протекает в ситуациях максимально непредсказуемых и неопределенных и вся педагогическая деятельность осуществляется именно в данных условиях, формирование способности к использованию резилентных ресурсов должно носить превентивный характер.

Пятая концептуальная идея «Со-бытие порождает событие».

Образование не сводится к запоминанию или пересказу известного, оно должно порождать Совместное творческое мышление, благодаря которому новое знание осмысливается и осваивается, обретая личностный смысл. Обмен идеями, смыслами возможен только в присутствии других людей – в СО-бытии. Любое образовательное событие как внеаудиторное, так и аудиторное, должно порождать позитивный мотивирующий эмоцио-

нальный отклик у студентов, активизирующий когнитивный потенциал личности.

Шестая концептуальная идея «Поддержка индивидуальности».

Создание и реализация условий индивидуализации профессиональной подготовки будущих педагогов с учётом их личностного потенциала, выработки у них индивидуального стиля педагогической деятельности.

Наполним каждую концептуальную идею через представление конкретного опыта и перспективных идей развития организации педагогического образования в ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».

Реализация первой концептуальной идеи «*Вариативная динамичная открытая образовательная среда*» предполагает, во-первых, обеспечение мобильным тематически «Я-ориентированным» оформлением образовательной среды факультетов, предполагающим наличие соответствующих фотозон с хэштегами факультетов и институтов Саратовского государственного университета для популяризации личности педагога в целом и педагогической профессии (именно в такой последовательности). Это важно, так как сейчас в обществе необходимо возрождать уважительное отношение к педагогической профессии, а сделать это можно только через позитивное отношение к личности педагога.

Во-вторых, необходимо провести модернизацию деятельности базовых кафедр в рамках проведения всех видов практической подготовки. Необходимо на конкретных примерах показывать будущим педагогам, как личностный потенциал опытных коллег помогает им справляться с жизненными трудностями и профессиональными задачами.

В-третьих, исходя из личностных предпочтений и особенностей взаимодействия современной молодежи нам стоит организовать на территории и в корпусах Саратовского государственного университета «Педагогические антикафе» с целью создания локаций для свободного общения студентов, их доступа к педагогической литературе, non-stop просмотра фильмов педагогической направленности, ежедневной рекламы педагогических событий в Саратове, Саратовской области, стране и мире, в том числе событий педагогического календаря.

Таким образом, образовательная среда должна рассматриваться как ресурс, как процесс, как поле активности и как дискурс (по Т. В. Менг) [Менг, 2011].

Вторая концептуальная идея «*Полилогичная коммуникация*» может быть представлена на площадках научно-образовательного фестиваля «Неделя педагогического образования» в Саратовском государственном университете. Фестиваль задуман и воплощается уже десятый год подряд как территория полилога преподавателей универ-

ситета, педагогов общеобразовательных организаций и студентов. Мы практикуем участие будущих педагогов в различных формах «Неделя педагогического образования»: авторские дискуссионные площадки, модераторами которых становятся преподаватель Саратовского государственного университета и педагог-практик; открытые дискуссии-диалоги ученых и практиков; презентации авторского видения известных в педагогике фактов и явлений; «открытые» внеклассные мероприятия и уроки в общеобразовательных организациях; круглый стол; международный студенческий конкурс педагогического мастерства «Шаг в профессию»; университетская олимпиада по педагогике для бакалавров и магистрантов педагогического образования [Елина, 2019].

Когда мы обратились к продолжающимся в современном вузе классическим формам профессиональной мотивации студентов, в частности, к конкурсам профессионального мастерства (в нашем случае – конкурс педагогического мастерства, в котором принимают участие студенты университета и иных институтов и университетов, в которых осуществляется педагогическое образование), то мы убедились, что сегодня конкурсы следует рассматривать и организовывать как профессиональную практику, создающую условия для развития личностного потенциала будущих педагогов. Это обеспечивается организа-

цией ситуаций сравнения успешности конкурсантов в презентации способов реализации личностного потенциала и собственного опыта педагогической деятельности. Побочным позитивным эффектом в данном случае мы считаем как популяризацию идей, приемов, форматов эффективной педагогической деятельности, так и возможность для студентов прожить ситуации профессиональных «проб», подготовиться к будущим профильным конкурсам [Бурмистрова, 2016].

Практически всё из сказанного следует отнести и к ежегодному международному Форуму «Гуманизация образовательного пространства», программу которого мы дополняем комплексом мастер-классов, диалогов студентов с исследователями / педагогами-практиками для мотивации к исследовательской и профессиональной деятельности, «Стартапом» магистрантов и аспирантов, Фестивалем «Педагогические пробы» бакалавров [Александрова, 2019].

Также к практическому воплощению данной идеи отнесем укрепление продуктивных связей с образовательными и социальными партнерами (например, учреждениями дополнительного образования, реабилитационными центрами, музеями, иными учреждениями культуры), для сотрудничества с которыми будет упрощена процедура включения студентов Саратовского государственного университета в осуществление

реальных социально и профессионально значимых проектов.

К «скрытому полилогу» мы относим и популяризацию опыта и традиций профессорско-преподавательского состава, их личностного потенциала через подготовку к изданию и дальнейшую презентацию Книги педагогических династий, создание информационного канала / сетевого профессионального сообщества, подкастов для учителей / энциклопедия эффективных педагогов-выпускников Саратовского государственного университета и т. д. Нам предстоит сформировать базу данных о научно-педагогических школах Саратовского государственного университета и площадках передового педагогического опыта в сфере регионального образования.

Интересным может стать задание по созданию студентами каждого профиля подготовки коллективной личностно-методической энциклопедии. Данная работа позволит обучающимся продемонстрировать ведущие педагогические персоналии, личностный потенциал которых переоценить невозможно (Я. Корчак, В. А. Сухомлинский и мн. др.). Составление энциклопедии посредством WIKI-технологий сформирует у студентов не столько элементы «цифровой компетентности», сколько «цифровой культуры» в гармонизации с акмеологической составляющей образовательного процесса.

Третья концептуальная идея «Разновозрастная коммуникация» раскрывается нами через создание условий для приобретения будущими педагогами опыта реализации междисциплинарных и метапредметных проектов в разновозрастных студенческих и / или смешанных (студенты, школьники, педагоги, психологи образования) учебно-исследовательских лабораториях / коллаборациях на базе образовательных организаций.

Разновозрастная коммуникация опредмечивается через системный характер профориентационной работы в университете, который заключается в поддержке личностного (именно так, то первично) и предпрофессионального роста будущего абитуриента еще на этапе выбора профессии (ранняя профориентация, проект «Виртуальный педагогический класс СГУ» [Елина, 2022]), вхождения в профессиональное пространство и закрепления в нем (национальная система учительского роста) за счет разновозрастного общения в «Школе молодого педагога», Центре поддержки молодых учителей Саратовской области «CONSILIUM», ИДПО (реализация программ повышения квалификации и переподготовки).

Во многом разновозрастной коммуникации помогает проведение мероприятий опережающей профессиональной подготовки: проекты «Дни открытых дверей», «Каникулы в университете», «Лекторий выходного дня» (участие

учащихся в онлайн трансляциях лекций и семинаров ведущих преподавателей).

Мы убеждены, что развитию личностного потенциала способствует предоставление возможности для самовыражения перед педагогами иных возрастных групп: участие студентов в качестве жюри и экспертов по оцениванию конкурсных материалов в рамках городских профессиональных конкурсов, в частности, городского конкурса педагогического мастерства «ТОП-20 педагогов дополнительного образования» и городского конкурса программно-методических разработок «Панорама методических кейсов дополнительного образования» и др.

С целью развития личностного потенциала будущих педагогов посредством активизации разновозрастной коммуникации следует усилить проектные формы обучения. Для этого необходимо разработать и внедрить систему *исследовательских проб* с ориентацией не только на потребности заинтересованных организаций научно-инновационной сферы и системы образования, как это совершается традиционно, но и на исследование личностных проблем молодых педагогов, вопросов совершения их витальных выборов, самоопределения как личностного, так и профессионального с упором на первый аспект.

Для этого в содержание педагогических практик (и в учебные дисциплины, предполагающие практи-

ческую подготовку) надо ввести систему личностных культурных проб, а не только проб профессиональных. В процессе аудиторных занятий расширить использование личностно ориентированный кейсов, а не только практико / профессионально ориентированных задач и иных способов контекстного обучения при организации освоения учебных дисциплин.

Вообще, использование потенциала разновозрастного взаимодействия необходимо предусмотреть в любых ситуациях. Например, мы можем организовать совместную работу студентов и педагогов в рамках прохождения педагогической практики по составлению календаря профессиональных педагогических активностей, который будет включать очные и дистанционные конкурсы профессионального мастерства, олимпиады и диктанты, обучающие семинары и конференции, патриотические акции, малые ежедневные и большие воспитывающие события и т. п. Важен обмен опытом педагогической деятельности в формате педагогической мастерской.

Ценной практикой внеаудиторного взаимодействия со студентами является виртуальный клуб, который может функционировать на популярной интернет-платформе – Вконтакте, Телеграм и др. Виртуальный клуб позволяет расширить пространство образовательного взаимодействия со студентами, тем самым максимально активизируя и

обеспечивая их профессиональное саморазвитие с учётом личностного потенциала. С помощью такого цифрового ресурса можно организовать виртуальную образовательную среду для индивидуальной деятельности и группового взаимодействия студентов – обсуждение острых вопросов современного образования, просмотр художественных фильмов школьной тематики с последующей дискуссией, презентации собственных педагогических находок и решений.

Здесь же следует говорить и о развитии академической мобильности студентов и преподавателей, а также о проведении обучающимися на уровне аспирантуры Саратовского государственного университета фундаментальных и прикладных исследований, трансфере научных достижений и передовых педагогических технологий в сферу образования региона. В этой связи невозможно не упомянуть о проекте «образовательное путешествие», в рамках которого студенты посещают педагогические вузы в иных городах России, вступают в дискуссии с их преподавателями и студентами [Александрова, 2020]. Близко к этому проекту находится и проект «Образовательный туризм», в рамках которого студенты совместно с преподавателями разрабатывают экскурсионные маршруты, связанные с историей образовательных организаций учреждений Саратова и Саратовской области, жизнью и деятельностью знаменитых земляков-педагогов.

Четвертая концептуальная идея «*Развитие резилентности через ситуации, возникающие в профессиональной деятельности*» на практике должна выражаться в переходе к «широкой» профессиональной подготовке, подразумевающей умение молодого педагога адекватно реагировать на любые ситуации, возникающие в профессиональной деятельности вне зависимости от его конкретной предметной специализации за счет увеличения пространства возможностей выпускника Саратовского государственного университета, нелинейного характера учебного плана подготовки, обеспечивающего выбор дополнительной квалификации за счет включения вариативного модуля в структуру учебного плана.

Тем самым студентам, исходя из их собственных интересов и запросов, предоставляется возможность проектировать будущее профессиональное поле через выбор дополнительной квалификации. Реальные треки: тьютор, навигатор детства, советник по воспитательной деятельности, классный руководитель, вожатый, педагог дополнительного образования, игропедагог, онлайн методист и др.

Что важно: профессиональная подготовка в ситуации развития личностного потенциала должна осуществляться на основе активных образовательных практик – «дидактической эвристики», модели обучения посредством действия, контекстном и ситуационном под-

ходе, для которых значимыми являются не столько академические, сколько учебно-профессиональные задачи, посредством которых студенты погружаются в конструирование трудовых действий и ситуации принятия педагогически верного решения. Это влечет за собой необходимость акцентировать содержание Программы воспитания Саратовского государственного университета на личностно ориентированную воспитательную работу.

В разнообразных социокультурных практиках студент оказывается в ситуации профессионального смыслоопределения, активного проектанта деятельности – от замысла и цели до способов и инструментов её реализации, – он принимает педагогические решения и несёт ответственность за свои профессиональные действия. В социокультурных практиках в отличие от традиционных форм образовательной деятельности, где обучающийся находится в «ответной» позиции и активен лишь в ответ на управляющие воздействия преподавателя» [Вербицкий, 2009], студент проявляет субъектную активность и приобретает собственный опыт профессионально значимой деятельности.

Мы полагаем, что это повлечёт за собой создание офиса приоритетных проектов личностно-профессионального саморазвития и студенческих инициатив в образовании. Для экспертной оценки лучших проектов (ТОП-10) мы

планируем привлекать педагогических работников образовательных организацией, руководителей органов управления образованием. Руководитель проекта – бакалавр выпускного курса или магистрант, аспирант; ментор проекта – преподаватель / педагог образовательной организации. Офис станет площадкой для формирования межфакультетских команд для выполнения грантов, подготовки педагогических стартапов, исходя из личных профессиональных интересов. Студенты предлагают проекты, направленные на саморазвитие, личностное становление, улучшение образования в регионе, путем голосования выбирается лучший проект, собирается команда, проект реализуется и внедряется.

И, несомненно, всё это влечет за собой перевод государственного экзамена в формат профессионального (демонстрационного) экзамена (основанного на модели чемпионата WorldSkills Russia), предусматривающего моделирование реальных производственных условий для решения практических задач профессиональной деятельности с возможностью продемонстрировать личностное отношение к ней.

Пятая концептуальная идея «*Со-бытие порождает событие*».

Реализация данной идеи основывается на первичности эмоционального восприятия студентами проходящих событий, понимания ими психологических основ личностного становления и событий

педагогической реальности. Для этого мы при составлении учебных планов сочли важным признать необходимость первичности изучения психологии по отношению к педагогическим наукам.

Одновременно с этим необходимо насыщать образовательную среду эмоционально окрашенными и лично значимыми событиями, участие в которых порождает чувство сопричастности и событийности.

Этому способствует обеспечение получения студентами первоначального педагогического опыта не только в рамках форм учебной активности, но и в формате участия в социальных проектах, вожатской, волонтерской, добровольческой деятельности. Традиционно такими функциями наделяют систему внеаудиторных событий/мероприятий, мотивирующих студентов к педагогическому труду, образующих многофункциональное образовательное пространство формирования универсальных педагогических компетенций: участие в конкурсах профессионального мастерства, профильных олимпиадах, педагогических мастерских; членство в кружках/клубах. Но мы предлагаем расширить данный перечень Дистанционным клубом научного сообщества студентов и аспирантов в социальной сети ВК, TG; создать Киноклуб (на базе медиа зала библиотеки Саратовского государственного университета), подключиться к проекту «Образовательное кино» [Кисляков,

2021]. Также мы планируем развитие педагогических отрядов.

Шестая концептуальная идея «Поддержка индивидуальности».

Для реализации сквозной траектории развития личностного потенциала будущего педагога нам необходимо усилить блок учебных дисциплин, связанных с овладением методикой построения индивидуальных образовательных траекторий обучающихся с разными образовательными потребностями. Это позволит студентам проецировать полученные умения на собственный личностный опыт и моделировать индивидуальные программы самосовершенствования («уча других, мы учимся сами» – Сенека).

Несомненно, для мотивации студентов к данной активности мы должны обратить внимание на развитие образовательного кластера, в том числе зон / локаций лично развивающих и значимых для профессионального становления проб и практик. К ним отнесем создание психолого-педагогической клиники как консультативного и обучающего центра; групп раннего развития для детей, групп кратковременного пребывания; репетиционных залов для учеников начальной школы, предметных клубов для учащихся основной и старшей школы. Необходимо усовершенствовать рубрики Портфолио студента в системе Ipsilon Саратовского государственного университета, отражающие содержание не только его профессиональных проб, обеспечивая воз-

возможность формировать и укомплектовывать свою профессиональную коллекцию методических разработок, исходя из запросов работодателей, требований Профессионального стандарта, но и личностных культурных проб.

Ценность технологии «Портфолио» для персонификации образования объясняется возможностью стимулирования высокой образовательной мотивации у студентов, их активности и самостоятельности на основе формирующего самооценивания и непрерывной рефлексии результатов собственной деятельности. Как показывает опыт, дополняя традиционные контрольно-оценочные средства, портфолио объективно отражает персональный результат и индивидуальный характер самостоятельной образовательной деятельности студента, его профессионально личностные достижения и нерешенные проблемы, а также помогает определить векторы и содержание дальнейшего профессионального саморазвития.

Таким образом, портфолио в персонифицированном образовании выступает эффективным средством раскрытия личностного потенциала студента, углубления и оформления его познавательных интересов, развития интеллектуальных рефлексивных способностей, формирования мотивации достижения, а, следовательно, и создания ситуации успеха в освоении образовательной программы и будущей педагогической профессии.

Считаем, что этому будет способствовать ведение студентами «дневника саморазвития будущего педагога» для организации и поддержки их личностного развития на основе национальных ценностей, в том числе педагогических («врастание в культуру» по Л. С. Выготскому).

В целях поддержки выпускников в первые годы самостоятельной профессиональной деятельности (постдипломное сопровождение) важно организовать наставничество силами профессорско-преподавательского состава факультетов и Институтов Саратовского государственного университета – Центр наставничества, расширив сеть ресурсных центров для оказания персонифицированной (адресной) поддержки профессионального становления будущего педагога, разработать дополнительно систему поощрения студентов-будущих педагогов – «Надежда образования» 1, 2, 3 степени, награждать ежегодно по итогам предыдущего учебного года в День учителя 5 октября.

Заключение

Таким образом, полагаем, что развитие личностного потенциала будущих педагогов возможно за счет создания условий для их диалогического и полилогического разновозрастного взаимодействия; профессиональной подготовки к работе в ситуации неопределенности через разрешение педагогических прецедентов вне зависимости от узкой предметной специализации; обеспечения им выбора дополнительной специаль-

ности / квалификации; создания в образовательной среде Саратовского государственного университета зон /локаций личностно-профессиональных проб и практик.

Важно способствовать персонализации профессиональной подготовки будущего педагога через обеспечение осознания и личностной интерпретации существующего опыта и создание нового опыта в собственной практике, усиление личностных смыслов образования; организовать

эффективную самостоятельную работу студентов на основе личностных смыслов получения ими образования, в процессе которой формируются ведущие качества педагога: познавательная активность и познавательная самостоятельность; разработать и реализовать программу мероприятий по планомерному имиджированию / брендированию профессии педагога и педагогической деятельности как социально значимой и престижной.

Библиографический список

1. Александрова Е. А. Теория и практика сопровождения профессионально-личностного развития молодого педагога в условиях университетского комплекса / Е. А. Александрова, И. В. Вачков, С. Н. Вачкова [и др.]. Чебоксары : Издательский дом «Среда», 2019. 224 с.
2. Александрова Е. А. Традиции и новации: Международный Форум «Гуманизация образовательного пространства – 2019» / Е. А. Александрова, Т. Г. Фирсова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, № 2. С. 189-192.
3. Александрова Е. А. «Образовательное путешествие» как метод освоения туристского образовательного пространства / Е. А. Александрова, Т. В. Черевичко // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11, № 2. С. 91-97.
4. Асмолов А. Г. Персонализация образования и антропология будущего // Народное образование. 2021. № 3 (1486). С. 75-82.
5. Байбородова Л. В. Индивидуализация как концептуальная основа развития образовательного процесса // На пути к новым открытиям: направления исследований ученых кафедры педагогических технологий : коллективная монография / под науч. ред. Л. В. Байбородовой, Ю. В. Яковлевой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 22-42.
6. Бенин В. Л. Культурологический подход как сущность методологии гуманистической педагогики // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 85-94.
7. Бондаревская Е. В. Школьное образование в контексте культуры // Ростовская электронная газета. 1999. 6 дек. № 23.
8. Бурмистрова М. Н. Социальные практики как ресурс профессиональной подготовки педагогов // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 6. С. 47-53.
9. Вербицкий А. А., Ларионова О. Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции / А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова. Москва : Логос, 2009. 336 с.
10. Вербицкий А. А. Концепция знаково-контекстного обучения в вузе // Вопросы психологии. 1987. № 5. С. 31-39.

11. Видт И. Е. Культурологические основы образования : монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. 164 с.
12. Гущина Т. Н. Потенциалы и ограничения индивидуализации подготовки специалиста в педагогическом колледже // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 2, № 3. С. 141-147.
13. Елина Е. Г. Новые формы взаимодействия со студентами: научно-образовательный фестиваль «Неделя педагогического образования» в СГУ имени Н. Г. Чернышевского / Е. Г. Елина, Е. А. Александрова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, № 2 (30). С. 163-168.
14. Елина Е. Г. Виртуальный педагогический класс в контексте классического университета: принципы организации, проблемы решения / Е. Г. Елина, Р. М. Шамионов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 3. С. 65-70.
15. Зиновьева М. П. Учитель начальных классов: требования государства и представления будущих педагогов / М. П. Зиновьева, Т. Г. Фирсова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 105-108.
16. Казакова Е. И. Школа развития личностного потенциала // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2022. № 3. С. 3-9.
17. Кисляков А. В. Киновстреча как форма организации проблемно-ценностного общения детей и молодежи / А. В. Кисляков, А. В. Щербаков, Н. Н. Журба, К. С. Задорин // Приоритеты воспитания: историко-культурный поиск и современные практики : сб. науч. тр. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (к 90-летию Воронежского государственного педагогического университета) / под ред. М. В. Шакуровой. Воронеж : ВГПУ, 2021. С. 36-43.
18. Концепция развития педагогического образования в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2022/09/20/koncepciya_pedobrazovaniya_sgu.pdf
19. Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
20. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18-37.
21. Менг Т. В. Проектирование конструктивистских образовательных сред в деятельности преподавателя высшей школы // Вестник Герценовского университета. 2011. № 10 (96). С. 40-48.
22. Мирошкина М. Р. Самоорганизация детей и взрослых как ответ на вызов неопределенности : коллективная монография / М. Р. Мирошкина, М. И. Рожков, Е. Б. Евладова [и др.]. Москва : ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», 2020. 144 с.
23. Никитина Н. Н. Социальное и культурное: точки пересечения в контексте поликультурного подхода к социальному воспитанию // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. 2022. № 1. С. 10-15.

хология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15, № 1. С. 102-110.

24. Новые ценности образования: серия научно-методических изданий. Вып. 10: Культурология образования = Culturology of education / Н. Б. Крылова. Москва : Нар. образование, 2000. 269 с.

25. Сафронова Е. М. Ситуационно-событийная модель воспитания в общеобразовательной школе // Педагогіка вищої та середньої школи. Збірник наукових праць. Кривий Ріг, 2004. С. 214-218.

26. Сериков В. В. Личностно-развивающее образование как она из культурологических образовательных моделей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 30-35.

27. Слободчиков В. И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Новые ценности образования. 2010. Т. 43, № 1. С. 4-13.

Reference list

1. Aleksandrova E. A. Teorija i praktika sprovozhdenija professional'no-lichnostnogo razvitija mladogo pedagoga v uslovijah universitetskogo kompleksa = Theory and practice of supporting professional and personal development of a young teacher in a university complex / E. A. Aleksandrova, I. V. Vachkov, S. N. Vachkova [i. dr.]. Cheboksary : Izdatel'skij dom «Sreda», 2019. 224 с.

2. Aleksandrova E. A. Tradicii i novacii: Mezhdunarodnyj Forum «Gumanizacija obrazovatel'nogo prostranstva – 2019» = Traditions and Innovations: International Forum “Humanization of the Educational Space – 2019” / E. A. Aleksandrova, T. G. Firsova // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitija. 2019. T. 8, № 2. S. 189-192.

3. Aleksandrova E. A. «Obrazovatel'noe puteshestvie» kak metod osvoenija turistskogo obrazovatel'nogo prostranstva = “Educational journey” as a method of mastering the tourist educational space / E.A. Aleksandrova, T. V. Cherevichko // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2020. T. 11, № 2. S. 91-97.

4. Asmolov A.G. Personalizacija obrazovanija i antropologija budushhego = Personalization of education and anthropology of the future // Narodnoe obrazovanie. 2021. № 3 (1486). S. 75-82.

5. Bajborodova L. V. Individualizacija kak konceptual'naja osnova razvitija obrazovatel'nogo processa = Individualization as a conceptual basis for the development of the educational process // Na puti k novym otkrytijam: napravlenija issledovanij uchenyh kafedry pedagogicheskikh tehnologij : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. L. V. Bajborodovoj, Ju. V. Jakovlevoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. S. 22-42.

6. Benin V. L. Kul'turologicheskij podhod kak sushhnost' metodologii gumanisticheskoy pedagogiki = Culturological approach as the essence of the methodology of humanistic pedagogy // Chelovek v mire kul'tury. 2015. № 3. S. 85-94.

7. Bondarevskaja E. V. Shkol'noe obrazovanie v kontekste kul'tury = School education in the context of culture // Rostovskaja jelektronnaja gazeta. 1999. 6 dek. № 23.

8. Burmistrova M. N. Social'nye praktiki kak resurs professional'noj podgotovki pedagogov = Social practices as a resource for professional training of teachers // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2016. № 6. S. 47-53.

9. Verbickij A. A. Lichnostnyj i kompetentnostnyj podhody v obrazovanii: problemy integracii = Personal and competency approaches in education: integration challenges / A. A. Verbickij, O. G. Larionova. Moskva : Logos, 2009. 336 s.

10. Verbickij A. A. Koncepcija znakovo-kontekstnogo obuchenija v vuze = The concept of sign-context training at the university // Voprosy psihologii. 1987. № 5. S. 31-39.

11. Vidt I. E. Kul'turologicheskie osnovy obrazovanija = Cultural foundations of education : monografija. Tjumen' : Izd-vo TjumGU, 2002. 164 s.

12. Gushhina T. N. Potencially i ogranichenija individualizacii podgotovki specialista v pedagogicheskom kolledzhe = Potentials and limitations of individualization of specialist training in teacher training college // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2020. T. 26, № 3. S. 141-147.

13. Elina E. G. Novye formy vzaimodejstvija so studentami: nauchno-obrazovatel'nyj festival' «Nedelja pedagogicheskogo obrazovanija» v SGU imeni N. G. Chernyshevskogo = New forms of interaction with students: scientific and educational festival “Week of Pedagogical Education” at Chernyshevsky State Pedagogical University / E. G. Elina, E. A. Aleksandrova // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitija. 2019. T. 8, № 2 (30). S. 163-168.

14. Elina E. G. Virtual'nyj pedagogicheskij klass v kontekste klassicheskogo universiteta: principy organizacii, problemy reshenija = Virtual teaching class in the context of a classical university: principles of organization, problems of solution / E. G. Elina, R. M. Shamionov // Alma Mater (Vestnik vysshej shkoly). 2022. № 3. S. 65-70.

15. Zinov'eva M. P. Uchitel' nachal'nyh klassov: trebovanija gosudarstva i predstavlenija budushhih pedagogov = Primary school teacher: requirements of the state and ideas of future teachers / M. P. Zinov'eva, T. G. Firsova // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija. 2018. T. 7, № 4 (25). S. 105-108.

16. Kazakova E. I. Shkola razvitija lichnostnogo potenciala = School of personal potential development // Upravlenie kachestvom obrazovanija: teorija i praktika jeffektivnogo administrirovanija. 2022. № 3. S. 3-9.

17. Kisljakov A. V. Kinovstrecha kak forma organizacii problemno-cennostnogo obshhenija detej i molodezhi = Film shooting as a form of organization of problem-value communication between children and youth / A. V. Kisljakov, A. V. Shherbakov, N. N. Zhurba, K. S. Zadorin // Prioritety vospitanija: istoriko-kul'turnyj poisk i sovremennye praktiki : sb. nauch. tr. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (k 90-letiju Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta) / pod red. M. V. Shakurovoj. Voronezh : VGPU, 2021. S. 36-43.

18. Koncepcija razvitija pedagogicheskogo obrazovanija v Federal'nom gosudarstvennom bjudzhetnom obrazovatel'nom uchrezhdenii vysshego obrazovanija «Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet imeni N.G. Chernyshevskogo» = The concept of the development of pedagogical education in the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky”. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2022/09/20/koncepciya_pedobrazovaniya_sgu.pdf.

19. Leont'ev D. A. Novye orientiry ponimaniya lichnosti v psihologii: ot neobhodimogo k vozmozhnomu New guidelines for understanding personality in psychology: from necessary to possible // Voprosy psihologii. 2011. № 1. S. 3–27.

20. Leont'ev D. A. Samoreguljacija, resursy i lichnostnyj potencial = Self-regulation, resources and personal potential // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2016. № 62. S. 18-37.

21. Meng T. V. Proektirovanie konstruktivistskih obrazovatel'nyh sred v dejatel'nosti prepodavatelja vysshej shkoly = Designing constructivist educational environments in the activities of a high school teacher // Vestnik Gercenovskogo universiteta. 2011. № 10 (96). S. 40-48.

22. Miroshkina M. R. Samoorganizacija detej i vzroslyh kak otvet na vyzov neopredelennosti = Self-organization of children and adults as a response to the challenge of uncertainty : kollektivnaja monografija / M. R. Miroshkina, M. I. Rozhkov, E. B. Evladova [i dr.]. Moskva : FGBNU «Institut izuchenija detstva, sem'i i vospitanija Rossijskoj akademii obrazovanija», 2020. 144 s.

23. Nikitina N. N. Social'noe i kul'turnoe: tochki peresechenija v kontekste polikul'turnogo podhoda k social'nomu vospitaniju = Social and cultural: points of intersection in the context of a multicultural approach to social education // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova. Serija: Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika. 2009. T. 15, № 1. S. 102-110.

24. Novye cennosti obrazovanija: serija nauchno-metodicheskikh izdanij = New values of education: a series of scientific and methodological publications. Vyp. 10: Kul'turologija obrazovanija = Culturology of education / N. B. Krylova. Moskva : Nar. obrazovanie, 2000. 269 s.

25. Safronova E. M. Situacionno-sobytiijnaja model' vospitanija v obshheobrazovatel'noj shkole = Situation-event model of education in a comprehensive school // Pedagogika vishhoi ta sredn'oi shkoli. Zbirnik naukovih prac'. Krivij Rig, 2004. S. 214-218.

26. Serikov V. V. Lichnostno-razvivajushhee obrazovanie kak ona iz kul'turologicheskikh obrazovatel'nyh modelej = Personal and developmental education as one of cultural educational models // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. № 2 (106). S. 30-35.

27. Slobodchikov V. I. So-bytijnaja obrazovatel'naja obshhnost' – istochnik razvitiija i sub#ekt obrazovanija = Co-existent educational community – source of development and subject of education // Novye cennosti obrazovanija. 2010. T. 43, № 1. S. 4-13.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 10.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023

Научная статья
УДК 37.06
DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_167
EDN: GEYMKY

Факторы, влияющие на гендерное неравенство в сфере образования: на примере Афганистана

Харес Саик

Аспирант, Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, г. Тула; Преподаватель, Кабульский педагогический
университет, г. Кабул, Афганистан
hares_saiq@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-1552-8110>

Аннотация. Женское образование признано одним из наиболее эффективных средств уменьшения гендерного неравенства и обеспечения участия женщин в развитии общества. За последние десятилетия сфера гендерного неравенства в образовании резко изменилась. В представленном исследовании анализируются эмпирические данные и теоретические подходы к гендерным различиям в образовательном процессе.

Дискриминационная культура Афганистана обуславливает отсутствие адекватных образовательных возможностей для женщин и девочек. Негативное воздействие культурных традиций привело к тому, что страна оказалась в самом низу рейтинга Глобального индекса гендерного разрыва, ежегодно составляемого Всемирным экономическим форумом. Цель данного исследования состояла в том, чтобы изучить элементы, влияющие на равенство между полами в системе образования Афганистана; предоставить информацию, необходимую для разработки и реализации эффективной образовательной политики; предложить рекомендации учебным заведениям (образовательным организациям) для достижения успеха в данной сфере.

Использован описательный дизайн философии исследования. Для сбора данных использовалось анкетирование, в котором приняли участие 80 человек, представляющих широкий спектр культурных и социальных слоев Афганистана.

Сделан вывод, что образовательная политика, учебные программы и процесс обучения, разработанные соответствующими государственными учреждениями, имеют серьезные проблемы, включая поддержку дискриминации и поощрение нетерпимости в отношении женщин и девочек. Исследование также продемонстрировало, что женщинам не разрешается участвовать в финансовых вопросах семьи из-за культурных ограничений. Гендерное неравенство на уровне образования негативно влияет на экономическое развитие страны (доходы на душу населения и спад производства).

Ключевые слова: гендерное неравенство; культурные ограничения; женское образование; обучение девочек; Афганистан

© Саик Харес, 2023

Для цитирования: Саик Харес Факторы, влияющие на гендерное неравенство в сфере образования: на примере Афганистана // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 167-179. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_167. <https://elibrary.ru/GEYMKY>.

Original article

Factors affecting gender inequality in education: the case of Afghanistan

Hares Saiq

Post-graduate student, Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula;
Lecturer, Kabul pedagogical university, Kabul, Afghanistan
hares_saiq@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-1552-8110>

Abstract. Women's education has been the most effective means of decreasing gender disparities and enabling women's full involvement in the development phase. In past decades, the environment of gender inequality in education has evolved dramatically. From early infancy to young adults, this study analyzes empirical evidence and theoretical approaches to gender differences in academic achievement.

The discriminatory culture of Afghanistan toward girls is a fundamental element in the country's inadequate educational opportunities for girls. The negative cultural impacts have pushed the country in the lowest ranks of the Global Gender Gap Index conducted by the World Economic Forum every year. The goal of this research has been to look at the elements that influence equality between the sexes in basic learning throughout Afghanistan, to provide more necessary details to guide policies and to provide tips to the educational institutions.

The study was conducted using a descriptive research philosophy design for investigation of the phenomenon. Questionnaires were used to collect data. A total of 80 people took part in the study, representing a range of cultural and backgrounds.

This study concluded that educational policies, curriculums and learning process which were developed by relevant government institutions have major issues including supporting discrimination and encouraging intolerance against women and girls. This study also concluded that women are not permitted to participate in the financial issues of the family owing to cultural restrictions. The economic development is negatively impacted by gender disparities in educational attainment as per capita income and production decline.

Keywords: gender disparity; gender inequality; cultural restrictions; female education; girls education; Afghanistan

For citation: Saiq Hares Factors affecting gender inequality in education: the case of Afghanistan. *Social and political researches*. 2023;1(18):167-179. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_167. <https://elibrary.ru/GEYMKY>.

Introduction

Women's and men's traditionally determining roles and responsibilities are related to gender. Because of the

differences in our communities, economies, and civilizations, men and women have various responsibilities. Because it comprises our presump-

tions about the characteristics, attitudes, and behaviors of men and women, gender is a key concept in these studies. The obligations, privileges, and resources shared by both genders throughout the community have an impact on how severe gender inequality and unemployment are. Gender gaps in resource availability are especially prevalent in developing and underdeveloped nations. Inequalities between men's and women's circumstances when trying to fully exercise their human rights are referred to as gender inequality [Aldrich, 1989; Alsos, 2006]. Women's status in Afghanistan is different from that of women in Western nations. One of Afghanistan's guiding values for a stable future is gender equality as per the cultural and moderate religious values. Women have traditionally been seen as carrying out their procreative duties as mothers and wives in the home, whereas men dominate the outside world and fulfill their productive roles as wage workers. Philosophically, the worlds of men and women are divided into two different domains. The assets of the home are divided in favor of sons due to their economic activity. While female members of the family are educated on household chores to be effective mothers, male family members should be given better education and training to compete for knowledge within the public world. There aren't many opportunities for women to choose that will affect their lives. As an outcome, there are noticeable gender differ-

ences in academic attainment across provinces as well as throughout rural and urban areas [Amit, 1990; Arenius, 2005].

The most important tool for building human resources is education. It has developed into a fundamental human right and a significant factor in the potential and empowering women. A remarkable modern empirical study demonstrates that women's income rises as their education level rises and that their return to schooling is frequently larger than men's. As per various experimental results, increasing female education boosts teaching-learning process efficiency as well as life span, healthcare, and literacy. As per studies, lesser female education had a negative impact on economic growth by decreasing the overall quality of the workforce. In undeveloped nations, female education can increase children's enrollment in school and lowers childbirth and infant mortality [Armuña, 2020].

According to data from 2018 compiled by the previous government, Afghanistan Independent Human Rights Commission and Ministry of Women's Affairs, there were more than 5000 cases of violence against women registered annually. This data does not completely reflect the severity of the problem as only registered cases were tracked. Based on a United Nation Women Survey (2016), more than 80 % of women in Afghanistan have experienced at least one type of gender-based violence. Since August 2021, the situation for women has deteriorated further. This illustrates that as per the international

definitions, discrimination and violence against women in Afghanistan is a substantial social issue which starts from families and schools which is partially based on the cultural settings. While there are several factors which influence and exacerbates this problem, school curriculum is one of the root causes.

From the collapse of Taliban regime in 2001 and their re-gaining power in 2021, the education sector with support from the international community in Afghanistan made significant achievements; however, those achievements were primarily reflected in a “numbers game”, e.g., including number of children enrolled in schools, number of teachers recruited, number of schools built, number of text books printed, number of students graduated, etc. The discussions related to quality of education provided were never started. Currently Afghanistan is on the brink of losing all previous gains and achievements.

Related data reflecting the situation of education and literacy in Afghanistan are:

– As per UNESCO, the adult literacy rate reached 47 % in 2020, up from 26% in 2008.

– In 2020, the literacy rate for men stood at 55 per cent; for women, only 29.8 per cent.

– In 2016-17, 6.4 million children attended primary and secondary school, up from 4.3 million in 2010

– The youth literacy rate reached 54 % in 2017, up from 52 % 2014, 47 % in 2012 and 31 % in 2008.

– 56 % of primary school age children attended primary school in 2017, up from 52% in 2008.

– In 2017, the primary net attendance rate for boys was 62 % compared to 45 % for girls.

– In 2017, the secondary net attendance rate was 36 %, 47 % for boys and 26 % for girls.

– 84 % of women and 51 % of men aged 15-49 had no education.

– Looking at women in younger age groups; 65 % of women aged 20-24 and 49 % of women aged 15-19 have no education.

– The youth literacy rate for girls is 37% compared to 66% for boys.

These statistics illustrate the magnitude of the challenges faced. Thus, independent research and evidence-based studies are vital especially for curriculum developers and educators to develop practical action using data to improve the status quo, rather than hurling funding at a problem without direction.

The above noted statistics also illustrate the challenges of education from a quantitative aspect in Afghanistan while the focus of this study is on one specific problem related to the quality of education. During the last 20 years the focus of government and international community was on quantity and increasing numbers in the education sector which resulted in a sacrifice of quality education. The validity of using this approach – quantity over quality in a developing society – requires separate independent research to clarify whether such sacrifices and consequences are legiti-

mate and is beyond the scope of this study.

Related work

Almost all poor countries, and the poor within these countries, have gender gaps in schooling. In low-income countries during the past three centuries, gender inequality in schooling has grown significantly. Gender inequality is currently seen as a crucial problem for the evaluation and reduction of poverty due to its detrimental consequences on several significant development agendas. There are several ways that poverty affects girls' access to education. The latest researches from West Africa show that poverty significantly contributes to gender differences in access to higher education [Greve, 2003].

Afghanistan also exhibits large gender differences in academic achievement. Across regions and urban and rural communities, there are considerable gender disparities. Afghanistan is a country where women experience many kinds of discrimination, that have negative impact on their social, financial, and political life. In all aspects of Afghan society including education, gender inequities are growing. According to the Global Gender Gap Index for 2022 by the World Economic Forum (WEF), Afghanistan is ranked 146 out of 146 countries in the Gender-related Development Indicators, although it was placed second to last in 2019 and its current ranking in this report is 30 % lower than in 2017.

There are many different techniques to assess gender differences in education. Gross and net enrollment rates, and also finishing and drop-out rates, can be used to measure gender inequalities. Afghanistan intends to reduce gender gaps throughout education at all levels and to achieve the Millennium Progress Objectives [Hacker, 1951]. Afghanistan not only hasn't done much to close the gender disparity in schooling but has widen the gaps due to recent social and political unrests. Significant financial and technical assistance as well as policy change is necessary to build academics and other infrastructures to achieve the goal of eradicating gender inequities in the education sector in Afghanistan.

Numerous studies have examined gender discrimination, including its root causes, effects, and repercussions. There is a lot of information accessible at the national and international stages regarding gender differences throughout schooling, their consequences, and their effects. The authors conclude that female empowerment is essential for reducing poverty. Education can help women out of poverty. According to an empirical study, a woman's education degree and the presence of students' woman has been negatively correlated. For educated women, health and family is the first priority. He arrived at the assumption that women's participation in social, political, and other efforts is also incredibly low. Women's vocational education should be promoted to combat poverty [Hampton, 2011].

Children are typically not the primary subject of research on gender variations for educational outcomes, which is changing as even more data sources, become accessible. Standardized testing and other evaluations, as well as academic results and exam results, are used to evaluate school achievement. The conclusion that men typically score higher on standardized tests whereas women typically receive higher marks shows that the two metrics capture distinct aspects of educational achievement and capability.

Instructors and the settings in learning environments have been investigated as potential reasons for gender inequalities in academic achievement. Girls and boys used to be assigned to distinct higher education tracks frequently; however as was said above, today's course-taking trends for girls and boys are more comparable [Hampton, 2011]. The fact that women tend to choose easier classes in high school does not explain the gender gap.

There is conflicting scientific data about whether and how gender inequalities regarding education outcomes are caused by teacher gender. Male students' performance is not much higher when educated by male teachers compared to female professors, according to some extensive research. Contrarily, shows that high education science, political science, and English classes with female teachers rather than just male teachers enhance the performance of girls and decrease it for boys, resulting in a total gender disparity of 7% of a standard deviation. It is not at all obvious;

however, whether such benefits are the result of gender prejudice in the classroom and whether they show that teaching is somewhat successful based on fit and that, overall, learners' study more from teachers of their gender [Harrison, 2007].

An important finding of the study is the shift from a male advantage to a female one in higher education and graduation, primarily for its own sake and due to the obvious possible effects on the job market, the wedding business, fertility rates, and other areas. One of the most significant tasks for social researchers is to comprehend the structure, reasons, and effects of the increasing gender inequalities in university education. Its section concentrates on the institutional and individual factors that have contributed to the growing gender advantages throughout higher education.

Although studies have not fully separated all the processes linking high education success with college results, gender disparities in higher education behaviors and educational success are probably connected to the female advantages throughout higher education and graduation. Females may accomplish better than high education in part due to their stronger desires to enter college. In 1980, greater male higher education seniors (70 %) than female higher education seniors (55 %) anticipated attending a four-year education, however by 2020, 81 % of female higher institution seniors and 75 % of male higher education seniors anticipated attending a four-year college.

Around the same time, the better academic goals of women and their higher rates of college graduation probably result from their superior academic achievement throughout their educational careers. According to some studies, the female-favorable difference in college and university students enrolled is partly attributable to young women's higher test and score rankings, so many mathematics and science classes they begin taking out higher education, propensity to devote so much period to homework, and lack of disciplinary difficulties as compared to their male peers [Ibarra, 1997]. The basis for women's superior academic achievement throughout college, which in turn greatly contributes to the female advantages in overall college attendance, is provided by gender imbalances during higher education behaviors.

Independent decisions as to how much schooling to pursue may be significantly influenced by variations in the returns to studying and finishing education. The increasing returns on education for women more than for males may be one explanation for the increasing rates of female college attendance and graduation. According to studies, while men's salary rates of return for university education have improved more quickly than women's, this is because fewer higher education graduates are finding high-paying, male-dominated industrial industries. However, research shows that using pay returns alone to compare the relative benefits of education for men and women has become too limited [Jas-ko, 2020]. They examine whether dif-

ferences in outcomes of university education for men and women in respect of incomes, the likelihood of becoming married and having children, the living standards for families, and protection over starvation are related to the increasing female advantages for academic achievement. They discover that women have benefited more from higher education in terms of living standards and protection against the poor than males, based on a pattern assessment of the effectiveness of higher education in all of these results assessed against the baseline values of a high university degree. Therefore, it is conceivable that student reactions to gender-specific variations regarding the worth of a university education may make up at least some of the female-favorable tendency [Logy-based ventures ... , 2013]. towards university graduation. Although not as quickly as for women, average returns to a university degree have increased for men as well. The well-known increased return to school in the employment landscape is one factor driving the increase for men. Additionally, as female salaries have increased, so has the financial weakness of males to divorce, increasing the monetary worth of a husband to men. The modest rate of rising in men's college completion rates, despite increasing benefits from education for men, maybe one surprising aspect of the gender disparity throughout university completion's reversal.

Institutional-level factors are likely to influence gendered trends regarding

higher education and achievement in addition to the variables that affect people's finances and motivations to pursue higher education. Such include shifts in gender responsibilities and aspirations for the life-course pathways of men and women brought about by social influences. Modifications in higher education institutions, of that kind as the expansion of colleges and universities, the rise in tuition prices, and modifications to financial assistance regulatory requirements, have an effect on individual rewards to participate in college [Malmström, 2017]. Modifications in the workforce marketing environment, including decreasing discriminatory practices against women and modifications in occupational sex segregation, have a similar effect.

Research Methodology

The research philosophy is used to conduct this investigation. The study's realist or positivist research ontology views the sociocultural elements that contribute to gender discrimination in schooling as objective truth and examines how they affect economic growth.

Furthermore, positivism philosophy is used to examine the mentioned gender discrimination. The positivist paradigm's ontologically objectivist and ontologically objectivist precepts act as a guide for choosing a quantitative approach for this research that combines a variety of techniques [Malmström, Voitkane, Johansson, Wincent, 2018]. The respondents were from three major cities of Afghanistan including Kabul, Herat and Balkh provinces, mainly students and teachers, 45 were male and 35 were females, and age difference was 20-45 years old as stated in table.1. Most of the participants were from two locations i.e. Kabul and Jowzjan provinces. Respondents have been selected on the basis of their education level which we have set secondary education level to post graduate level for male respondents and for women we have set the Secondary education to graduation. Most of the participants in our survey study were from teaching, students, businessman, and professional working males and females.

Table 1.

Participants information

Gender	Age	Education	Occupation	Location
Male =45	20-45	Secondary level to post graduation	Teaching, businessman, students, job holders	Kabul
Female = 35	20-50	Secondary education to graduation	Students, teachers, working women.	Jowzjan

We have done the survey interview of participants using the written questionnaire. We designed 10 questions for the data collection of this survey. With every participant we have spent 20-30 minutes to get complete the questionnaire and provide feedback

for all questions. We have only selected the outputs that are completely filled by the respondents. Every response which was unfilled, not properly answered, and missed were not included in the data analysis.

Analysis and Discussion

To achieve authenticity, correctness, and the correctness of hypotheses, the dataset has been statistically interpreted using statistical analysis techniques like the Chi-square test and correlations. The dataset has gone through aggregation, explanations, and graphical display in the form of a bar diagram at the conclusion of each table to illustrate the percentages for greater comfort of the findings. The tables are divided into different sections, or "categorizations," that are identified in alphabetical and figurative designs for the readers' convenience and ease of understanding as C1, C2, C3, etc. At the bottom of every table, CT is used to indicate total frequency and percentage. The "variable" is preceded by its distribution, which includes "frequencies" and "percentages", and is then "category". The responses are recorded

using two-point classifications, "to a lower degree" and "to a larger extent", which are represented as (TLE) and (TGE), and are coded as 1 and 2, respectively [Marlow, 2012; Marlow, Patton, 2005].

Female Education and Gender Discrimination within Education

The data support the claim that gender difference within the education system is severe and has led to women becoming illiterate, lowering their status, and impacting the nation's average literacy rate. Gender disparity throughout society is present in many aspects of social life, but it is particularly high in the area of education and employment. The ten elements used to group the debate are C1, C2, C3, C4, C5, C6, C7, C8, C9, and C10.

Table 2.

How gender differences in educational attainment

Classifications	Educational Imbalance by Gender	Women Education		Total
		Lower extent	Greater extent	
C1	Variations in the text	2%	98%	100%
C2	Differences in enrollment in schools	4%	96%	100%
C3	Female dropout rate	3%	97%	100%
C4	Priorities for women	2%	98%	100%
C5	Public preferences	36%	64%	100%
C6	Costly education	33%	67%	100%
C7	Differential subject choice	0%	100%	100%
C8	Less benefit from girls' education	37%	62%	100%
C9	Divergent approaches to education policy	0%	100%	100%
C10	Infrastructure capabilities are lacking.	13%	87%	100%

$P=0.000^{**}<0.05$ and $\chi^2 = 42.141$

The statistical assessment in Table 2 shows how gender differences in educational attainment have a negative impact on both human capital and economic growth. The majority of participants (88 percent), who clearly state that gender difference throughout education lowered women's economic productivity to the families and community as a whole, prefer gender inequality throughout education to a lesser extent (TLE) and a bigger extent (marginalize it). The statistical study also shows that gender inequality in a text (C1) is 100 % attributable, while C2 has 100 % of participants, a significant dropout rate (C3) is 25 %, and C4 is marked by 35 % of participants. In addition to 34 %, 68 % of participants agreed that social preference (C5) in the academic contexts (which are determined by families) often lowered the position of women in families and communities. However, 32 percent: 67 percent of participants suggested using C6 for determining the quantitative outcomes of gender discrepancy in schooling. Additionally, 8 percent of participants indicate that there is a lack of equality in subject choice, 34 percent: 62 percent of survey participants agree with

C8, 8 percent of survey participants indicate there is disparity throughout the education system, and 11 percent of the respondents strongly agree with C10, which states that the main reason for gender difference throughout education is inadequate infrastructure.

As an outcome, the theory "Disparity in content and registration promotes illiterate among women" is put forth to address the gender gap in education. A chi-square test is used to assess the results, and the value of $P=0.000^{**}0.05$ indicates that the finding is very substantial and that there is a strong correlation between women's illiterate and gender discrimination throughout educational attainment. Further, the correlation test supports the finding in a man that $**Correlation$ is extremely significant at 0.01 level (2-tailed), $r(164) = 0.947$; $p 0.01$. Since 91 percent of the variance is shared, the relationship is undoubtedly strong, leading to the conclusion that gender discrepancy is similar to a parasite that affects women's schooling see Table 3. With a r^2 of 0.92 and a shared variance of 92 %, the correlation is clearly significant at 0.01 level (2-tailed), $r(164) = 0.947$; $p .01$. The link is also clearly significant.

Table 3.
Women's Learning and Gender Inequality throughout Education Associations

		Women's schooling	Gender differences in schooling
Women's schooling	Person correlation	1	0.947
	Sig. (2-tailed)		0.00
	N	164	164
Gender differences in schooling	Person correlation	0.947	1
	Sig. (2-tailed)	0.00	
	N	164	164

Effects of Socio-Cultural Barriers on Women’s Learning

The data gathered demonstrates the relationship between sociocultural barriers and women's education in the Afghan society. The findings also demonstrate that socio-cultural barriers prevent women from pursuing higher education in the society, while there is variety in that certain barriers are minor (15%) and indicated by a small number of people, while others are more significant (TGE) and marked by the majority (85 percent). According to the statistical research, cultural barriers including sexism and male dominance (C1) contributed 2 percent:98 percent to the decline in women's educational attainment. Customary rules prohibiting women from leaving the house are responsible for (22 percent: 78 percent) of the gender gap in schooling (C2). Correspondingly, the feudalistic nature of the

community, where customs and values are made a priority, opposes education for women in a fashion of 20 percent: 80 percent (C5), and negative perception regarding purdah and veiling add (21 percent: 79 percent) C6. These gender bias social structures ignore women in the context of education, which resulted in 30 percent: 70 percent (C4). According to the data research, poverty is one of the possible obstacles to women's education and contributes to the fact that 18%:82% of the population in the C7 region cannot afford to send their children, including daughters and sons, to school. The analysis also shows that the indicators of unemployment and female economic dependency (C9) contributed to the results of 10 percent: 90 for women's illiteracy and 14 percent:86 percent of respondents belonging to C10, respectively.

Table 4.

Shows a cross-tabulation of sociocultural challenges to education for women

Classifications	Educational Imbalance by Gender	Women Education		Total
		Lower extent	Greater extent	
C1	Variations in the text	2%	98%	100%
C2	Differences in enrollment in schools	22%	78%	100%
C3	Female dropout rate	23%	77%	100%
C4	Priorities for women	25%	75%	100%
C5	Public preferences	30%	70%	100%
C6	Costly education	21%	79%	100%
C7	Differential subject choice	23%	77%	100%
C8	Less benefit from girls' education	22%	88%	100%
C9	Divergent approaches to education policy	14%	86%	100%
C10	Infrastructure capabilities are lacking.	15%	85%	100%

Факторы, влияющие на гендерное неравенство в сфере образования: на примере Афганистана

Conclusion

Women make up half of the population in the research area of this study's findings. However, the socio-cultural discourses of the region have a significant impact on gender inequality in schooling, which in turn has an impact on the region's economic development. Women and men have unequal access to human capital as a result of the biased gender discourse in education. Interestingly, the region's structure and system play a critical part in obstructing women's access to education. This study also concluded that women are not permitted to participate in the financial issues of the family owing to cultural restrictions. The economic development is negatively impacted by gender disparities in educational attain-

ment as per capita income and production decline, which negatively impacts the country economies importantly, because of the way that women are treated unfairly in education, they are considered in the category of low to none income group in the socio-economic hierarchy of the society which has negative impact on the local economy as well. According to the study, women's sociocultural environment should be more accommodating, particularly for their educational needs. Additionally, gender equality-based socialization and orientation may be implemented so that both genders might potentially contribute to the economy by accessing and completing standard education from public and private education institutions in the country.

References list

1. Aldrich H., Reese P. R., & Dubini P. Women on verge of a breakthrough: Networking among entrepreneurs in the United States and Italy. *Entrepreneurship and Regional Development*, 1(4), 1989, 339–356.
2. Alsos G. A., Isaksen E. J., & Ljunggren E. New venture financing and subsequent business growth in women-led businesses. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 30(5), 2006, 667–686.
3. Amit R., Glosten L., & Muller E. Entrepreneurial ability, venture investments, and risk sharing. *Management Science*, 36(10), 1990, 1233–1246.
4. Arenius P., & Minniti, M. Perceptual variables and nascent entrepreneurship. *Small Business Economics*, 24(3), 2005, 233–247.
5. Armuña C., Ramos, S., Juan J., Feijóo C., & Arenal A. From stand-up to start-up: Exploring entrepreneurship competences and STEM women's intention. *International Entrepreneurship and Management Journal*, 16(1), 2000, 69–92.
6. Greve A., & Salaf J. W. Social networks and entrepreneurship. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 28(1), 2003, 1–22.
7. Hacker H. M. Women as a minority group. *Social Forces*, 1951, 30(1), 60–69.
8. Hampto, A., Cooper S., & McGowan P. Female entrepreneurial networks and networking activity in techno, 2009.

9. Hampton A., McGowan P., & Cooper S. Developing quality in female high-technology entrepreneurs' networks. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 17(6), 2011, 588–606.
10. Harrison R. T., & Mason C. M. Does gender matter? Women business angels and the supply of entrepreneurial finance. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 31(3), 2007, 445–472.
11. Ibarra H. Paving an alternative route: Gender differences in managerial networks. *Social Psychology Quarterly*, 60(1), 1997, 91–102.
12. Jasko K., Pyrkosz-Paynac J., Czarnek G.аła, K., & Szastok M. DukThe STEM graduate: Immediately after graduation, men and women already differ in job outcomes, attributions for success, and desired job characteristics. *Journal of Social Issues*, 2020, 76(3), 512–542.
13. Logy-based ventures: An exploratory study. *International Small Business Journal*, 27(2), 2013, P. 193–214.
14. Malmström, M., Johansson, J., & Wincent, J. Gender stereotypes and venture support decisions: How governmental venture capitalists socially construct entrepreneurs' potential. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 41(5), 2017, 833–860.
15. Malmström, M., Voitekane, A., Johansson, J., & Wincent, J. When stereotypical gender notions see the light of day, will they burst? Venture capitalists' gender constructions versus venturing performance facts. *Journal of Business Venturing Insights*, 9, 2018, 32–38.
16. Marlow, S., & McAdam, M. Analyzing the influence of gender upon high-technology venturing within the context of business incubation. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 36(4), 2012, 655–676.
17. Marlow, S., & Patton, D. All credit to men? *Entrepreneurship, finance, and gender*. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 29(6), 2005, 717–735.
18. Roomi, M., Harrison, P., & Beaumont-Kerridge, J. Women-owned small and medium enterprises in England: Analysis of factors influencing the growth process. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 16(2), 2009, 270–288.
19. UNESCO, Unpacking inclusion in education: lessons from Afghanistan for achieving SDG4, Global Education Monitoring Report Team, Retrieved from URL. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373690/>

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 13.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023

Научная статья
УДК 37.01
DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_180
EDN: GQMCXZ

Развитие социальной активности детей младшего школьного возраста средствами детского экспериментирования

Эльвира Викторовна Зауторова

Доктор педагогических наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Вологодский институт права и экономики; ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт ФСИН России
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Аннотация. Формирование социально активной личности начинается в младшем школьном возрасте. Перед учителем стоит задача научить и проявить в ребёнке стойкое желание учиться. Вместе с тем у обучающихся этого возраста возникают трудности не только в применении методов сравнения, определении причин и выведении следствий, умозаключений и выполнении других логических действий, но и во взаимодействии с другими людьми. В связи с этим педагогу необходимо создать ребёнку ситуацию успеха, чтобы сохранить и развить его положительную мотивацию к обучению, тем самым способствовать формированию важных социальных качеств личности.

Целью исследования является повышение мотивации учебной деятельности детей младшего школьного возраста для развития их социальной активности средствами детского экспериментирования.

В исследовании принимали участие обучающиеся начальной школы г. Вологды, использовалась методика «Оценка уровня школьной мотивации учащихся начальных классов» (Н. Г. Лусканова). Дети, имеющие высокий уровень развития мотивации, составили 20 %, низкий уровень отмечен у 40 % обучающихся. Нами были выявлены причины низкой социальной активности детей данного возраста и пути их решения, осуществлен поиск различных методов и приемов детского экспериментирования.

Проведенный эксперимент показал положительную динамику (уровень учебной мотивации в конце эксперимента вырос до 51 %; количество учащихся с низкой социальной активностью уменьшилось до 20 %). Использование приемов детского экспериментирования требует от учителя специальной подготовки и может сделать процесс обучения более интересным для обучающихся младшего школьного возраста с целью их подготовки к дальнейшей жизни и формирования социально важных качеств личности.

Ключевые слова: общеобразовательная организация; обучающиеся младшего школьного возраста; социальная активность; учебная мотивация; детское экспериментирование

Для цитирования: Зауторова Э. В. Развитие социальной активности детей младшего школьного возраста средствами детского экспериментирования // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 180-193. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_180. <https://elibrary.ru/GQMCXZ>.

Original article

Development of educational motivation of younger schoolchildren by means of children's experimentation

Elvira V. Zautorova

Doctor of pedagogical sciences, professor of department of legal psychology and pedagogy, Vologda institute of law and economics; leading researcher, Research institute of the Federal penitentiary service of Russia
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract. The formation of a socially active personality begins at primary school age. The teacher is faced with the task of teaching and showing a strong desire to learn in the child. At the same time, students of this age have difficulties not only in applying comparison methods, determining causes and deducing consequences, inferences and performing other logical actions, but also in interacting with other people. In this regard, the teacher needs to create a situation of success for the child in order to preserve and develop his positive motivation for learning, thereby contributing to the formation of important social qualities of the individual.

The aim of the study is to increase the motivation of educational activities of primary school children for the development of their social activity by means of children's experimentation.

The study involved students of Vologda primary school, the methodology "Assessment of the level of school motivation of primary school students" (N. G. Luskanova) was used. Children with a high level of motivation development accounted for 20 %, a low level was noted in 40 % of students. We have identified the causes of low social activity of children of this age and ways to solve them, carried out a search for various methods and techniques of children's experimentation.

The conducted experiment showed positive dynamics (the level of educational motivation at the end of the experiment increased to 51 %; the number of students with low social activity decreased to 20 %). The use of methods of child experimentation requires special training from the teacher and can make the learning process more interesting for students of primary school age in order to prepare them for later life and the formation of socially important personality qualities.

Keywords: educational organization; junior schoolchildren; educational motivation; social activity; children's experimentation

For citation: Zautorova E. V. Development of educational motivation of younger schoolchildren by means of children's experimentation. *Social and political researches.*

Развитие социальной активности детей младшего школьного возраста средствами детского экспериментирования

2023;1(18):180-193. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_180.
<https://elibrary.ru/GQMCXZ>.

Введение

Формирование социально-активной личности начинается и наиболее благоприятно продолжается в младшем школьном возрасте. Перед учителем стоит не только задача научить, но и проявить в учащемся стойкое желание учиться, познавать, исследовать – мотивировать его к познавательной деятельности. В связи с этим в образовательных организациях сегодня идет процесс создания условий для реализации динамичного персонализированного обучения. Но поступив в общеобразовательную организацию, первоклассник сталкивается с огромным объемом новой информации, которую необходимо усвоить, то есть не просто запомнить, но и понять, суметь изложить и пояснить. При этом исследователи утверждают, что у обучающихся начальной школы часто не сформированы умения самостоятельно мыслить, рассуждать и делать обоснованные выводы. Зачастую у них возникают трудности не только в применении методов сравнения, определении причин и выведении следствий, формировании цепочки суждений, умозаключений и выполнении других логических действий, но и во взаимодействии с другими людьми [Зауторова, 2022; Гущина, 2020]. В связи с этим педагогу необходимо создать начинающим учащимся ситуацию успеха, чтобы сохранить и развить по-

ложительную мотивацию к обучению, как фактор формирования социально-активной личности [Демидова, 2014].

Исследованию проблем повышения социальной активности личности посвящены работы выдающихся советских педагогов и государственных деятелей П. П. Блонского, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, С. Т. Шацкого и др. Под *социальной активностью* мы понимаем качество личности, способность обучающегося младшего школьного возраста к деятельности, направленной на решение задач, стоящих перед обществом, классом или социальной группой. Социально активного человека можно охарактеризовать как ответственного, целеустремленного, осознанно действующего и живущего во взаимодействии с социумом.

Вопросам учебной мотивации обучающихся посвящены труды Л. И. Божович, Л. С. Выготского, А. И. Леонтьева, А. С. Макаренко, Д. Б. Эльконина и др. Различные аспекты ее формирования и развития нашли отражение в трудах А. В. Дружкина, А. И. Капичникова, О. Б. Капичниковой [Дружкин, 2013], И. В. Рыжковой [Рыжкова, 2014] В. А. Светловой, О. Л. Шабалиной и др. [Самообразование и саморазвитие ... , 2014].

По определению Л. И. Божович, «мотив учебной деятельности – это

побуждения, характеризующие личность школьника, ее основную направленность, воспитанную на протяжении предшествующей его жизни, как семьей, так и самой школой» [Изучение мотивации ... , 1972, с. 181]. А. К. Маркова предлагает определение учебного мотива, которое отражает специфику последнего: «Мотив – это направленность школьника на отдельные стороны учебной работы, связанная с внутренним отношением ученика к ней» [Маркова, 1983, стр. 19]. Отечественные и зарубежные ученые говорят о необходимости постоянной работы по формированию умений и навыков обучающихся для осуществления самостоятельного образовательного процесса [Хроменков, 1989; Скаткин, 1983; Слуцкий, 1992; Johnston, 1985; Jessup, 1969; Ravitch D., 1985].

В поиске путей и приемов повышения мотивации учебной деятельности как фактора социальной активности учащихся, нами были разработаны упражнения с элементами экспериментирования.

Детское экспериментирование – это особая форма поисковой деятельности обучающихся, в которой проявляется собственная активность детей, направленная на получение новых сведений и новых знаний об окружающем мире. Задача окружающих ребенка взрослых – помочь ему в этом. В данной связи экспериментальную деятельность необходимо начинать с раннего возраста, учитывая возможности детей [Рулева, 2023].

Роль педагога в экспериментировании всегда является ведущей, в любом возрасте. Но надо так руководить процессом, чтобы у ребенка сохранилось чувство самостоятельного открытия. Задачей взрослого является создание условий для самостоятельного нахождения детьми ответов на свои вопросы [Братухина, 2019]. Проблемой развития способностей учащихся к усвоению программного материала занимались видные исследователи, результаты исследований в обозначенном формате представлены в трудах С. Ф. Анисимова, Л. С. Выготского, Г. С. Виноградова, В. И. Кузнецова, А. Ф. Никитина и др.

Формирование и развитие мыслительных процессов в обучении посредством применения игровых технологий отражено в работах А. Ф. Амирова, К. Ш. Ахиярова, В. А. Караковского, А. С. Макаренко, С. В. Пашкова, Б. В. Сафронова, А. П. Тряпицыной, Г. И. Щукиной и др. Ученые подчеркивают важность и необходимость целенаправленного применения методов экспериментирования в процессе обучения детей в условиях образовательной организации. Эпиграфом данной деятельности могут стать слова: «Самое лучшее открытие то, которое ребенок делает сам» (Ральф У. Эмерсон). Детское экспериментирование является средством развития способностей ребенка, его мышления и учебной мотивации, значительным образом влияет на успешность обучения и повышения соци-

альной активности обучающихся младшего школьного возраста.

Целью нашего исследования является повышение мотивации учебной деятельности как фактора социальной активности детей младшего школьного возраста средствами детского экспериментирования.

Изучение уровня мотивации учебной деятельности и социальной активности у обучающихся младшего школьного возраста

В исследовании принимали участие обучающиеся начальной школы г. Вологды. Для диагностики уровня учебной мотивации обучающихся младшего школьного возраста мы использовали методику Н. Г. Лускановой «Оценка уровня школьной мотивации учащихся начальных классов» [Лусканова, 2023], где получив 25-30 баллов, уровень школьной мотивации и учебной активности определяется как высокий; при получении 20-24 баллов отмечается хорошая школьная мотивация; при 15-19 баллов для обучающихся характерно положительное отношение к школе, но она привлекает их больше своими внеучебными сторонами.

Результаты изучения уровня учебной мотивации как фактора

социальной активности обучающихся младшего школьного возраста показали, что дети, отличающиеся наличием высоких познавательных мотивов, желанием выполнять требования учителя, то есть имеющие высокий уровень развития мотивации, составляют 20%; дети с хорошей школьной мотивацией, успешно справляющихся с учебной деятельностью – 47,5%; дети, которые достаточно благополучно чувствуют себя в школе, однако скорее ходят в школу, чтобы общаться с друзьями, учителем, при этом познавательные мотивы у них сформированы в меньшей степени, а учебный процесс для них является мало привлекательным, составляет 32,5 %.

Также мы провели тестирование учащихся начальной школы по методике Л. П. Ромадина [Романдин, 2023] (см. табл. 1), которое показало, что наиболее интересными предметами для них являются музыка, чтение, рисование, физкультура. Показательно отношение детей к урокам русского языка. Дети практически не могли назвать причины познавательного интереса к учебному предмету, причем это касается большинства детей в классе.

Таблица 1.
Отношение обучающихся к учебным предметам начальной школы

Отношение	Музыка	Чтение	Русский язык	Английский язык	Окр. мир	Математика	Рисование	Физкультура	Ранг
1. Иногда на уроке бывает интересно	21	23	16	7	6	6	27	12	2

Отношение	Музыка	Чтение	Русский язык	Английский язык	Окр. мир	Математика	Рисование	Физкультура	Ранг
2. Нравится учитель	25	18	17	13	3	17	25	26	1
3. Нравится получать хорошие отметки	9	11	4	10	5	10	24	26	6
4. Родители заставляют	5	17	27	24	8	25	23	—	3
5. Учю, потому что это интересно	5	18	14	4	7	9	20	—	11
6. Предмет интересен и полезен для будущей жизни	7	21	15	12	3	12	14	22	4
7. Узнаю много нового	16	10	18	4	11	17	14	13	5
8. Заставляет думать	3	16	19	16	5	15	10	—	10
9. Получаю удовольствие, работая на уроке	16	20	2	15	4	12	13	6	7
10. Легко дается	11	10	8	8	6	7	10	-	12
11. С нетерпением жду урока	17	13	9	15	5	3	16	15	9
12. Стремлюсь узнать больше, чем требует учитель	5	21	7	2	5	6	13	18	8

Условно сложные предметы (русский язык, английский язык, математика) вызывают у детей неоднозначное отношение. В большей степени отношение к предмету обусловлено тем, что родители заставляют заниматься по этим учебным предметам. Беседа с испытуемыми также привела к выводу, что наиболее важными для детей являются коммуникативные качества личности учителя: доброта, общительность и отзывчивость, настой-

чивость, честность. Интеллектуальные и деловые качества педагога, как показал опрос, находятся на последних местах по важности для данной категории обучающихся.

Изучение уровня учебной мотивации обучающихся на уроках проводилось с помощью карты наблюдений в течение одной четверти (всего по каждому предмету посещено по 4 урока). После этого вычислялись коэффициент активности обучающихся по каждому предмету ($K_{акт}$) и коэффициент полезного

действия самостоятельной работы | (КПД) по формулам:

$$K_{\text{акт}} = \frac{\text{Число учащихся, привлеченных к работе}}{\text{Число учащихся в классе}} \times 100 \%$$

$$\text{КПД} = \frac{\text{Время самостоятельной работы}}{\text{время урока}} \times 100\%$$

Результаты наблюдения за мыслительной активностью учащихся отражены в таблице 2.

Таблица 2.

Активность младших школьников на уроках

Предметы	Музыка	Чтение	Русский язык	Англ. язык	Окр. мир	Математика	Рисование	Физкультура
Коэффициент	82	49	47	36	47	52	89	86
Ранг	3	5	6,5	8	6,5	4	1	2

Из таблицы видно, что наивысшая активность обучающихся отмечается на уроках рисования, физкультуры и музыки (первые три ранговые позиции 1-3), низкая активность – в лингвистической группе предметов: английский и русский языки (последние ранговые позиции 6-8).

Для изучения социальной активности обучающихся младшего школьного возраста применялся метод наблюдения, позволяющий изучить положение ребенка в классе, взаимодействие его со школьным коллективом и обществом в целом [Демидова, 2014]. Отмечается, что половина учащихся (50 %) имеет нормальный уровень социальной активности: стремятся к установле-

нию взаимоотношений с другими людьми, к формированию активной жизненной позиции и т. д. Нельзя также проигнорировать, что довольно большой процент испытуемых имеют низкий уровень социальной активности (40 %): не проявляют стремления к взаимодействию и установлению благоприятных взаимоотношений с другими людьми и т. д.

Полученные результаты говорят о том, что в данном классе необходимо проводить серьезную работу по развитию учебной мотивации обучающихся как фактора развития их социальной активности.

Пути повышения мотивации учебной деятельности как фактора социальной активности обучающихся младшего школьного возраста

Нами были выявлены причины низкой активности детей младшего школьного возраста к обучению и пути их решения, которые представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Причины и пути повышения активности детей младшего школьного возраста в процессе обучения

Причины низкой активности обучающихся	Пути и средства решения
Учебный материал слишком сложен для обучающихся	Разбивка текстового материала на «порции», поощрение обучающихся при возникновении неудач, составление опорных схем-планов, помощь «слабым», оценка любой деятельности
Отсутствие занимательности в самом изучаемом материале	Использование различных видов деятельности, состязательности, игровых методов, использование аудиосредств, моделирование
Отсутствие проблемности в подаче материала	Поощрение интеллектуальной свободы учеников; демонстрация доступных для школьников путей улучшения учебных результатов.
Материал слишком лёгкий для усвоения	Использование заданий с разным уровнем сложности, проблемная подача материала, игры-эксперименты, игры-эксперименты
Высокая утомляемость обучающихся в результате однотипной работы	Эффективное сочетание активных методов и традиционных форм обучения, использование занимательных и творческих заданий

Так, опытные учителя для активизации работы детей используют, например, прием необычного начала урока. Также в ходе эксперимента обучающимся предлагались специально подобранные задания и упражнения: к примеру, был проведен урок с использованием этимологического анализа. На уроках русского языка регулярно использовались словарные диктанты, причем, они осложнялись тем, что слова учащимся не просто диктовались, им предлагались загадки, отгадки которых (слова с безударными

проверяемыми и непроверяемыми гласными) обучающиеся должны были угадать, записать и т. п. Применялся и такой вид работы, как проверка и оценивание учениками словарных диктантов и других орфографических упражнений одноклассников и своих собственных. Это сложный, но эффективный вид работы, развивающий навыки контроля и самоконтроля, являющихся важными компонентами в структуре познавательной деятельности обучающихся [Рыжова, 2013; Зауторова, 2022].

Весьма эффективны для формирования интеллектуальной активности и организации социально-педагогической поддержки детей были специально разработанные упражнения и задания, выполнение исследовательских работ, применение методов науки в своей познавательной деятельности (анalogии, моделирования, мысленного эксперимента, метода экстраполяции, диалектического метода и т. д.), поиск новых оригинальных способов решения каких-либо задач, объяснения изучаемых фактов и явлений и т. д. При этом известно, что познавательная активность основывается на интересе, поэтому мы разрабатывали упражнения, основанные на занимательности, способствующей включению детей в познавательную и социально полезную деятельность [Иванов, 2013].

Одним из принципов организации обучения является также включение учащихся в творческую деятельность и индивидуальная работа с ними.

Определяющими критериями выбора того или иного средства экспериментирования должны быть: задачи, вытекающие из требований программы; содержание и характер знаний, умений и навыков на данной ступени обучения; возрастные и индивидуальные особенности обучающихся младшего школьного возраста, уровень их подготовленности к самостоятельной работе при выполнении данного вида задания.

В результате проведенной работы мы наблюдаем повышение уровня учебной мотивации, результаты отражены в таблице 4.

Таблица 4.

Результаты реализации формирующего эксперимента

Уровни	Начало эксперимента	Конец эксперимента
Высокий	20 %	51 %
Средний	47,5 %	32 %
Низкий	32,5 %	17 %

Проведенный эксперимент доказывает необходимость введение новых методов обучения, включающих методы экспериментирования в учебный процесс.

Развитие учебной мотивации как фактора социальной активности обучающихся младшего школьного возраста школьников поиска эффективных механизмов, а также

привлечение школьного социального педагога, психолога, волонтеров и т. д. К тому же необходимо признание учителем активной роли самого обучающегося, что приводит к изменению представлений о содержании взаимодействия его с учителем и одноклассниками – оно принимает характер сотрудничества,

повышая уровень развития социальной активности ребёнка.

Наблюдение и беседа с участниками процесса показали (обучающихся с низким уровнем социальной активности сократилось вдвое – 20 %), что обучающиеся младшего школьного возраста стали активнее проявлять свою жизненную позицию, увереннее высказывать свою точку зрения и пытаться ее обосновывать, приводя аргументы и доказательства; слушать других, пытаться принимать иную точку зрения; выполнять различные роли в группе при совместном решении проблемы; научились убедительнее говорить и доносить свое мнение до окружающих; уважительно относиться к позиции другого, пытаться договориться и стремиться к благополучному взаимодействию.

Заключение

Предложенные нами формы и приемы работы способствуют заинтересованности детей, пробуждают их интерес к предмету, развивают и обогащают учебный материал, представленный в игровой форме. Всё это способствует более прочному усвоению детьми предложенного материала, позволяет учиться с большим удовольствием, не утомляясь от обилия заданий и информации. Введенные элементы дет-

ского экспериментирования являются эффективным средством повышения учебной мотивации, познавательной деятельности и социальной активности обучающихся младшего школьного возраста.

В результате проведенной работы можно констатировать, что на протяжении периода обучения в начальной школе необходимо развивать познавательные и творческие способности обучающихся, способствовать формированию их активной жизни в обществе, используя разнообразные формы и методы обучения и воспитания личности. Важно, чтобы учитель осознал, что научить детей читать и писать – не единственная цель, надо стараться всеми средствами делать обучение развивающим, включая детей в различные виды деятельности, способствуя формированию активной жизненной позиции. Использование приемов детского экспериментирования в процессе обучения требует от учителя специальной подготовки, проявления творчества, изобретательности, стремления сделать обучение интересным с целью подготовки обучающихся младшего школьного возраста к дальнейшей жизни и формирования их социально важных качеств.

Библиографический список

1. Дружкин А. В. Педагогика высшей школы: Учеб. пособие. 2-е издание / А. В. Дружкин, О. Б. Капичникова. Саратов : Издательский Центр «Наука», 2013. 124 с.

2. Братухина А. И. Детское экспериментирование как огромный развивающий потенциал развития ребенка / А. И. Братухина, О. В. Фалалеева // Молодой ученый. 2019. № 9.1 (247.1). С. 20-23.
3. Гущина Т. Н. Развитие социальной компетентности личности в процессе педагогического сопровождения // Инновации в образовании. 2020. № 3. С. 96–106.
4. Демидова С. А. Развитие социальной активности подростков в школе / С. А. Демидова, И. Р. Сорокина // Теория и практика образования в современном мире : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). Санкт-Петербург : Заневская площадь, 2014. С. 194-196.
5. Зауторова Э. В. Изучение мотивации к самообразованию у обучающихся ведомственного вуза / Э. В. Зауторова, Ф. И. Кевля // Психология обучения. 2022. №1. С. 82-86.
6. Зауторова Э. В. К вопросу о развитии одаренных детей в условиях образовательной организации / Э. В. Зауторова, Н. Г. Соболев // Инновации в образовании. 2022. №11. С. 48-54.
7. Иванов А. В. Методика формирования социальной активности учащегося: Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / А. В. Иванов, И. Ю. Севалкин. Мытищи : УПЦ «Талант», 2012. 350 с.
8. Изучение мотивации поведения детей и подростков: Сборник статей / под ред. [и с предисл.] Л. И. Божович и Л. В. Благоннадеждиной ; Науч.-исслед. ин-т общей и пед. психологии Акад. пед. наук СССР. Москва : Педагогика, 1972. 351 с.
9. Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте : пособие для учителя. Москва : Просвещение, 1983. 96 с.
10. Матренина Л. Ф. Философия. Организация самостоятельной работы студентов : учеб. пос. Москва : МИРЭА, 1993. 43 с.
11. Лусканова Н. Г. Методика «Оценка уровня школьной мотивации учащихся начальных классов». URL: <https://www.megapredmet.ru/1-37550.html>. (Дата обращения: 15.01.2023).
12. Рулева Е. Детское экспериментирование как метод познания мира. Виды экспериментирования. URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/statja-dlja-vospitatelja-detskoe-yeksperimentirovanie-kak-metod-poznanija-mira-vidy-detskogo-yeksperimentirovaniya.html>. (Дата обращения: 14.01.2023).
13. Романдин Л. П. Формирование и развитие мотивации учения младших школьников. URL: <https://refdb.ru/look/2255374-p5.html>. (Дата обращения: 15.01.2023).
14. Рыжкова И. В. Развитие учебной мотивации студентов в условиях новой системы высшего образования // Педагогика: традиции и инновации : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2014 г.) / И. В. Рыжкова, А. И. Капичников, О. Б. Капичникова. Челябинск : Два комсомольца, 2014. С. 160-162.
15. Рыжова Л. В. Методика детского экспериментирования: книга для педагогов и родителей. Анжеро-Судженский городской округ, МБОУ ДОД «ДЭБЦ им. Г. Н. Сагиль». Анжеро-Судженск, 2013. 221 с.
16. Самообразование и саморазвитие личности педагога: учебно-методическое пособие / Мар. гос. ун-т; сост.: О. Л. Шабалина, В. А. Светлова. Йошкар-Ола : ФГБОУ ВПО «Марийский гос. ун-т», 2014. 103 с.

17. Скаткин М. Н. Руководство самообразованием школьников: из опыта работы / Ред.-сост. Б. Ф. Райский, М. Н. Скаткин. Москва : Просвещение, 1983. 143 с.
18. Слуцкий В. И. Элементарная педагогика, или как управлять поведением человека: книга для учителя. Москва : Просвещение, 1992. 159 с.
19. Хроменков Н. А. Образование. Человеческий фактор. Общественный прогресс. Москва : Педагогика, 1989. 192 с.
20. Education on Trial: Strategies for the Future / Ed. by W. J. Johnston. San Frans. (Call.), 1985. 352 p.
21. Jessup F. The Idea of Libelong Learning. A Symposium, on Continuing Education. Oxford Pergamon Press, 1969.
22. Ravitch D. The Schools WE Deserve: Reflections on the Educational Crises of Our Times. N .Y.: Basic Books, 1985. 337 p.

Reference list

1. Druzhkin A. V. Pedagogika vysshej shkoly = Higher education Pedagogy: Ucheb. posobie. 2-e izdanie / A. V. Druzhkin, O. B. Kapichnikova. Saratov : Izdatel'skij Centr «Nauka», 2013. 124 s.
2. Bratuhina A. I. Detskoe jeksperimentirovanie kak ogromnyj razvivajushhij potencial razvitiya rebenka = Child experimentation as a huge developmental potential of a child / A. I. Bratuhina, O. V. Falaleeva // Molodoj uchenyj. 2019. № 9.1 (247.1). S. 20-23.
3. Gushhina T. N. Razvitie social'noj kompetentnosti lichnosti v processe pedagogicheskogo soprovozhdenija = Development of social competence of the individual in the process of pedagogical support // Innovacii v obrazovanii. 2020. № 3. S. 96–106.
4. Demidova S. A. Razvitie social'noj aktivnosti podrostkov v shkole = Development of adolescents' social activity in school / S. A. Demidova, I. R. Sorokina // Teorija i praktika obrazovanija v sovremennom mire : materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, dekabr' 2014 g.). Sankt-Peterburg : Zanevskaja ploshhad', 2014. S. 194-196.
5. Zautorova Je. V. Izuchenie motivacii k samoobrazovaniju u obuchajushhihsja vedomstvennogo vuza = Study of motivation for self-education among students of a departmental university / Je. V. Zautorova, F. I. Kevlja // Psihologija obuchenija. 2022. №1. S. 82-86.
6. Zautorova Je. V. K voprosu o razvitiu odarennyh detej v uslovijah obrazovatel'noj organizacii = On the issue of the development of gifted children in the context of educational organization / Je. V. Zautorova, N. G. Sobolev // Innovacii v obrazovanii. 2022. №11. S. 48-54.
7. Ivanov A. V. Metodika formirovanija social'noj aktivnosti uchashhegsja = Methodology for the formation of social activity of the student: Uchebnoe posobie dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij / A. V. Ivanov, I. Ju. Sevalkin. Mytishhi : UPC «Talant», 2012. 350 s.
8. Izuchenie motivacii povedenija detej i podrostkov Study the motivation of children and adolescents' behavior: Sbornik statej / pod red. [i s predisl.]

L. I. Bozhovich i L. V. Blagonadezhdinov ; Nauch.-issled. in-t obshhej i ped. psihologii Akad. ped. nauk SSSR. Moskva : Pedagogika, 1972. 351 s.

9. Markova A. K. Formirovanie motivacii uchenija v shkol'nom vozraste = Formation of motivation of teaching at school age: posobie dlja uchitelja. Moskva : Prosveshhenie, 1983. 96 s.

10. Matronina L. F. Filosofija. Organizacija samostojatel'noj raboty studentov = Philosophy. Organization of independent work of students : ucheb. pos. Moskva : MIRJeA, 1993. 43 s.

11. Luskanova N. G. Metodika «Ocenka urovnja shkol'noj motivacii uchashhihsja nachal'nyh klassov» = Methodology “Assessment of the level of school motivation of primary school students”. URL: <https://www.megapredmet.ru/1-37550.html>. (Data obrashhenija: 15.01.2023).

12. Ruleva E. Detskoe jeksperimentirovanie kak metod poznanija mira. Vidy jeksperimentirovanija = Childhood experimentation as a method of knowing the world. Types of experimentation. URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/statja-dlja-vospitatelja-detskoe-yeksperimentirovanie-kak-metod-poznanija-mira-vidy-detskogo-yeksperimentirovanija.html>. (Data obrashhenija: 14.01.2023).

13. Romandin L. P. Formirovanie i razvitie motivacii uchenija mladshih shkol'nikov = Formation and development of motivation for the teaching of junior students URL: <https://refdb.ru/look/2255374-p5.html>. (Data obrashhenija: 15.01.2023).

14. Ryzhkova I. V. Razvitie uchebnoj motivacii studentov v uslovijah novoj sistemy vysshego obrazovanija = Development of student motivation in the new higher education system // Pedagogika: tradicii i innovacii : materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (g. Cheljabinsk, ijun' 2014 g.) / I. V. Ryzhkova, A. I. Kapichnikov, O. B. Kapichnikova. Cheljabinsk : Dva komsomol'ca, 2014. S. 160-162.

15. Ryzhova L. V. Metodika detskogo jeksperimentirovanija: kniga dlja pedagogov i roditel'ev = Technique of children's experimentation: a book for teachers and parents. Anzhero-Sudzhenskij gorodskoj okrug, MBOU DOD “DJeBC im. G.N. Sagil”. Anzhero-Sudzhensk, 2013. 221 s.

16. Samoobrazovanie i samorazvitie lichnosti pedagoga = Self-education and self-development of the teacher's personality: uchebno-metodicheskoe posobie / Mar. gos. un-t; sost.: O. L. Shabalina, V. A. Svetlova. Joshkar-Ola : FGBOU VPO «Marijskij gos. un-t», 2014. 103 s.

17. Skatkin M. N. Rukovodstvo samoobrazovaniem shkol'nikov: iz opyta raboty = Guidance on the self-education of schoolchildren: from work experience / Red.-sost. B.F. Rajsckij, M.N. Skatkin. Moskva : Prosveshhenie, 1983. 143 s.

18. Sluckij V. I. Jelementarnaja pedagogika, ili kak upravljat' povedeniem cheloveka = Elementary pedagogy, or how to control human behavior: kniga dlja uchitelja. Moskva : Prosveshhenie, 1992. 159 s.

19. Hromenkov N. A. Obrazovanie. Chelovecheskij faktor. Obshhestvennyj progress = Education. Human factor. Public progress Moskva : Pedagogika, 1989. 192 s.

20. Education on Trial: Strategies for the Future / Ed. by W. J. Johnston. San Frans. (Call.), 1985. 352 p.

21. Jessup F. The Idea of Libelong Learning. A Symposium, on Continuing Education. Oxford Pergamon Press, 1969.

22. Ravitch D. The Schools WE Deserve: Reflections on the Educational Crises of Our Times. N .Y.: Basic Books, 1985. 337 p.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 11.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023

Научная статья
УДК 37.01
DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_194
EDN: CQMQRS

Реализация модели формирования ответственного отношения к оружию у учащейся молодежи

Павел Игоревич Дубенский

Аспирант, Костромской государственной университет, г. Кострома
dybenskiy83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6072-5412>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена имеющимися противоречиями между возрастанием случаев среди подростков и молодежи применения различного оружия, угроз в его использовании и неготовностью общества, системы образования минимизировать, профилактировать данный риск. Формирование модели ответственного отношения к оружию, его применению учащейся молодежью характеризуется длительным по времени, противоречивым, многофакторным процессом, имеющим актуальность не только в рамках сегодняшнего дня, но и в стратегическом плане. Данный процесс связан с ракурсом оценки подходов к реализации ключевых условий формирования ответственного отношения к оружию у учащейся молодежи.

Цель исследования связана с выявлением и обоснованием организационно-педагогических условий процесса формирования ответственного отношения к обращению с оружием у учащейся молодежи.

Задачи исследования: раскрыть сущность понятия «оружие»; рассмотреть проблему «дети и оружие» в рамках историко-педагогического аспекта; дать характеристику теоретическим подходам к проблеме формирования ответственного отношения у учащейся молодежи к оружию; выделить условия реализации формирования ответственного отношения к оружию и его применению у учащейся молодежи; определить содержание работы по формированию ответственности по отношению к оружию у учащейся молодежи.

Практическая значимость исследования связана с разработанной и представленной программой формирования у учащейся молодежи ответственного отношения к оружию, в которой представлены условия ее реализации, диагностический инструментарий, педагогические средства и приемы, методические находки, ресурсное обеспечение. Данная разработка способствует повышению результативности воспитательной работы, социально-педагогической деятельности в образовательных организациях различного типа и уровня.

Представленные в исследовании материалы могут быть применены при содержательном наполнении программ, курсов подготовки и повышения квалификации педагогических работников системы образования.

Ключевые слова: педагогическая модель; формирование; ответственность; молодежь; учащиеся; оружие; условия

Для цитирования: Дубенский П. И. Реализация модели формирования ответственного отношения к оружию у учащейся молодежи // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 194-207. http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_194. <https://elibrary.ru/CQMQRS>.

Original article

Implementation of a model for the formation of a responsible attitude to weapons among students

Pavel I. Dubenskij

Post-graduate student, Kostroma state university, Kostroma
dybenskiy83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6072-5412>

Abstract. The relevance of the article is due to the existing contradictions between the increase in cases among adolescents and young people of the use of various weapons, threats in their use and the unwillingness of society, the education system to minimize and prevent this risk. The formation of a model of responsible attitude to weapons and their use by students is characterized by a long-term, contradictory, multifactorial process within the framework of the content, which is relevant not only within the framework of today, but also in strategic terms. This process is associated with the perspective of evaluating approaches to the formation of a meaningful component for the implementation of key conditions.

The purpose of the study is to identify and substantiate the organizational and pedagogical conditions of the process of forming a responsible attitude to the handling of weapons among students.

Research objectives are to reveal the essence of the concept of “weapons”; to consider the problem of “children and weapons” within the historical and pedagogical aspect; to characterize theoretical approaches to the problem of forming a responsible attitude among students to weapons; to highlight the conditions for the implementation of the formation of a responsible attitude to weapons and its use among students; to determine the content of work on the formation of responsibility young students have a gun.

The practical significance of the study is related to the developed and presented program for the formation of a responsible attitude to weapons among young students, the conditions for its implementation, diagnostic tools, pedagogical tools and techniques, methodological findings, resource support contribute to improving the effectiveness of educational work, socio-pedagogical activities in educational organizations of various types and levels.

The materials presented in the study can be used for the content of programs, training courses, advanced training of teachers, specialists in the system of additional education, assistants in educational work.

Keywords: pedagogical model; formation; responsibility; youth; students; weapons; conditions

For citation: Dubenskij P. I. Implementation of a model for the formation of a responsible attitude to weapons among students. *Social and political researches*.

Введение

Актуальность проблемы исследования определяется сложными и противоречивыми процессами, которые в последнее время протекают во всех сферах жизни российского общества, в том числе в воспитании, образовании и социализации подрастающего поколения. При нестабильности

социально-экономической и политической ситуации одной из уязвимых категорий населения, наиболее подверженной негативным факторам, являются дети и молодежь. Особенностью данных категорий граждан является активное включение как в позитивные процессы, так и в деструктивные, готовность к позитивному восприятию социальной деятельности или критическая, неприемлемая оценка деятельности государственных, социальных институтов. Данные аспекты требуют рассмотрения теоретических и практических подходов, оценки традиционных и инновационных педагогических, воспитательных практик по формированию ответственного отношения у детей и молодежи к оружию и его применению.

Решение проблемы включенности учащейся молодежи в негативные, асоциальные процессы, связано с формированием ответственной позиции, готовностью противостоять деструктивному влиянию.

Методы исследования

Для достижения поставленных целей и решения намеченных задач использовалась следующая совокупность методов исследования: теоретические (анализ юридической, социологической, педагогической, психологической литературы по изучаемой проблеме, моделирование), эмпирические (анкетирование, тестирование, обобщение педагогического опыта, анализ продуктов деятельности, наблюдение, изучение документации) и опытно-экспериментальная работа.

Результаты исследования

Проблема формирования ответственного отношения к чему-либо на разных этапах становления и развития личности находится в поле зрения представителей различных социально-экономических и гуманитарных наук. Её решение во многом зависит от оценки понимания смысла термина «ответственность». В большинстве исследований данное понятие представлено трактовкой «нести ответственность, иметь высокое чувство долга, серьезное отношение к своим обязанностям», во-вторых, исполнение обязанностей, следование правилам в какой-нибудь деятельности [Ожегов, 1990].

В рамках деятельностного подхода структурный компонент включает понимание субъекта (кто отвечает), объекта (за что, во имя чего,

как отвечает) и предел, меру ответственности. Стратегический потенциал данного вопроса связан с пониманием формирования понятия «ответственность» как черты личности, которая складывается в процессе совместной деятельности (не любой, а позволяющей реализовать творческий потенциал индивида в созидании гуманных общественных отношений и утверждении принципов социальной справедливости) в результате чего происходит интериоризация социальных ценностей [Карпенко, 1985].

Педагогическая наука данный феномен рассматривает через условия отражения воспитательного потенциала образовательного процесса, рассматривает данную категорию как фактор зрелости, готовности к выполнению требований общества, государства: способность личности «понимать соответствие результатов своей деятельности поставленным целям, принятым в обществе или коллективе нормам, в результате чего возникает чувство сопричастности к общему делу; способность личности понимать и следовать юридическим и нравственным нормам, определяющим обязанности ее перед государством, обществом, определенным сообществом» [Рудь, 2021, с. 257].

В педагогической науке проблема ответственного отношения к оружию не рассматривается в широком ракурсе. Отдельные вопросы культуры обращения с оружием, психологические и педагогические

последствия его применения выделены в исследованиях В. Н. Витольник, А. Л. Попова [Витольник, Попов, 2018], Э. В. Солоницкой [Солоницкая, 2016] и других учёных. Рассмотрение особенностей социального становления, рисков, факторов, предопределяющих преступное поведение молодежи, представлено отечественными и зарубежными психологами, педагогами через призму возможности предупреждения, преодоления (А. Г. Асмолов [Асмолов, 2020], Б. С. Волков [Волков, 2001], А. В. Мудрик [Мудрик, 2010], С. Д. Поляков [Поляков, 2008] и др.).

В рамках анализа теоретических подходов термин «ответственное отношение» рассматривается нами как сложное личностное образование, включающее эмоционально-волевой, мотивационно-ценностный, интеллектуальный и рефлексивный компоненты. Формирование ответственного отношения затруднено [Прядеин, 2012], данный процесс носит длительный характер и не завершается определенным возрастным этапом.

Период молодости в рамках законодательного регулирования охватывает граждан на этапе от 14 до 35 лет. Молодость как определенный этап жизненного цикла определяет также социально-правовой статус человека, демонстрирует отношение к видам деятельности. Выделение учащейся молодежи в особую группу вызва-

но, прежде всего, обобщенностью, связанной с получением образования, как основного вида деятельности. Создание системы нравственных и смысловых ориентиров молодежи, формирование у неё готовности противостоять негативным вызовам, явлениям – одна из ключевых целей, поставленных перед политикой в области образования. Феномен ответственности связан с целостностью системы, выстраиванием её на четких методологических подходах (системном, личностно-ориентированном, деятельностном) [Гузанов, 2010].

Выделение отдельного направления в педагогической деятельности по формированию ответственного отношения к оружию связано:

- с расширением потенциала включения учащейся молодежи в процессы направленные на построение эффективной модели их социального развития;
- получением позитивного опыта взаимодействия;
- усилением личностного и группового компонента в мероприятиях гражданско-патриотической направленности.

На уровне законодательства термин «оружие» рассматривается как устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. При этом в рамках существующих классификаций можно выделить огнестрельное, метательное, холодное, газовое, сигнальное, пневматическое и нестандартное

оружие, предметы для поражения. Негативные факторы в данном процессе связаны не с оружием как таковым, а с адекватностью, целью его применения, оценкой рисков.

Оружие признается как источник повышенной опасности, что накладывает на граждан личную ответственность за его хранение и применение. Историко-педагогический анализ проблемы «Дети и оружие» показал, что в каждом государстве, в различные исторические периоды формировалась собственная модель обращения с оружием. Владение оружием, умелое его применение рассматривалось как фактор взросления, ответственности за себя и близких, обет мужественности, доблести, чести.

Приобщение к оружию, его использованию осуществлялось в рамках игровых практик, через конкретные формы деятельности, погружение в военную среду. Разделение ролевых функций между мужчиной и женщиной определило и вариативность получения опыта, нацеленность на результат. В частности, в сознании большинства народов являлось и по сей день актуально понимание, что для мальчика игрушкой является оружие, сами игры имитируют сражения, а занятия с оружием связаны с вариацией использования различных техник боя. При этом в отечественном опыте акцент также делается на выработке дисциплинированности, ответственности человека при обращении с оружием.

Оценка рисков приобретения, применения оружия на современном этапе рассматривается нами в контексте проблемы «шутинга» (скулшутинг), феномена «колумбайна» и распространения в молодежной среде интернет-сообществ деструктивной направленности. Феномен вооруженных нападений подростками и юношами на образовательные организации рассматривается как проявление особой субкультурной среды, в которой культивируется идея насилия, величия сильных над слабым. Подражание деструктивным моделям поведения связано с психотравмирующей ситуацией, пережитой подростком ранее. Массовые убийства в образовательных организациях привели исследователей к необходимости рассмотрения данного негативного явления не только с позиции самого нападавшего, но и со стороны факторов, способствующих данному агрессивному поведению.

Применение оружия, насилия по отношению к слабому человеку, по дискриминационным показателям культивируется и в ряде закрытых интернет-сообществ («Маньяки», «Культ убийств»). Участниками таких групп являются молодые люди, формирующие жизненную позицию, исходя из своего представления о «чистоте расы, мира, общества». Трагедии, случившиеся в последнее время, указывают на необходимость определения педагогических условий, разработки комплексных программ по формирова-

нию у учащейся молодежи ответственности по отношению к применению оружия.

В педагогике условия рассматриваются «... как обстоятельства, обуславливающие появление / развитие того или иного процесса» [Новиков, 2013, с. 60]; «... совокупность внешних обстоятельств ее субъектов, способствующих или препятствующих ее успешности» [Мудрик, 2010, с. 398]. Данный подход, в большей степени предопределяет возможность педагогического влияния, создания среды нацеленной на формирование ответственности у учащейся молодежи по отношению к оружию.

В ходе оценки ключевых факторов, способствующих формированию ответственности у данной социально-демографической группы нами, был выделен ряд условий:

- создание многослойной специфической предметно-пространственной среды;
- организация насыщенной нравственно-правовой практики;
- налаживание непрерывного мониторинга изменений в волевой, эмоционально-ценностной, действенно-практической сферах развития личности.

Интегрирующим понятием при рассмотрении первого условия выступает «молодежная среда» как социально-политическое пространство социального взаимодействия молодежи между собой, с обществом, государственными структурами; факторы, связанные с саморе-

ализацией данной социально-демографической группы (учеба, досуг, здоровье, творчество и иное). Среда жизнедеятельности учащейся молодежи нами рассматривается через призму поведенческой, событийной, культурной (субкультурной), информационной, предметно-пространственной составляющих (Н. Е. Шуркова), одна из которых, выступает как системообразующая. Одной из сторон данного процесса является педагогически организованное, специально сконструированное пространство бытия, «территория», где на учащегося объективно действуют факторы (источники), субъекты воспитания, где становится возможной деятельность, цель которой – становление личности.

В целях нашего исследования феномен «среда» рассматривается как специально продуманная, организованная модель, имеющая с позиции содержательного компонента множественный, целесообразно определенный характер.

При рассмотрении и оценке содержательного компонента исследования нами был сделан акцент на многослойности процесса формирования ответственного отношения к оружию у учащейся молодежи. Первый слой (микроуровень) объединяет ресурсы. Пример – ресурсы Ченцовского центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей, Культурно-образовательный центр деревни Ченцы Красносельского района и Иконниковская средняя школа

Красносельского района Костромской области. Молодёжь и учащиеся образовательной организации являются участниками юнармейского сообщества. Пространственно-средовой компонент связан с созданием условий по реализации потенциала молодых людей через участие в программах «Твой выбор», «Домашняя академия», «Кулинария», в уроках мужества, встречах с авторитетными для молодежи людьми, включением в коллективно-творческую деятельность.

Второй слой конструируемой среды соответствует мезоуровню, связанному с определенной дистанцированностью между участниками взаимодействия. На данном этапе аккумулируются ресурсы образовательных организаций, занимающихся военно-профессиональной подготовкой, гражданско-патриотическим воспитанием (Кадетская школа-интернат «Костромской кадетский корпус», Костромской колледж бытового сервиса, Военная академия РХБзащиты имени маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, Институт педагогики и психологии Костромского государственного университета). Акцент делается на создание системы партнерских отношений, совместное использование ресурсов организаций, проведение общих мероприятий («Память в акциях», «Юнармейское лето», «Великие Российские имена», «День Героев», «Сила духа» и др.).

Третий слой (макроуровень) связан с опосредованным влиянием, оказываемым общественными объединениями, организациями в рамках сетевого принципа в совместной деятельности. Организаторами и участниками выступают представители Ассоциация военно-патриотических клубов ДОСААФ по Костромской области, общественная организация «Ветераны войны и военной травмы», региональные объединения страйкбольных клубов и юнармейских организаций Костромской области, Молодежный комплекс «Пале» г. Костромы и другие заинтересованные учреждения и организации.

Второе условие формирования ответственного отношения к оружию у учащейся молодежи направлено на организацию насыщенной нравственно-правовой практики. В философской науке термин «практика» соотносится с действием, деятельностью и имеет ряд ключевых признаков:

а) структурой, которая включает потребность, цель, мотив, целесообразную деятельность, средства, с чьей помощью достигается ожидаемый результат;

б) формами: материальное производство, социальное действие, научный эксперимент;

в) видами: производственная, социальная, общественно-полезная, разговорная, духовно-нравственная, правовая, социально-политическая, бытовая, врачебная, педагогическая, хозяйственная, культурная и иная;

г) функции в отношении познания (базисная, детерминирующая, критериальная, целеполагающая), познания в отношении практики (информационно-отражающая, регулятивная, прогностическая)» [Алексеева, 2000, с. 302-303], в отношении субъекта (развивающая, образовательная, социализирующая, ценностно-ориентирующая, мотивирующая).

В рамках реализации акцент был сделан на нравственно-правовых практиках. Примерами организации практик могут служить традиционные занятия в «Школе выживания», в основе которых нацеленность на формирование жизнестойкости, личной безопасности, сохранение здоровья работоспособности в сложных условиях; реализация программы «Маршрут успеха», целью которой является включение учащейся молодежи в развитие навыков регулирования взаимоотношений в повседневной жизни. Для этого предусматривается: работа с диаграммами из цикла «Я имею право»; анализ практических примеров «Истории...»; открытая дискуссия «Кто отвечает за что?!»; подготовка, обсуждение в малой группе и выступление перед обучающимися с сообщением «Мои права – мои обязанности», «Право и ответственность»; подготовка социальной рекламы по проблемам профилактики аддитивного поведения, пропаганды здорового образа жизни и многое другое.

Через организацию проектной деятельности организуется процесс по

налаживанию межгруппового и межличностного взаимодействия, формируются жизненно значимые стратегические позиции, расширяется личностный потенциал учащейся молодёжи. Вариантом данного направления является проект «Твоя безопасность в твоих руках», где в совместной модели взаимодействия сами ребята формируют для сверстников сложные ситуации и содействуют отработке выхода из них. Содержание проекта включает в себя информационные занятия, практикумы, ролевые игры, акции, беседы, тренинги и другие формы работы.

Поиск и отработка оптимально-приемлемой модели поведения реализуются в рамках нравственных и социальных проб, где субъект погружается в ситуацию выбора. Варианты мероприятий разнообразны («В ловушке», «Быть лучше или жить лучше», «Ищу героя» и др.), и акцент сделан на формировании ответственного поведения, уважительного отношения к традициям, истории, культуре, ценностям ориентирам страны. Пиковой точкой в организации работы по формированию ответственного отношения у учащейся молодежи к оружию является «Юнармейская зарница», которая способствует конкретизации накопленных знаний, умений и навыков по вопросам гражданственности и законопослушания, выстраиванию их в четкую систему, расширение опыта преодоления трудностей.

Налаживание непрерывного мониторинга изменений в волевой,

эмоционально-ценностной, действенно-практической сферах развития личности, рассматривается нами как третье условие. Оно позволяет оценить применяемые в ходе работы средства, является отражением реализуемой деятельности с учетом особенностей каждого молодого человека.

Под термином «мониторинг» принято понимать «.. системную диагностику качественных и количественных характеристик эффективности функционирования и тенденций саморазвития <...> системы, включая ее цели, содержание, формы, методы, средства, условия и результаты обучения, воспитания, саморазвития личности и коллектива» [Ожегов, 1990, с. 76; Мардахаев, 2002, с. 69].

Система мониторинга строится в рамках алгоритма и включает в себя звенья диагностики: предварительная, входная, выборочная, комплексная, имеющая целью определение успешности проводимой работы, выявление недостатков, обобщение опыта, связанного с внедрением новых форм, средств, приемов, технологий, содержания, их оценка для дальнейшего планирования деятельности. Для сбора данных применялись известные в социологии, педагогике, психологии методы: наблюдение, анализ документов, опросные методы. Мониторинговая работа позволила не только отслеживать результат, но и вносить необходимые корректиров-

ки в планы исследования в ход опытно-экспериментальной работы.

В ходе опытно-экспериментальной работы при реализации педагогического эксперимента (констатирующего и формирующего) нами проверялась успешность формирования у учащейся молодежи ответственного отношения к оружию и обращению с ним. В качестве возможности для решения проблемы нами рассматривалась включенность учащихся в деятельность общественных организаций, в частности, во всероссийское военно-патриотическое общественное движение «ЮНАРМИЯ», призванное направить активность юношества в просоциальное русло. Получению объективной информации способствовал анализ программных документов, оценка их деятельности в средствах массовой информации, беседы с педагогами и учащимися.

В результате мониторинга было определено, что данное движение интересно для ребят, формирует важные социально-значимые компетенции, в том числе представление об успехе, успешности, взрослости, гражданственности и иное. В рамках логики исследования ключевой акцент был сделан на понимание, осведомленность ребят об оружии, условиях его использования. В опросе принимали участие ребята, являющиеся участниками юнармейского движения. Ребята отметили, необходимость владения мужчинами огнестрельным оружием (33 %), при этом выделили клю-

чевую проблему – большое количество оружия у граждан несет определенную опасность (28 %). Потребность формирования ответственного отношения к оружию, по мнению молодежи, связана с защитой себя и близких.

Комплексные диагностические процедуры показали, что юнармейцам ближе цели, связанные с решением повседневных задач, активная позиция рассматривается как возможный потенциал, имеющий длительную перспективу.

В рамках формирующей фазы опытно-экспериментальной работы была представлена программа, включающая в себя: серию тренингов («Модификации поведения», «Как достичь взаимопонимания» и др.), образовательные квесты («Города герои», «Символы эпохи»), исторические реконструкции, мероприятия для ветеранов, тружеников тыла и многое другое.

Ключевым компонентом формирующего этапа исследования стало применение технологий развития критического мышления, коллективной творческой деятельности, групповой работы, исследовательского поиска, создания ситуации успеха, что стимулировало позицию активного субъекта преобразований на основе принципов свободы выбора, содержательной проблемности, адресной поддержки, диалогического взаимодействия, разноуровневого общения.

Методическое обеспечение работы связано с созданием специа-

лизированных материалов, которое включает информационную (кейсы, рабочие тетради, альбомы, программированные пособия и др.), инструментально-методическую (схемы, карты, презентации, макеты, тренажеры, муляжи и т. п.), рефлексивную (карточки, сигнальные модели, уроки рисования «Твой открытия», «Теперь твой черёд» и др.) составляющие.

По мере реализации опытно-экспериментальной работы показана значительная позитивная динамика формирования ответственного отношения у учащейся молодежи к оружию.

Заключение

Процесс формирования ответственности предполагает определённую степень осознания требований, предъявляемых к личности со стороны общества, ближайшего окружения и осуществляется в рамках конкретных организационно-педагогических условий.

В формате оценки эффективности формирования ответственного отношения к оружию у учащейся молодежи нами выделены условия по созданию многослойной специальной предметно-пространственной среды (когда первый слой объединяет ресурсы организаций и учреждений, на базе которых функ-

ционирует юнармейское сообщество, второй – аккумулирует ресурсы организаций при дискретных контактах, третий – строится на взаимодействии с социальными партнерами на региональном уровне); по организации насыщенной нравственно-правовой помощи, подразумевающей погружение учащихся в преобразовательную деятельность, обеспечивающую присвоение и трансляцию норм и правил социально одобряемого поведения (отработка действий и навыков в ходе решения дилемм типа: Имею право, Кто ответит за это? Твоя безопасность в твоих руках и др.); по налаживанию непрерывного мониторинга, предполагающего замеры пошаговых изменений в опыте молодых людей для последующей коррекции педагогических действий.

Построение комплексной модели формирования ответственного отношения к оружию у учащейся молодежи позволяет минимизировать риски и преодолеть существующие барьеры, адекватно активизировать имеющиеся ресурсы и содержательно акцентировать внимание на актуальных потребностях учащейся молодежи при формировании ответственного отношения к оружию и его применению.

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. Ребенок в культуре взрослых / А. Г. Асмолов, Н. А. Пастернак. Москва : Юрайт, 2020. 150 с.
2. Витольник В. Н. Культура обращения с огнестрельным оружием: педагогический аспект / В. Н. Витольник, А. А. Попов // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №59. С. 95–99.

3. Волков Б. С. Психология ранней юности. Москва : ТЦ «Сфера», 2001. 96 с.
4. Воспитательная деятельность педагога / под общ. ред. В .А. Слостенина и И. А. Колесниковой. Москва : Изд. центр «Академия», 2005. 336 с.
5. Гузанов А. Н. Педагогические основы формирования ответственного отношения к обучению у курсантов военного вуза // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2009. №1. С. 131–135.
6. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко. Москва : Политиздат, 1985. 431с.
7. Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеева. Москва : Проспект, 2000. 400 с.
8. Лаврентьева О. А. Особенности формирования социальной ответственности в подростковом возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. №4, С. 33–36.
9. Лукашкова И. Л. Феномен Скулшутинга: причины и профилактика / И. Л. Лукашкова, А. А. Яценко // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021 №2(12), С.337–341.
10. Мудрик А. В. Социализация человека. Москва : МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 624 с.
11. Новиков А. М. Педагогика. Словарь: системы основных понятий. Москва : Изд. центр ИЭТ, 2013. 268 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Dictionary of the Russian language Москва : Русский язык, 1990. 921с.
13. Поляков С. Д. Опыт психологической характеристики современной юности // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2008. Т. 14. С. 47–49.
14. Прядеин В. П. Понятие ответственности, исполнительности, воли как объекты психолого-педагогического исследования // Педагогика. Самоопределение человека и этические ценности глазами психологов, педагогов, социологов. 2012. №1. С.32–44.
15. Рудь С. А. Понятие «ответственное отношение к учению» и его характеристика // Молодой ученый. 2021. № 17 (359). С. 282–290.
16. Словарь по социальной педагогике / Авт.– сост. Л. В. Мардахаев. Москва : Изд. центр «Академия», 2002. 368 с.
17. Солоницкая Э. В. Формирование у обучающихся образовательных учреждений системы МВД России модели правомерного применения огнестрельного оружия / Э. В. Солоницкая, И. Е. Лапшин // Философия права. 2016. №2. С. 121–125.
18. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America // Terrorism and Political Violence. 2014. Vol. 26 (1). P. 185–210.
19. Rankin N. Taking Parenting Public: The Case for a New Social Movement. – Rowman and Littlefield, 2002. – 295 p.
20. Silver N.C., Witt L.A. The effects of social responsibility and satisfaction on extra role behaviors // Basic and Applied Social Psychology. 2008. № 15. P. 16–18.

References list

1. Asmolov A.G. Rebenok v kul'ture vzroslyh = Child in adult culture / A. G. Asmolov, N.A. Pasternak. Moskva : Jurajt, 2020. 150 s.
2. Vitol'nik V. N. Kul'tura obrashhenija s ognestrel'nym oruzhiem: pedagogicheskij aspekt = Firearms culture: pedagogical aspect / V. N. Vitol'nik, A. A. Popov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. 2018. №59. S. 95–99.
3. Volkov B.S. Psihologija rannej junosti = Psychology of early youth/ Moskva : TC «Sfera», 2001. 96 s.
4. Vospitatel'naja dejatel'nost' pedagoga = Educational activities of the teacher / pod obshh. red. V .A. Slastenina i I. A. Kolesnikovoj. Moskva: Izd. centr «Akademija», 2005. 336 s.
5. Guzanov A. N. Pedagogicheskie osnovy formirovanija otvetstvennogo otnoshenija k obucheniju u kursantov voennogo vuza = Pedagogical foundations of the formation of a responsible attitude to training among cadets of a military university // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2009. №1. S. 131–135.
6. Kratkij psihologicheskij slovar' = Brief psychological dictionary / sost. L. A. Karpenko. Moskva : Politizdat, 1985. 431s.
7. Kratkij filosofskij slovar' = Brief philosophical dictionary / Pod red. A. P. Alekseeva. Moskva : «Prospekt», 2000. 400 s.
8. Lavrent'eva O. A. Osobennosti formirovanija social'noj otvetstvennosti v podrostkovom vozraste = Features of the formation of social responsibility in adolescence // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2015. №4, S. 33-36.
9. Lukashkova I. L. Fenomen Skulshutinga: prichiny i profilaktika = Schoolshooting phenomenon: reasons and prevention / I.L. Lukashkova, A. A. Jashhenko // Uchenye zapiski Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021 №2(12), S.337-341.
10. Mudrik A.V. Socializacija cheloveka = Socialization of man. Moskva: MPSI; Voronezh: MODJeK, 2010. 624 s.
11. Novikov A.M. Pedagogika. Slovar': sistemy osnovnyh ponjatij = Pedagogy. Dictionary: systems of basic concepts. Moskva: Izd. centr IJeT, 2013. 268 s.
12. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of the Russian language. Moskva : Russkij jazyk, 1990. 921s.
13. Poljakov S.D. Opyt psihologicheskij harakteristiki sovremennoj junosti = Experience of psychological characterization of modern youth // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2008. T. 14. S. 47–49.
14. Prjadein V.P. Ponjatie otvetstvennosti, ispolnitel'nosti, voli kak ob#ekty psihologo-pedagogicheskogo issledovanija = The concept of responsibility, execution, will as objects of psychological and pedagogical research // Pedagogika. Samoopredelenie cheloveka i jeticheskie cennosti glazami psihologov, pedagogov, sociologov. 2012. №1. S. 32–44.
15. Rud' S. A. Ponjatie «otvetstvennoe otnoshenie k ucheniju» i ego harakteristika = The concept of “responsible attitude to teaching” and its characteristics // Molodoj uchenyj. 2021. № 17 (359). S. 282-290.

16. Slovar' po social'noj pedagogike = Dictionary on Social Pedagogy / avt.– sost. L. V. Mardahaev. Moskva : Izd. centr «Akademija», 2002. 368 s.

17. Solonickaja Je.V. Formirovanie u obuchajushhihsja obrazovatel'nyh uchrezhdenij sistemy MVD Rossii modeli pravomernogo primenenija ognestrel'nogo oruzhija = Formation of a model of legitimate use of firearms among students of educational institutions of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia / Je. V. Solonickaja, I. E. Lapshin // Filosofija prava. 2016. №2. S. 121–125.

18. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America // Terrorism and Political Violence. 2014. Vol. 26 (1). P. 185–210.

19. Rankin N. Taking Parenting Public: The Case for a New Social Movement. Rowman and Littlefield, 2002. 295 p.

20. Silver N.C., Witt L.A. The effects of social responsibility and satisfaction on extra role behaviors // Basic and Applied Social Psychology. 2008. № 15. P. 16-18.

Статья поступила в редакцию 04.01.2023; одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 04.01.2023; approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023

Научный журнал

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

2023 – № 1 (18)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 26 п. л., 13,16 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 30. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 28.03.2023

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44